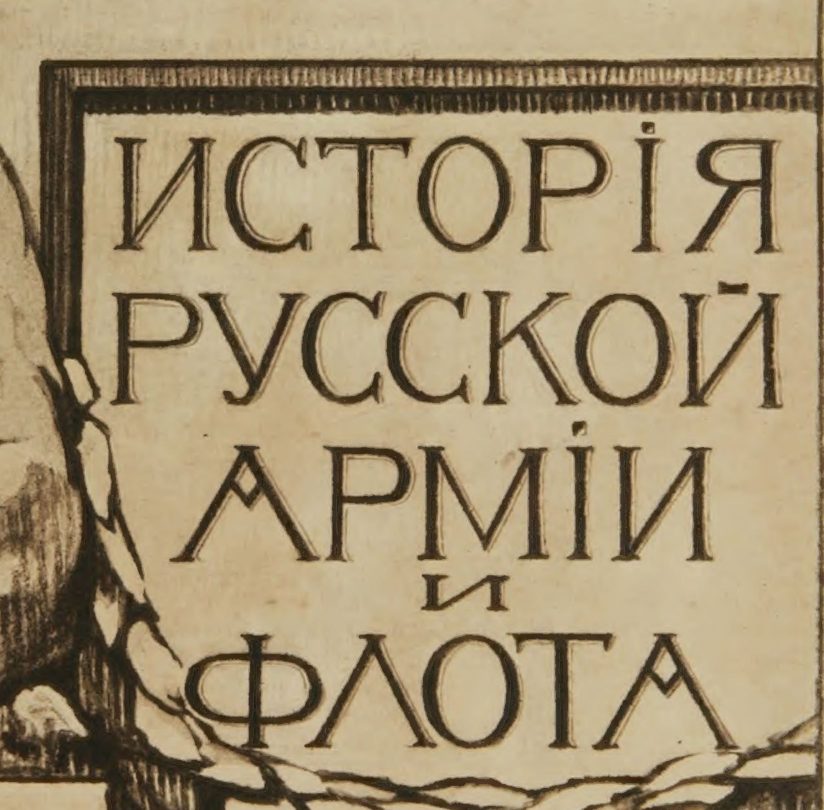


ИСТОРІЯ РУССКОЙ АРМІИ И ФЛОТА





Из библиотеки
И. М. Васильченко



КНИГ-ИЗД. Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»



Издательство извиняется передъ подписчиками въ томъ, что въ VII выпускѣ расположеніе иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ не соотвѣтствуетъ тѣмъ страницамъ, которыя указаны въ спискѣ иллюстрацій, помѣщенномъ въ концѣ выпуска.



ИСТОРІЯ
РУССКОЙ
АРМІИ
И
ФЛОТА
РОСКОШНО ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНІЕ
Моск. Кн-изд. Т-во. „Образованіе"
МОСКВА.

МОСКВА—1912.
Типографія **РУССКАГО ТОВАРИЩЕСТВА.** Мыльниковъ пер., собственный домъ.
Телефонъ 18-35.

ИЗДАНІЕ

Московскаго Книгоиздательскаго Товарищества „Образованіе“.

АДРЕСЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ:

Москва, Тверская, Камергерскій, 4. Телефонъ 245-30 и 188-41.

Исторія русской армiи и флота.

Изданіе пріурочено къ столѣтію **Отечественной войны** и носитъ юбилейный характеръ.

Исторію арміи редактируютъ:

полковники генеральнаго штаба **А. С. Гришинскій** и **В. П. Никольскій.**

Исторію флота редактируетъ:

ордин. профессоръ Морской Академіи, ген.-маіоръ **Н. Л. Кладо.**

Въ изданіи принимаютъ участіе:

генер. штаба подполк. **П. М. Андріановъ,** ордин. проф. ген.-лейт. **Е. И. Аренсъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **А. К. Баіовъ,** полк. **А. Н. Виноградскій,** ген.-маіоръ **К. И. Дружининъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **А. Г. Елчаниновъ,** ген.-маіоръ **А. М. Заіончковскій,** лейт. **Н. Д. Каллистовъ,** старш. лейт. **Е. Н. Квашнинъ-Самаринъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Л. Кладо,** генер. штаба подполк. **А. П. Колосовъ,** лейт. **А. И. Лебедевъ,** полк. **Д. Н. Логофетъ,** заслуж. проф. и почетн. членъ Императ. Ник. воен. Академіи ген. отъ инфантеріи **Н. П. Михневичъ,** ген.-маіоръ **Д. А. Назаровъ,** старш. лейт. **А. В. Немитцъ,** полк. **П. А. Ниве,** генер. штаба полк. **В. П. Никольскій,** лейт. **Н. В. Новиковъ,** ген.-лейт. **Н. А. Орловъ,** генер. штаба полк. **Г. Д. Романовскій,** генер. штаба подполк. **А. А. Свѣчинъ, М. К. Соколовскій,** генер. штаба полк. **А. Д. Шеманскій,** ген.-маіоръ **М. И. Шишкевичъ,** ордин. проф. полк. **Н. Л. Юнаковъ,** ордин. проф. ген.-маіоръ **Н. Н. Янушкевичъ.**

Флотъ при ближайшихъ преемникахъ Петра Великаго 1725—1761 г.г.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **А. И. Лебедевымъ**.

I. Морское наслѣдство Петра.

Получивъ въ наслѣдство лишь старый ботикъ въ амбарѣ с. Измайлова, да неудовлетворенное безуспѣшной вѣковой борьбой стремленіе народа къ морю, Петръ преемникамъ своимъ оставилъ, завоевавъ берега Финскаго и Рижскаго залива, огромный военный флотъ, съ окончательно организованнымъ командованіемъ (Морской Уставъ, Морской Регламентъ), управленіемъ тыломъ и базами (Регламентъ объ управленіи Адмиралтейства и Верфи), обширныя адмиралтейства, учебныя заведенія личный составъ, умудренный опытомъ двадцатилѣтней войны, и даже начатки развитія торговаго мореплаванія (Регламентъ шхиперамъ, Морской Торговый Регламентъ).

Петръ скончался. Что же стало съ наслѣдствомъ? Какъ распорядились съ нимъ его сподвижники и ученики?

Исторія ближайшаго сорокалѣтія существованія флота до воцаренія Великой Екатерины повѣствуетъ о печальномъ, глубокомъ упадкѣ флота, полной неспособности его выполнить предстоявшія ему историческія задачи.

Состояніе флота въ эту эпоху наиболѣе ярко характеризуется словами Императрицы Екатерины II, наблюдавшей за дѣйствіями флота во время маневровъ и практической стрѣльбы вскорѣ послѣ восшестія на престолъ въ 1765 г.: «У насъ въ излишествѣ кораблей и людей, но нѣтъ ни флота, ни моряковъ;... все выставленное на смотръ было изъ рукъ вонъ плохо. Надобно сознаться, что корабли походили на флотъ, выходящій каждый годъ изъ Голландіи для ловли сельдей, а не на военный». А черезъ пять лѣтъ послѣ этого смотра громъ Чесменской побѣды и дѣятельность русскаго флота въ теченіе слѣдующаго полувѣка на Балтійскомъ, Средиземномъ и Черномъ моряхъ показали всему міру, что онъ оправдалъ мечты своего основателя и достоинъ носить его имя.

Гдѣ же причины этихъ явленій—упадка и возрожденія—вотъ вопросы, съ которыми подойдетъ историкъ флота къ разсматриваемой, всѣми считаемой неинтересной, печальной страницѣ исторіи упадка флота.

II. Организація управленія флотомъ съ 1725 по 1762 г.г.

Еще въ 1715 году Петръ Великій въ соотвѣтствіи съ силами возможныхъ противниковъ—шведовъ и датчанъ—установилъ нижеслѣдую-

щій штатный составъ Балтійскаго флота: 27 линейныхъ кораблей (3 дивизіи по 9 кораблей въ каждой), 6 фрегатовъ, 6 шнявъ, 3 бомбардирскихъ корабля и 120 галеръ, но при кончинѣ его мы имѣли на Балтійскомъ морѣ даже больше: въ строю 34 линейныхъ корабля, 9 фрегатовъ, 14 мелкихъ судовъ и 77 гребныхъ, не считая ластовыхъ, а на стапеляхъ въ постройкѣ еще 6 кораблей, 1 фрегатъ и 6 мелкихъ судовъ, да готоваго лѣса на 9 кораблей, 2 фрегата и 15 галеръ [1]).

Личный составъ флота состоялъ приблизительно изъ 25.000 человѣкъ всѣхъ чиновъ; при чемъ морскихъ командъ корабельнаго флота было 14.500, галернаго—1.200, ластовыхъ—700, при Адмиралтействъ-Коллегіи и въ Адмиралтействахъ—2.700, адмиралтейскаго баталіона и при госпиталяхъ около 1.000, мастеровыхъ—около 5.000, приказныхъ и чиновниковъ—около 1.000 [2]). Всѣхъ офицеровъ было около 600, не считая мичмановъ и гардемариновъ, коихъ было 411 человѣкъ; при чемъ корабельнаго флота было 243 и 9 корабельныхъ мастеровъ; по чинамъ они распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [3]):

	Русскихъ.	Иностранцевъ.	Всего.	ПРИМѢЧАНІЕ.
Генералъ-адмиралъ	—	—	1	Ѳ. М. Апраксинъ—президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи.
Адмиралъ	—	1	1	Корнелій Крюйсъ — вице-президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи.
Вице-адмираловъ	1	4	5	Русскій — Свѣтлѣйшій кн. Ал. Дан. Меньшиковъ, послѣдніе годы, да и послѣ смерти Петра не касавшійся флота.
Шаутбенахтовъ контръ-адмираловъ	1	3	4	Русскій—Наумъ Сенявинъ.
Капитанъ-командоровъ	2	3	5	
Капитановъ 1 ранга	2	5	7	
» 2 »	2	7	9	
» 3 »	7	5	12	
Капитанъ-лейтенантовъ	12	17	29	
Лейтенантовъ	32	26	58	
Секретарей лейт. ранга	—	2	2	
» 1 ранга	24	—	24	
» 2 ранга	12	—	12	
Унтеръ-лейтенантовъ	72	2	74	
Итого	168	75	243	

[1]) Ал. Соколовъ. Флотъ при кончинѣ Петра Великаго. Зап. Гидр. Деп., часть VI, стр. 254—328.

Кромѣ Балтійскаго флота послѣ шведской войны Петромъ былъ выстроенъ флотъ на Каспійскомъ морѣ, гдѣ въ 1725 году было 112 военныхъ и ластовыхъ судовъ и возобновлено судостроеніе въ Брянскѣ и Тавровѣ.

[2]) Тамъ же вѣдомость XI. Данныя эти приблизителныя и взяты въ круглыхъ числахъ, такъ какъ свѣдѣнія имѣются лишь за 1727 г.

[3]) Тамъ же. Вѣдомость X, данныя за январь 1725 года.

Изъ этой таблицы по чинамъ личнаго состава корабельнаго флота видно, что большая часть командного состава флота—иностранцы. На три русскихъ адмирала приходилось 11 иностранцевъ, а на четверыхъ капитановъ 1 и 2 ранговъ—12 иностранцевъ. Напротивъ, для младшихъ чиновъ флота отношеніе это мѣняется на обратное: на 32 русскихъ лейтенанта приходилось 20 иностранцевъ, на 72 унтеръ-лейтенанта—2 иностранца, 411 мичмановъ и гардемариновъ были уже сплошь русскіе, а въ Петербургской Морской Академіи и Московской Навигацкой школѣ училось 698 русскихъ учениковъ для флота. Только среди этихъ послѣднихъ могла найтись благодатная почва для воспріятія уроковъ Петра, запечатлѣнія въ сердцѣ образа монарха-труженика, для передачи потомству завѣщанныхъ имъ идеаловъ. Въ безпросвѣтной тьмѣ полнаго упадка флота, славныя имена — Соймонова, Нагаева, Мордвинова, гр. Спиридова, Ирецкаго, братьевъ Лаптевыхъ, Чирикова, Малыгина, Скуратова, Овцына, Челюскина, блистали яркими звѣздами.

Но полную противоположность имъ представлялъ устарѣвшій на службѣ старшій командный персоналъ флота. Сошедшіеся со всѣхъ концовъ Европы—шведы, голландцы, англичане, датчане, французы, венеціанцы и далматинцы—адмиралы представляли пеструю смѣсь людей, хотя и уважаемыхъ по перенесеннымъ на службѣ у Петра трудамъ, но движимыхъ главнымъ образомъ личными выгодами, не связанныхъ кровно со страной, гдѣ служили.

Пока былъ живъ Петръ, они всѣ, то подъ угрозой его дубинки, то изъ соревнованія служили общему дѣлу, но со смертью Петра, когда эти мотивы отпали, они стали враждовать, соперничать, стремиться захватить власть, побольше извлечь личныхъ выгодъ изъ занимаемаго положенія—всѣ забыли о флотѣ.

Засѣданія Коллегіи стали походить на безобразныя сборища, гдѣ руготня членовъ чуть не доходила до драки, а дѣло стояло: изъ 6-ти заложенныхъ еще при Петрѣ кораблей, за первые два года послѣ смерти его ни одинъ не былъ законченъ. Эта картина еще больше ухудшилась, когда сошли въ могилу и первые сотрудники Петра по созданію флота—генералъ-адмиралъ Апраксинъ и вице-президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи адмиралъ Крюйсъ.

Высшее командованіе флотомъ было сосредоточено въ рукахъ генералъ-адмирала, являвшагося въ отношеніи флота въ военное время аншефъ-командующимъ, а въ мирное—лично руководившимъ обученіемъ флота въ ежегодныхъ практическихъ лѣтнихъ плаваніяхъ флота въ Балтійскомъ морѣ; при этомъ его непосредственными помощниками были начальники 3-хъ корабельныхъ дивизій—адмиралы бѣлаго, синяго и краснаго флаговъ, и адмиралъ галернаго флота. По управленію тыломъ и базами генералъ-адмиралъ осуществлялъ свои права какъ президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи. Отвѣтственный передъ Государемъ за состояніе флота по должности главнаго начальника флота, онъ инспектировалъ дѣйствія главныхъ командировъ портовъ по подготовкѣ базъ, по судостроенію, снабженію флота, управленію учебными заведеніями. Хотя ука-

зомъ Сенату 9 мая 1719 г. при учрежденіи Коллегіи Петръ и ограничилъ права президентовъ [1]), но въ Регламентъ 1722 г. этотъ пунктъ не вошелъ, а напротивъ въ статьяхъ объ особыхъ обязанностяхъ президента Адмиралтействъ-Коллегіи указано, что онъ обязанъ осматривать всѣ адмиралтейскія работы два раза въ недѣлю, въ Кронштадтѣ ежемѣсячно, въ Ревелѣ 1 разъ въ годъ, «все ли идетъ по Регламенту и нѣтъ ли какой неисправности, которую ежели найдетъ долженъ какъ возможно скоро исправить». Фактически такъ и было при Петрѣ: президентъ Адмиралтействъ-Коллегіи, являясь генералъ-адмираломъ флота и осуществляя во всей полнотѣ власти высшее командованіе имъ въ морѣ, въ отношеніи базъ и тыловыхъ учрежденій флотъ, хотя и былъ связанъ въ административно-хозяйственныхъ распоряженіяхъ Коллегіей, но неизбѣжно былъ инспектирующимъ, и въ экстренныхъ случаяхъ распорядительнымъ органомъ отъ флота за дѣятельностью тыла, отвѣтственнымъ передъ Государемъ за состояніе флота.

Эта связь флота съ административными учрежденіями, необходимость вліянія перваго на вторыхъ была настолько очевидна и важна для основателя флота, что въ «Регламентѣ Петра Великаго объ управленіи Адмиралтейства и Верфи и должностяхъ Адмиралтействъ-Коллегіи и прочихъ всѣхъ чиновъ при Адмиралтействѣ обрѣтающихся», было особенно подчеркнуто, что въ составъ Адмиралтействъ-Коллегіи входятъ: президентъ — генералъ-адмиралъ или кто старше по немъ; вице-президентъ—второе лицо по флоту или 5 совѣтниковъ изъ флагмановъ или капитановъ-командоровъ, «изъ старыхъ или увѣчныхъ, которые мало удобны уже къ службѣ воинской», временно же «за новостью» разрѣшено было назначать и такихъ, «которые службу отправляютъ» но ни въ коемъ случаѣ не начальники подчиненныхъ Коллегіи конторъ (административныхъ учрежденій), которые могли присутствовать только при разборѣ подвѣдомственныхъ имъ дѣлъ для дачи объясненій, но безъ права рѣшающаго голоса [2]).

При Адмиралтействъ-Коллегіи для дѣлопроизводства состояла канцелярія, на обязанности коей лежали кромѣ того дѣлопроизводство «по дѣламъ секретнымъ»—по военной подготовкѣ, по составленію уставовъ, регламентовъ, по производству чиновъ флота и адмиралтействъ, а для выполненія остальныхъ распоряженій Коллегіи ей подчинены были 11 конторъ [3]). Эти конторы имѣли подчиненные имъ органы (называвшіяся также всѣ вмѣстѣ портовыми конторами) въ портахъ. При интенсивной дѣятель-

---

[1]) «Понеже Коллегіи нынѣ устроены для того, дабы каждая съ совѣта и приговора всѣхъ своей Коллегіей дѣлала, того ради подтверждается симъ указомъ дабы президенты никакихъ дѣлъ, ни указовъ одни не дѣлали и не подписывали, но всѣ въ Коллегіи будучи, развѣ кто за болѣзнью не будетъ, то дѣлать и безъ того, кто боленъ, а въ важныхъ дѣлахъ подписки посылать къ нимъ на дворъ».

[2]) «У кого что есть на рукахъ—въ Совѣтѣ не быть».

[3]) Списокъ ихъ помѣщенъ въ выпускѣ VII, стр. 140-141.

ности этихъ послѣднихъ во время вооруженія и разоруженія флота, для наблюденія за ихъ дѣйствіями Адмиралтействъ-Коллегія должна была командировать двухъ изъ своихъ членовъ, которые въ этихъ случаяхъ, по регламенту, во всѣхъ необходимыхъ случаяхъ получали право немедленно распоряжаться именемъ Адмиралтействъ-Коллегіи для устраненія всѣхъ недоразумѣній и незаконныхъ дѣйствій портовыхъ или корабельныхъ чиновъ. Эта мѣра показываетъ еще разъ значеніе, придававшееся Петромъ учрежденію Коллегіи изъ строевыхъ чиновъ. Въ этихъ случаяхъ депутаты Коллегіи являлись опять-таки контролирующимъ отъ флота органомъ за дѣйствіями административныхъ центральныхъ и мѣстныхъ учрежденій.

Такова была, быть можетъ и слишкомъ сложная, тяжеловѣсная, громоздкая Петровская организація командованія флотомъ и управленія адмиралтействомъ, но, вызванная требованіями переходной болѣзненной эпохи государства, она была жизненна, необходима и основана на правильныхъ принципахъ военной администраціи—контроля строевого флота надъ дѣятельностью обслуживающихъ его административныхъ органовъ и специализаціи раздѣленія труда. Единственный упрекъ, который можно ей поставить только—излишняя классификація труда, наличіе близкихъ по роду дѣятельности органовъ, замедлявшихъ дѣятельность организма массой переписки и инстанцій для рѣшенія дѣлъ, но этотъ недостатокъ былъ не такъ значителенъ, чтобы могъ привести къ упадку флота какъ въ матеріальной, такъ и моральной области.

Необходимость перехода къ коллегіальному управленію въ эпоху преобразованій, коренной ломки всего государственнаго строя, а въ особенности для организаціи управленія въ такихъ новыхъ областяхъ, какъ флотъ и адмиралтейства, вызывалась насущной потребностью, какъ поставить во главѣ правительства русскихъ людей, такъ и дать имъ помощниковъ и совѣтниковъ изъ свѣдущихъ людей—иностранцевъ. Съ другой стороны этимъ достигалась и гласность въ производствѣ дѣлъ, что устраняло, или хотя бы только затрудняло, лихоимство и произволъ—главное зло всей старой дореформенной Руси.

При настойчивости и энергіи Петра можно думать, что и въ области борьбы съ этими недостатками съ годами Петръ достигъ бы результатовъ; если не первому, то слѣдующимъ поколѣніямъ своихъ сотрудниковъ онъ привилъ бы всею своею жизнью проповѣдываемый имъ взглядъ служенію Россіи выше личныхъ выгодъ.

Въ итогѣ надо признать, что, несмотря на личное громадное духовное богатство, оставленное Петромъ послѣ себя, въ наслѣдіи его осталось два условія, могущія привести къ печальнымъ результатамъ упадка его дѣла, забвенія его уроковъ. Эти условія были — перешедшее изъ старой Руси зло взяточничества и отсутствіе кругомъ него сильныхъ честныхъ русскихъ людей, кому могъ бы передать свои завѣты; въ частности по отношенію къ флоту — неподготовленность русскаго командного состава—преобладаніе иностранцевъ. Петръ сознавалъ до послѣдней минуты жизни это свое одиночество, вотъ почему смерть для него была такъ мучительна.

Но не менѣе пагубно на судьбѣ флота отразилась смерть Петра и въ другомъ отношенiи. Онъ умеръ, не назначивъ себѣ преемника. Птенцы Петровы, боясь возможности реакцiи при воцаренiи малолѣтняго внука Петра, сына царевича Алексѣя, Петра II, окруженнаго и поддерживаемаго приверженцами старины, провозгласили Императрицею супругу покойнаго Императора—Екатерину I, которая также сама должна была держаться новыхъ людей для удержанiя своего положенiя. Но привыкшiе къ суровой и твердой рукѣ Петра, его сподвижники какъ изъ-за борьбы за влiянiе и власть при мягкосердечной и слабовольной Императрицѣ, такъ и въ заботахъ поддержанiя новыхъ порядковъ — должны были съорганизоваться; это стремленiе, естественно, понятно съ обѣихъ точекъ зрѣнiя борьбы съ реакцiей и возможностью преобладанiя одного кого-либо; въ этихъ видахъ организуется Верховный Тайный Совѣтъ при Императрицѣ для рѣшенiя важнѣйшихъ дѣлъ—внѣшнихъ и внутреннихъ.

Но власть опьяняетъ привыкшихъ повиноваться. Начинаютъ развиваться честолюбiе, властолюбiе и верховники начинаютъ интригами губить другъ друга, стараясь захватить преобладающее влiянiе на государство и на малолѣтняго Монарха. Въ первый составъ Верховнаго Тайнаго Совѣта вошли главные сотрудники по возведенiю Императрицы Екатерины на престолъ: Меньшиковъ, Апраксинъ (генералъ-адмиралъ), канцлеръ Головкинъ, графъ Толстой, князь Голицынъ и вице-канцлеръ баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ.

Такимъ образомъ приверженцами и учениками Петра, хотя бы и въ цѣляхъ поддержанiя его дѣла, была нанесена первая брешь стройной Петровской организацiи государственнаго управленiя. Плоды такого искаженiя Петровскаго дѣла сказались немедленно. Борьба за власть при дворѣ немедленно отразилась на флотѣ протекцiонизмомъ, въ особенности со смертью генералъ-адмирала. Уже въ 1726 году въ совѣтники Адмиралтействъ-Коллегiи были назначены не флагманы, а ничѣмъ по службѣ не выдѣлявшiеся капитанъ 3 ранга Шереметевъ, лейтенантъ князь Голицынъ, а впослѣдствiи за ними выдвинуты были Дмитрiевъ-Мамоновъ, и графъ Головинъ, навѣки соединившiй свое имя съ эпохой наибольшаго упадка флота. Такое предпочтенiе личностей, благодаря ихъ связямъ и проискамъ при дворѣ, сразу нарушило строгую, основанную на личныхъ заслугахъ и знанiи дѣла, дисциплину во флотѣ. Это привело къ деморализацiи личнаго состава, лучшiе уходили изъ строя или въ другiя вѣдомства.

Послѣ смерти въ маѣ 1727 года Императрицы Екатерины I и вступленiя на престолъ 12-лѣтняго Петра II, по завѣщанiю Императрицы, управленiе государствомъ было вручено Верховному Тайному Совѣту, гдѣ главнымъ лицомъ, не имѣвшимъ уже предѣловъ своему честолюбiю, былъ А. Д. Меньшиковъ.

Одновременно почти въ январѣ 1728 года Императоръ и дворъ переѣхали въ Москву. Флотъ былъ окончательно заброшенъ. Строенiе кораблей было прекращено, продолжали строить лишь однѣ галеры (оборонительный флотъ—нарушенiе штатовъ). Въ 1728 году въ собранiи Верхов-

наго Тайнаго Совѣта Императоръ приказалъ: «для избѣжанія напрасныхъ убытковъ корабли большіе, средніе и малые фрегаты, что касается корпусовъ ихъ и принадлежащаго къ нимъ такелажа, содержать во всякой исправности и починкѣ, чтобъ въ случаѣ нужды немедленно можно было вооружить къ походу; провіанты и прочіе припасы заготовлять подождать, только изготовить изъ меньшихъ кораблей 5 — для обыкновеннаго крейсерованія въ морѣ, для обученія офицеровъ и матросовъ, а въ море безъ приказа не выходить: галерамъ же быть въ полномъ числѣ, готовить и дѣлать ихъ неослабно». Еще болѣе характерно отразился взглядъ молодого Императора на флотъ въ отвѣтѣ его Лопухину, родственнику его, наученному Остерманомъ доложить Императору, что флотъ гибнетъ, вслѣдствіе удаленія Императора изъ Петербурга и отъ флота. Петръ II отвѣтилъ: «Когда нужда потребуетъ употребить корабли, то я пойду въ море, но я не намѣренъ гулять по немъ, какъ дѣдушка» [1]).

При такихъ взглядахъ верховной власти и высшаго государственнаго учрежденія на флотъ, даже энергичный, вѣрный долгу и любящій родину командный и личный составъ съ трудомъ могъ бы удержать отъ разложенія флотъ, но мы видѣли выше, изъ кого онъ состоялъ — изъ старыхъ иностранцевъ-адмираловъ, заботившихся о своемъ положеніи, выгодахъ и теперь еще больше боявшихся за свою судьбу отъ безудержнаго произвола временщиковъ и фаворитовъ; изъ выдвинувшихся случаемъ, протекціей, знати — молодыхъ Шереметевыхъ, Голицыныхъ, для которыхъ личные интересы, придворныя интриги составляли смыслъ жизни.

Тяжелое экономическое состояніе страны, вслѣдствіе неимовѣрныхъ усилій народа для осуществленія плановъ Великаго Преобразователя, требовало особенно осторожнаго расходованія государственныхъ средствъ.

Между тѣмъ, со вступленіемъ на престолъ малолѣтняго Императора и окончательнымъ переходомъ власти къ Верховному Тайному Совѣту, алчность и корыстолюбіе временщиковъ и фаворитовъ стали безудержны.

На государственные расходы средствъ не хватало—платежи поступали съ такими недоимками, что за четыре года со смерти Петра при бюджетѣ флота въ 1,400,000 руб., недоимокъ набралось свыше полутора милліоновъ рублей. Въ упорядоченіи финансовой стороны дѣла не помогло даже ходатайство Адмиралтействъ-Коллегіи, чтобы ассигнованная на флотъ сумма хотя бы и въ меньшемъ размѣрѣ на 200,000 рублей, но отпускалась полностью и своевременно. Адмиралтействъ-Коллегія получила благодарность отъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, но деньги попрежнему поступали съ недоимками.

Паденіе нравственныхъ устоевъ общества и народа всегда и всюду парализуетъ, какъ и въ частной жизни человѣка, его активность, такъ какъ уничтожается представленіе цѣлесообразности жизни организма.

[1]) Соловьевъ. Исторія Рос. съ др. вр., томъ XIX, стр. 1095.

Въ государствѣ это прежде всего отражается на положенiи его среди другихъ державъ, въ потерѣ національныхъ задачъ, подчиненіи своей воли—стремленіямъ и желаніямъ болѣе здоровыхъ и сильныхъ державъ. Флотъ же, связанный прежде всего и болѣе всего съ національной политикой, съ активностью государства, теряетъ свое главное основаніе— raison d'être и первый приходитъ въ упадокъ. Армія въ этомъ отношеніи находится въ лучшемъ состояніи. Имѣя въ своемъ основаніи самый фактъ существованія государства, для своего моральнаго разложенія, она требуетъ гораздо большихъ усилій—шатанія всего государства, какъ въ эпохи смутнаго времени, и потому въ періоды временныхъ упадковъ нравственности въ обществѣ она побѣдами своими, своимъ моральнымъ превосходствомъ надъ обществомъ, можетъ даже спасти государство отъ окончательнаго паденія.

19 января 1730 года скончался Императоръ Петръ II и на престолъ Верховнымъ Тайнымъ Совѣтомъ, Сенатомъ и Генералитетомъ была выбрана Курляндская герцогиня—Анна Іоанновна, въѣхавшая торжественно въ срединѣ февраля въ Москву.

Послѣ неудачной попытки верховниковъ ограниченія самодержавной власти Императрицы Анна Іоанновна упразднила, по ходатайствамъ шляхетства, Верховный Тайный Совѣтъ, вернула прежнее названіе и значеніе «Правительствующаго» Сенату, переѣхала съ дворомъ въ Петербургъ. Казалось, возвращались времена Великаго Монарха. Императрица усиленно занималась государственными дѣлами, присутствовала сама въ Сенатѣ и скоро обратила вниманіе на флотъ. Въ іюлѣ того же года Сенату былъ данъ слѣдующій указъ: «Мы, послѣдуя дяди нашего установленію и разсуждая о нуждѣ, которая для благополучія и безопасности государства нашего въ содержаніи корабельнаго и галернаго флотовъ имѣется, повелѣваемъ нашему Правительствующему Сенату въ Коллегію Адмиралтейскую наикрѣпчайше подтвердить, чтобъ корабельный и галерный флоты содержаны были по уставамъ, регламентамъ и указамъ, не ослабѣвая и уповая на нынѣшнее благополучное и мирное время».

Но это настроеніе Государыни продолжалось недолго. Придворными интригами, знаніемъ правительственнаго механизма, держаніемъ въ своихъ рукахъ всѣхъ нитей внѣшней политики, вновь выплылъ наверхъ обласканный и возведенный въ графское достоинство Андрей Ивановичъ Остерманъ съ проектомъ учрежденія приватнаго Совѣта при Императрицѣ, подъ ея предсѣдательствомъ, для рѣшенія важнѣйшихъ государственныхъ дѣлъ изъ членовъ—престарѣлаго канцлера Головкина, вице-канцлера графа Остермана и князя А. М. Черкаскаго. Черезъ годъ это неофиціальное учрежденіе было преобразовано въ «Кабинетъ Министровъ», учрежденіе съ еще большими полномочіями, чѣмъ Верховный Тайный Совѣтъ, въ которомъ графъ Остерманъ, въ правительственную мудрость котораго Императрица вѣрила безусловно, главенствовалъ безъ соперниковъ.

Эта реформа вновь привела къ только что пережитой эпохѣ съ

тою только разницею, что во главѣ правительства стояли не русскіе люди, а чуждые всему народу пришельцы-иностранцы.

Придворныя интриги и борьба партій вновь разгорѣлась съ еще большею силой, къ тому же между людьми, глубоко презиравшими русскихъ. Для упроченія своего положенія эти люди не жалѣли средствъ; въ особенности былъ неистощимъ въ борьбѣ за власть и положеніе вице-канцлеръ графъ Остерманъ. Принужденный предоставить полное руководство дѣлами военной коллегіи и арміи фельдмаршалу Миниху, Остерманъ, какъ для упроченія своего положенія, такъ и изъ сознанія неразрывной связи внѣшней политики съ дѣйствіями флота, вовлекъ подъ свое вліяніе Адмиралтействъ-Коллегію, и въ теченіе почти всего десятилѣтняго царствованія Императрицы непрестанно вліялъ на развитіе флота.

22 января 1732 года, черезъ два мѣсяца по учрежденіи Кабинета Министровъ, по мысли Остермана, состоялся Высочайшій указъ объ утвержденіи «Особливой Комиссіи для разсмотрѣнія и приведенія въ добрый и надежный порядокъ флота, какъ корабельнаго такъ и галернаго, адмиралтейства и всего, что къ тому принадлежитъ, которой быть подъ дирекціею дѣйствительнаго тайнаго совѣтника вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана, и какія оной Комиссіи потребны будутъ вѣдомости и морскіе всякихъ чиновъ служители и приказные люди, оныхъ по требованію помянутой Комиссіи отправлять немедленно; такъ же для лучшаго и порядочнаго той Комиссіи произведенія, что отъ оной чинить опредѣлено будетъ потому же исправлять безъ всякаго упущенія» [1]). Учрежденіе этой Комиссіи въ связи съ такими уполномочіями давали Остерману полный просторъ вліянія на дѣятельность и работу Адмиралтействъ-Коллегіи и судьбу флота. Этимъ своимъ правомъ Остерманъ пользовался широко, безъ конца задавая Адмиралтействъ-Коллегіи работу по составленію вѣдомостей, табелей, свѣдѣній, записокъ и тому подобное. Неутомимый въ работѣ, знакомый нѣсколько со флотомъ по первымъ годамъ службы у адмирала Крюйса, по дававшимся ему еще Петромъ Великимъ порученіямъ, Остерманъ въ особенности первые годы существованія Комиссіи принялся съ большимъ рвеніемъ за работу.

Въ составъ Комиссіи вошли вице-адмиралы: Сандерсъ и Сенявинъ, контръ-адмиралы: Бредаль, Дмитріевъ-Мамоновъ и графъ Головинъ.

Этотъ составъ Комиссіи особенно характеренъ, такъ какъ показываетъ отношеніе самого Остермана къ предстоявшей работѣ—Комиссія должна была быть хотя и послушнымъ органомъ въ его рукахъ для давленія на Адмиралтействъ-Коллегію, но вмѣстѣ съ тѣмъ знающей нужды флота, дополняющей отсутствіе личнаго опыта самого Остермана и работоспособной. Въ этомъ отношеніи Комиссія вполнѣ оправдала его ожиданія. Сандерсъ—англичанинъ, старый, знающій, хладнокровный адмиралъ, но уже болѣзненный, не былъ способенъ для борьбы съ всесильнымъ вице-канцлеромъ; такимъ же былъ, хотя и болѣе молодой, нор-

---

[1]) «Морской Сборникъ» 1882 г. № 11. Неофиціальный отд. (Русскій флотъ въ царствованіе Анны Іоанновны), стр. 105.

вежецъ, контръ-адмиралъ Бредаль, уже обрусѣвшій на службѣ съ младшихъ чиновъ флота, участникъ всѣхъ морскихъ сраженій Петра, уважавшійся имъ и быстро двигавшійся при немъ по службѣ, теперь приверженецъ партіи иностранцевъ въ Адмиралтействъ-Коллегіи, человѣкъ, хотя опытный, знающій нужды флота и работоспособный, но не лишенный честолюбія. Полной противоположностью былъ вице-адмиралъ Наумъ Акимовичъ Сенявинъ,—человѣкъ простой, энергичный, прямой, талантливый самоучка, съ русской смѣтливостью, упорствомъ, дерзостью, не разъ за ревность свою къ службѣ спасенный Петромъ отъ тяжелой кары закона. Сподвижникъ Петра отъ потѣшныхъ забавъ, потомъ Преображенецъ, бомбардиръ, матросъ—Н. Сенявинъ подъ руководствомъ самого Петра прошелъ всю тяжелую практическую школу боцмана, офицера и достигъ старшихъ морскихъ чиновъ. Петръ всюду бралъ его съ собою—подъ Полтаву, на Прутъ и всюду при всякомъ дѣлѣ и порученіи Наумъ Сенявинъ, съ чисто русской смекалкой, былъ на высотѣ положенія. Не разъ онъ даже посылался Петромъ съ важными порученіями за границу. Если къ этому прибавить его исключительную благородную, честную натуру, не выносившую хищничества злоупотребленій, интригъ, хитрости и всякой лжи, то станетъ ясно почему его такъ выдѣлялъ Петръ. Но кромѣ всего этого онъ былъ носителемъ славы молодого русскаго флота — онъ первый изъ русскихъ, начальствуя небольшимъ отрядомъ, одержалъ морскую побѣду въ 1719 году надъ шведскими судами и взялъ въ плѣнъ шведскій корабль, за что и былъ награжденъ Петромъ черезъ чинъ прямо изъ капитановъ 2-го ранга въ капитанъ-командоры; при засиліи и главенствѣ надъ флотомъ иностранцевъ, онъ былъ надеждой всѣхъ русскихъ, Петровскихъ по духу, моряковъ; онъ былъ какъ бы главою русской партіи, постоянно враждовавшей съ иностранцами. Казалось бы, при этихъ условіяхъ, назначеніе его въ составъ комиссіи было вредно для Остермана, но вице-канцлеръ превосходно понималъ его значеніе во флотѣ и оцѣнилъ тотъ вѣсъ, который придастъ его участіе въ работѣ какъ по существу, такъ и съ внѣшней стороны; для парализованія же его значенія, кромѣ иностранцевъ въ противовѣсъ ему, членами комиссіи были назначены представители новаго поколѣнія русскихъ адмираловъ—Дмитріевъ-Мамоновъ и графъ Головинъ, со смерти Петра, въ періодъ полнаго упадка и забытія флота, сдѣлавшіе карьеру съ головокружительной быстротой.

При вышеуказанномъ составѣ воинской морской комиссіи преобразовательная дѣятельность графа Остермана во флотѣ закипѣла. Въ томъ же году былъ вновь выработанъ и утвержденъ Императрицей корабельный штатъ флота, который повторилъ Петровскіе штаты 1715 года, съ увеличеніемъ лишь числа галеръ до 130. Были выработаны проекты: о порядкѣ постройки судовъ для скорѣйшаго приведенія флота въ штатное положеніе (программа судостроенія); объ отмѣнѣ Ревельской постоянной эскадры и о возможномъ упраздненіи Ревельскихъ портовыхъ учрежденій, впредь до рѣшенія вопроса о Рогервикѣ (экономія на плаваніи и обученіи флота); объ увеличеніи ежегоднаго ассигнованія до 1.200.000 ру-

блей на расходы по Морскому Вѣдомству (по бюджету М. В. такъ полагалось и раньше); о сбереженіи и заготовкѣ корабельныхъ лѣсовъ, о разведеніи новыхъ и о необходимости описи корабельныхъ рощъ по Камѣ и Бѣлой; о возобновленіи кораблестроенія въ Архангельскѣ и о выгоднѣйшей заготовкѣ и доставкѣ дуба изъ Казани въ Петербургъ и многихъ другихъ, пока, наконецъ, постепенно не были затронуты и основы Петровской организаціи командованія флотомъ и управленія адмиралтействомъ. Попытки эти хоть и вызвали первоначально большіе протесты въ средѣ флота, при совѣщательныхъ обсужденіяхъ проекта, но въ комиссіи онѣ всѣ прошли, такъ какъ Наумъ Сенявинъ имѣлъ лишь одинъ голосъ противъ 5-ти остальныхъ членовъ. Едва ли не первымъ посягнулъ на это духовное дѣтище Петра самый молодой изъ членовъ комиссіи и адмираловъ флота, графъ Н. Ѳ. Головинъ [1]), уже успѣвшій, благодаря содѣйствію Остермана и особому вниманію Императрицы, получить, какъ переходный шагъ, званіе генералъ-инспектора флота и чинъ вице-адмирала [2]), званіе ни до этого, ни послѣ никогда не существовавшее. Сначала былъ выдвинутъ вопросъ о сокращеніи числа конторъ, подчиненныхъ Адмиралтействъ-Коллегіи, съ 11 до 4-хъ, вопросъ, не возбудившій почти противорѣчій; затѣмъ коснулись вопроса о штатахъ личнаго состава флота, портовъ и управленій, затѣмъ начали обсуждать уже мнѣніе о необходимости нѣкоторыхъ измѣненій существующей организаціи флота, основанной Петромъ на здравыхъ тактическихъ принципахъ, о необходимости новаго подраздѣленія флота на боевыя единицы и въ системѣ морскихъ должностей и чиновъ. Головинъ своими ссылками на порядки англійскаго флота успѣлъ создать довольно крупную партію изъ иностранцевъ и новыхъ адмираловъ во флотѣ за свои проекты и, несмотря на протесты Сенявина и творцовъ Петровскаго Устава—Зотова, Госселера, при поддержкѣ Остермана, которому полезна была всякая реформаторская дѣятельность, провелъ въ комиссіи свои проекты. Тѣмъ временемъ и самъ Остерманъ лично былъ занятъ составленіемъ новаго положенія объ Адмиралтействъ-Коллегіи, реформой морской администраціи. И въ эти проекты, несмотря на энергичные протесты и защиту Петровскихъ принциповъ Сенявинымъ были внесены совершенно новыя основанія, исказившія главный смыслъ Петровскихъ регламентовъ и послужившія причиной дальнѣйшаго упадка флота и разложенія.

По новому положенію въ составъ Адмиралтействъ-Коллегіи вошли президентъ, 4 постоянныхъ члена и два совѣтника, при чемъ вопреки основного положенія Петра Великаго, чтобы «у кого что есть на рукахъ—въ Совѣтѣ не быть»—теперь въ составъ Адмиралтействъ-Коллегіи постоянными членами были назначены четыре начальника вновь учрежденныхъ, вмѣсто 11 конторъ, экспедицій (комиссаріатской, экипа-

[1]) Указываетъ авторъ превосходнаго историческаго очерка о «флотѣ въ царствованіе Анны Іоанновны»—В. Е.—въ «Мор. Сборн.» за 1882 г. № 11. Неофиц. отд., стр. 131.

[2]) Въ слѣдующемъ въ 1733 г. онъ былъ произведенъ уже въ адмиралы.

жеской, надъ верфями и строеніями и артиллерійской), и два совѣтника—начальники академіи и фабрикъ и заводовъ.

Главное зло и искаженіе всего могучаго духа Петра въ реформѣ Остермана заключалось въ установленіи прочной и непереходимой стѣны между флотомъ и административными его учрежденіями, въ отдѣленіи командованія флотомъ отъ вліянія на дѣятельность тыла и базъ, въ утвержденіи самодовлѣющаго и главенствующаго надъ флотомъ значенія административно-хозяйственныхъ и техническихъ учрежденій флота; въ глазахъ государственнаго управленія флотъ былъ подмѣненъ центральнымъ управленіемъ — административнымъ учрежденіемъ, а самъ флотъ былъ удаленъ отъ заботъ правительства такъ далеко, что его не стали видѣть, а если временами и всматривались, то только черезъ стѣну и пелену, задернутую Остерманомъ передъ глазами Верховнаго вождя флота. Достойной оцѣнки этихъ своихъ трудовъ въ царствованіе Императрицы Анны Іоанновны Остерманъ не добился—онъ получилъ званіе генералъ-адмирала лишь въ правленіе матери Императора Іоанна, Анны Леопольдовны, но флотъ теперь долженъ достойно оцѣнить ихъ, призавъ Остермана геніальнымъ бюрократомъ слѣдующаго XIX вѣка, головой стоявшаго выше своего поколѣнія, цѣлымъ столѣтіемъ опередившаго своихъ сотрудниковъ, по втоптанію въ грязь и низверженію идеаловъ Петра служенія до самозабытія государству.

Плоды трудовъ Остермана сказались немедленно въ еще большемъ развитіи карьеризма, бѣгствѣ изъ флота и строя и на береговыя и болѣе видныя, доходныя мѣста, въ полномъ паденіи военныхъ идей и знаній во флотѣ, въ отсталости техники, и на наступившихъ вскорѣ экзаменахъ—войнахъ съ Франціей, Швеціей, Турціей, Пруссіей—флотъ показалъ свою полную неспособность вести военныя операціи, какъ по негодности матеріальной своей части, такъ и по отсутствію правильныхъ взглядовъ въ командномъ и личномъ составѣ. Въ низахъ и толщѣ личнаго состава, какъ представителѣ богатыря народа, явились, конечно, яркіе проблески храбрости, отваги и мужества, но эти одинокія въ небѣ здвѣзды не могли освѣтить тьму безпросвѣтной ночи. Они служатъ историку лишь маяками для поисковъ подводныхъ камней.

Когда на престолъ своего Великаго родителя вступила Императрица Елизавета Петровна — кончилась кошмарная страница исторіи временщичества нѣмцевъ. Въ исторіи флота этотъ моментъ имѣлъ громадное значеніе, такъ какъ эти 20 лѣтъ царствованія дочери Петра по духу принадлежатъ уже слѣдующей славной эпохѣ флота — Великой Екатерины. Елизавета расчистила путь и возродила духъ Петра въ сердцахъ русскихъ людей, глубоко его схоронившихъ. Но такъ какъ сама Императрица не знала флота и не понимала причинъ его упадка, не смогла спуститься до него, то эта эпоха по состоянію флота должна быть еще отнесена къ періоду упадка, хотя въ концѣ царствованія уже появились лица, стяжавшія себѣ славу и извѣстность въ слѣдующую эпоху — Гр. Спиридовъ, Мордвиновъ, Крузъ, Ушаковъ, Сенявинъ и др.

Немедленно по восшествіи на престолъ Елизавета упразднила «Кабинетъ Министровъ», удалила отъ власти и сослала Остермана, Бирона и другихъ временщиковъ, возстановила прежнее значеніе Сената, повелѣла «всѣ, состоявшіеся при Петрѣ Великомъ, указы и регламенты наикрѣпчайше содержать и по нимъ неотложно поступать», вообще девизомъ своимъ поставила возвращеніе назадъ, къ Петру. Впрочемъ, это возвращеніе назадъ по отношенію къ флоту при такихъ помощникахъ, какъ Головинъ, кн. Бѣлосельскій, кн. Голицынъ, Мишуковъ, было чисто формальнымъ и задерживалось почти до конца царствованія Императрицы. На первыхъ порахъ были вновь учреждены лишь прежнія одиннадцать конторъ вмѣсто четырехъ экспедицій, да во время продолжавшейся шведской войны начальствованіе надъ флотомъ, по чисто формальнымъ основаніямъ, было поручено президенту Адмиралтействъ-Коллегіи адмиралу графу Головину, съ позоромъ провалившемуся на этомъ первомъ же серьезномъ экзаменѣ. Но въ общей массѣ флота и у правительства духъ Остермановскаго бюрократизма настолько привился уже, что не только въ Адмиралтействъ-Коллегіи, но и въ Сенатѣ, вопросъ о реорганизаціи управленія Морскимъ Вѣдомствомъ тянулся 10 лѣтъ въ перепискѣ между этими учрежденіями. Новый составъ Адмиралтействъ-Коллегіи по Петровскому Регламенту былъ назначенъ лишь въ 1757 г., когда генералъ-адмираломъ флота былъ сдѣланъ кн. М. М. Голицынъ, уже дряхлый старикъ, болѣе 10 лѣтъ послѣ турецкой войны служившій въ другихъ вѣдомствахъ, какъ-то: президентомъ Юстицъ-Коллегіи, астраханскимъ губернаторомъ, сенаторомъ, посломъ при Персидскомъ дворѣ, а связь со строевымъ флотомъ порвавшимъ еще раньше, послѣ вступленія Императрицы Екатерины I на престолъ. Хотя еще въ 1746 г. онъ былъ переименованъ изъ дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ въ адмиралы и назначенъ главнымъ начальникомъ флота, а въ 1750 году даже назначенъ президентомъ Адмиралтействъ-Коллегіи, но фактически онъ флотомъ не командовалъ. Дѣятельность его, какъ указываетъ историкъ флота Веселаго, ознаменовалась, главнымъ образомъ, береговыми постройками, на что онъ почти исключительно и обращалъ вниманіе. Вотъ перечень его заслугъ, приводимый официіальнымъ исторіографомъ. «Благодаря склонности его къ этой спеціальности, при немъ оконченъ строившійся болѣе 30 лѣтъ Кронштадтскій каналъ съ доками, заложенный еще Петромъ Великимъ въ 1719 г., поднятъ вопросъ объ очищеніи обмелѣвшихъ и заросшихъ травою кронштадтскихъ гаваней (только поднятъ вопросъ, но работа не выполнена), обложены камнемъ канавы петербургскаго адмиралтейства и галерной гавани и, наконецъ, въ Петербургѣ воздвигнутъ грандіозный Морской Соборъ во имя св. Николая Чудотворца". Все это дѣятельность, можетъ быть, весьма почтенная, но для начальника флота, генералъ-адмирала, главная задача коего была вернуть флотъ въ Петровское состояніе, казалось бы и не существенная.

Для характеристики состава Адмиралтействъ-Коллегіи конца царствованія Императрицы Елизаветы интересно привести мнѣніе комиссіи

о россійскихъ флотахъ, представленное Императору Петру III-му послѣ вступленія его на престолъ въ 1762 году. Въ этомъ представленіи о флагманахъ съ означеніемъ «кто изъ нихъ въ службѣ быть способенъ и кто зачѣмъ не способенъ», находимъ яркую картину этого учрежденія конца пятидесятыхъ годовъ: 1) генералъ-адмиралъ, президентъ Коллегіи, кн. М. М. Голицынъ—«за старостью и болѣзнями болѣе трехъ лѣтъ въ Коллежское присутствіе не пріѣзжаетъ и по своему чину должности отправлять уже не въ состояніи»; 2) адмиралъ Головинъ А. И. «больше двухъ лѣтъ за болѣзнью въ Коллежское присутствіе не ѣздитъ»; 3) адмиралъ Мишуковъ—«нынѣ собранію Коллегіи объявилъ, что за старостью на морѣ служить не можетъ,—въ силу регламента слѣдовало бы ему въ Коллегіи быть, но за глубокою старостью и дряхлостью и ту должность признавается отправлять не можетъ». И это былъ командный и административный составъ во время тяжелой Семилѣтней войны съ Пруссіей, когда на долю флота выпали серьезныя задачи по блокированію прусскихъ береговъ, содѣйствію арміи въ осадѣ приморскихъ пунктовъ и крѣпостей, при возможности борьбы съ союзнымъ Пруссіи англійскимъ флотомъ.

Въ смыслѣ формальнаго исполненія регламента Петра, пародированія идей его, дальше идти было некуда. Это слѣпое рутинное отношеніе къ дѣлу отзывалось прежде всего на состояніи флота, на качествахъ его матеріальной части, которая, хотя и при усиленномъ судостроеніи въ это царствованіе и поддерживаніи штатнаго состава флота, оказалась ничуть не выше предыдущихъ эпохъ. Дѣйствительно, флотъ при первой свѣжей погодѣ въ морѣ немедленно наполовину уменьшался отъ аварій судовъ, которые подъ конвоемъ болѣе счастливыхъ и уцѣлѣвшихъ приходилось отсылать къ портамъ. Именно въ этой преступной рутинности, напримѣръ, нельзя не видѣть причины гибели въ морѣ 1758 г., во время Прусской войны, 11 транспортовъ со всѣмъ экипажемъ и грузами изъ 27, отправленныхъ изъ Риги, Мемеля и Кенигсберга съ провіантомъ и снабженіемъ къ осаждавшимъ Кольбергъ флоту и арміи, послужившей причиной снятія осады.

Единственнымъ яркимъ и свѣтлымъ лучемъ въ этой мрачной и тяжелымъ туманомъ нависшей надъ флотомъ дѣйствительности было преобразованіе въ 1752 году морскихъ учебныхъ заведеній—Морской Академіи и Московской Навигацкой школы — въ Морской Шляхетный Кадетскій корпусъ, во главѣ котораго былъ поставленъ одинъ изъ образованнѣйшихъ моряковъ эпохи, гидрографъ, капитанъ I ранга Нагаевъ. Въ помощь ему даны были отличнѣйшіе изъ морскихъ офицеровъ или ознаменовавшіе уже себя въ области научно-гидрографическихъ изысканій, какъ Харитонъ Лаптевъ, или въ первыхъ же военныхъ дѣйствіяхъ показавшіе свою военную доблесть, какъ Григорій Спиридовъ, Егоръ Ирецкій, Иванъ Голенищевъ-Кутузовъ средній.

Въ средѣ этихъ людей девизъ — возвращеніе къ Петру, провозглашенный Императрицей, не былъ пустымъ звукомъ, а ярко горѣлъ въ сердцахъ. Онъ далъ имъ силу и нравственную мощь поставить свое маленькое дѣло, въ которомъ былъ залогъ всей будущей славы русскаго

флота, на должную высоту: вылетѣвшіе изъ корпуса птенцы прогремѣли на весь міръ своей славой и навсегда пріобщили этихъ скромныхъ тружениковъ долга къ вѣчно поминаемымъ именамъ въ благодарномъ потомствѣ.

III. Гидрографическія экспедиціи и изслѣдованія.

Какъ указано было въ своемъ мѣстѣ [1]), Петра Великаго вопросъ о далекой русской окраинѣ занималъ еще съ 1714 года. Первая большая экспедиція въ Камчатскій край была отправлена еще въ 1716 году, а затѣмъ, въ виду безрезультатности ея, въ 1719 году была вторично снаряжена экспедиція геодезистовъ Лужина и Евреинова, которымъ уже была поставлена опредѣленная задача — изслѣдовать, сошлась ли Азія съ Америкой. Добравшись до Камчатки, оба смѣлыхъ изслѣдователя вышли въ море и, дойдя до 5-го или 6-го острова Курильской гряды, принуждены были вернуться изъ-за потери якорей, составивъ лишь карту осмотрѣнныхъ островов и побережья. Эта новая неудача не остановила Петра передъ издержками по снаряженію 3-ей по счету экспедиціи, но еще въ большемъ масштабѣ и съ лучшимъ снабженіемъ, главной цѣлью которой было рѣшеніе того же вопроса о соединеніи Азіи съ Америкой. Начальствованіе надъ этой экспедиціей было поручено лично извѣстному Петру, съ 1703 года служившему въ русскомъ флотѣ датчанину Берингу, энергичному, смѣлому и образованному офицеру [2]). Вмѣстѣ съ нимъ отправились 2 лейтенанта Шпанбергъ и Чириковъ, 2 штурмана, гардемаринъ, геодезистъ, лѣкарь и 23 человѣка матросовъ и мастеровыхъ. Въ 1726 году съ большими трудностями и лишеніями экспедиція достигла Якутска и только въ январѣ 1727 года прибыла въ Охотскъ, откуда, выстроивъ небольшое судно, моремъ отправилась въ Камчатку, чтобы тамъ уже выстроить новое болѣе мореходное и надежное судно. Въ іюлѣ 1728 г. Берингъ на ботѣ «Св. Гавріилъ» (60 ф. длины) вышелъ въ море и, придерживаясь Азіатскаго берега, въ августѣ прошелъ Чукотскій носъ и убѣдился въ существованіи пролива, раздѣляющаго Азію отъ Америки. Этотъ подвигъ былъ увѣковѣченъ названіемъ пролива именемъ Беринга, какъ начальника экспедиціи.

На слѣдующій годъ Берингъ, на томъ же суднѣ, возобновилъ попытку отыскать берегъ Америки, но, пройдя по параллели 114 миль и не встрѣтивъ земли, вернулся обратно въ Охотскъ для возвращенія въ Петербургъ. Однако неутомимый Берингъ, сознававшій государственное значеніе предпринятыхъ трудовъ, не остановился на этой первой попыткѣ, и тотчасъ же по возвращеніи подалъ Остерману новый проектъ, который по разработкѣ въ Академіи Наукъ, при сочувствіи и поддержкѣ Остермана, разросся въ грандіозный планъ всесторонняго изслѣдованія Сибири, описи всего побережья Ледовитаго океана, Камчатки, Охотскаго моря, отысканія береговъ Америки, и изслѣдованія и описи острововъ сѣверной части

---

[1]) См. въ выпускѣ VII, стр. 136—очеркъ Н. Д. Каллистова.

[2]) Инструкція Петра Великаго Берингу, см. тамъ-же.

Тихаго океана. Главное начальство надъ всей экспедиціей было поручено Берингу; число участвовавшихъ доведено до 600 человѣкъ; на оборудованіе и снабженіе ея всѣмъ необходимымъ не жалѣли. Кромѣ академиковъ Миллера, Гмелина и другихъ географовъ, этнографовъ, естественниковъ, въ составъ экспедиціи вошли отъ флота лейтенанты Харитонъ и Дмитрій Лаптевы, Прончищевъ, Малыгинъ, Скуратовъ, Вальтонъ, капитанъ-лейтенантъ Чириковъ, капитанъ Шпанбергъ, лейтенантъ Овцынъ, штурманы Мининъ, Стерлеговъ, Челюскинъ, геодезистъ Чекинъ, имена которыхъ пестрятъ на морскихъ картахъ Сѣвернаго побережья Россіи и Тихаго океана. Вся экспедиція была разбита на отдѣльные отряды, которымъ и поручены спеціальныя работы и районныя изслѣдованія. Не всѣ вернулись обратно, многіе участники экспедиціи своею жизнью заплатили за подвигъ самоотверженія, но зато плоды трудовъ ихъ были обширны: русская наука внесла такое богатство въ сокровищницу знанія, что именами этихъ первыхъ изслѣдователей справедливо должна гордиться родина. Всѣ труды экспедиціи были закончены лишь въ 1743 году, т. е. черезъ 10 лѣтъ и, несмотря на всевозможныя лишенія, голодъ, холодъ, противодѣйствія мѣстныхъ властей, вся намѣченная программа была выполнена. Впервые были составлены карты Ледовитаго океана, были изслѣдованы Курильскіе, Алеутскіе острова, достигнуты берега Америки, Японіи. Въ 1740 году Берингомъ на Камчаткѣ въ Авачинской губѣ былъ основанъ портъ Петропавловскъ. Самая сѣверо-восточная оконечность Азіи была обойдена штурманомъ Челюскинымъ, по имени котораго былъ названъ этотъ мысъ. Начальнику экспедиціи капитану-командору Берингу уже не суждено было вернуться. Въ 1741 году онъ вышелъ съ Чириковымъ на двухъ судахъ изъ Петропавловска къ берегамъ Америки, но вскорѣ, разлучившись съ нимъ, продолжалъ плаваніе одинъ. Достигнувъ давно желаннаго берега близъ залива Якутатъ, онъ отправился, изнуренный трудами и больной, обратно, но въ пути былъ задержанъ бурями и противными вѣтрами. Послѣ бѣдственнаго плаванія, при отчаянномъ положеніи судна съ голоднымъ полумертвымъ экипажемъ, Берингъ подошелъ къ неизвѣстному острову, гдѣ и высадился. Здѣсь на берегу онъ и скончался. Островъ этотъ также былъ названъ его именемъ.

IV. Военныя дѣйствія флота при осадѣ Данцига въ 1734 году въ войнѣ съ французами.

Въ 1733 году, послѣ смерти польскаго короля Августа II-го, вмѣшательство Франціи въ польскія дѣла и желаніе ея возвести на польскій престолъ постояннаго врага Россіи, тестя французскаго короля Людовика XV, Станислава Лещинскаго, повело къ разрыву между Россіей и Австріей съ одной стороны, и Франціей съ другой. Польскій сеймъ также раскололся и одна часть поддерживала и избрала въ короли Августа III, сына покойнаго короля, кандидата Россіи и Австріи, а другая—протестовавшая, стала на сторону Станислава Лещинскаго.

Переходъ въ наступленіе русской арміи подъ начальствомъ Миниха привелъ къ занятію Варшавы, послѣ чего Станиславъ Лещинскій принужденъ былъ бѣжать въ Данцигъ, гдѣ могъ получить помощь моремъ отъ Франціи. Это обстоятельство заставило русское правительство отправить въ море, въ помощь Миниху, осадившему Данцигъ, флотъ для блокированія его съ моря.

Весною 1734 года, несмотря на званіе президента Адмиралтействъ-Коллегіи гр. Головина, начальство надъ вооружавшимся флотомъ было вручено старому Петровскому адмиралу Гордону, въ помощь которому былъ данъ также Петровскій сотрудникъ Госселеръ, какъ начальникъ дивизіи, о которомъ пришлось немедленно вспомнить при первомъ же военномъ испытаніи, посланномъ флоту. Несмотря на 2-лѣтнюю работу комиссіи и Остермана, надъ реформированіемъ флота, въ море удалось вывести лишь 14 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ, 2 бомбардирскихъ судна и транспортныя и мелкія суда. Вслѣдствіе недостатка командъ во флотѣ даже не на штатное число судовъ, пришлось на эскадру, отправлявшуюся на театръ военныхъ дѣйствій, назначать рекрутовъ и солдатъ для пополненія экипажей. Состояніе матеріальной части флота было еще болѣе убого; ветхія, устарѣлыя суда еще Петровской постройки при первомъ же серьезномъ испытаніи погоды, еще до боя, приходили въ ужасное состояніе. Моральное состояніе командная и личнаго состава выяснилось сейчасъ же при подходѣ флота къ театру военныхъ дѣйствій, когда, выгрузивъ въ Пиллау для арміи осадную артиллерію, вмѣсто нападенія на слабый французскій флотъ, высаживавшій у Данцига десантъ и установленія блокады, адмиралъ рѣшилъ выждать у Пиллау ухода французскаго флота и только тогда подошелъ къ Данцигу. Слѣдствіемъ этой нерѣшительности была высадка французами десанта на островъ Платъ и флотъ принужденъ былъ дѣйствовать противъ значительно усиленнаго французами гарнизона крѣпости Ваксюльмюнде. Значительное усиленіе арміи Миниха въ это время подошедшими саксонскими войсками (8 бат. и 21 эск.) и прибытіе осадной артиллеріи, выгруженной флотомъ въ Пиллау, спасло положеніе и не допустило соединенія французскаго десанта съ осажденными. По прибытіи къ Данцигу, флотъ сталъ съ моря бомбардировать крѣпость Ваксюльмюнде, лагерь десантнаго корпуса и стоявшія въ рѣкѣ непріятельскія суда. Въ то же время Минихъ съ сухого пути усилилъ бомбардировку тѣхъ же укрѣпленій и города. Черезъ 10 дней, 11 іюля крѣпость Ваксюльмюнде, не дождавшись прибытія французскаго флота, сдалась на капитуляцію, при чемъ были взяты въ плѣнъ весь десантный отрядъ, французскій фрегатъ и гукоръ, а Станиславъ Лещинскій въ ночь съ 16-го на 17-е іюня бѣжалъ. Послѣ этого Данцигъ капитулировалъ, признавъ Августа королемъ, но русскій флотъ не дождался этого конца. При полученіи Минихомъ извѣстія о подходѣ сильнаго французскаго флота, русскій былъ отправленъ къ своимъ портамъ, на чемъ и окончилась его первая военная служба послѣ Петра.

V. Война съ Турціей въ 1735—39 г.г. [1]).

Если военное испытаніе Балтійскаго флота въ 1734 году и было для него внезапнымъ, къ которому онъ не успѣлъ еще приготовиться, когда въ составъ еще не вошли суда новыхъ построекъ и онъ не успѣлъ еще оправиться отъ того застоя, въ который невольно попалъ отъ временнаго пренебреженія имъ правительства въ предыдущее царствованіе, то такого момента внезапности не было въ другой непосредственно слѣдовавшей за ней войнѣ—съ Турціей. Задуманная и политически подготовленная союзами съ Австріей и Персіей всесильнымъ вице-канцлеромъ гр. Остерманомъ, столь сильно вліявшимъ на развитіе флота именно въ эти же годы, война съ Турціей была для насъ желательна. По поставленнымъ цѣлямъ она должна была быть активна, а потому военная подготовка ея имѣетъ большой историческій интересъ. Цѣлью войны ставилось завоеваніе Крыма, выходъ въ Черное море, свобода торговаго мореплаванія черезъ проливы—все цѣли, уже указанныя Петромъ Великимъ и завѣщанныя имъ своимъ преемникамъ, такъ какъ онъ самъ при условіи борьбы на сѣверѣ съ Швеціей принужденъ былъ временно отказаться отъ ихъ осуществленія (Прутъ). Впрочемъ въ послѣдніе годы жизни, по окончаніи Персидскаго похода, Петръ вернулся къ мысли о южномъ, Черномъ, морѣ, и даже началъ подготовлять кампанію, возобновивъ судостроеніе на Дону и Днѣпрѣ, но смерть прервала его начинанія.

Въ слѣдующіе годы правительство Екатерины нашло возможнымъ изъ-за финансовыхъ и экономическихъ соображеній наладить мирныя отношенія съ Турціей, и отклонить подымавшуюся грозу войны, прекративши даже начатое Петромъ судостроеніе въ Брянскѣ и Тавровѣ. Но теперь, когда были закончены реформы морского управленія, когда во главѣ флота были поставлены молодыя, новыя силы – гр. Головинъ и сотрудники его: Бредаль, Дмитріевъ-Мамоновъ, послушные указаніямъ вице-канцлера,—когда улажены были польскія дѣла, и на престолѣ былъ водворенъ, при помощи русской военной силы, другъ Россіи, Августъ III, когда Австрія въ своемъ союзѣ съ Россіей была вновь связана помощью, оказанной ей корпусомъ Ласси противъ Франціи, а Персія была привлечена въ союзъ отказомъ отъ занятыхъ Петромъ ея областей, теперь, казалось, предусмотрѣно было все, такъ какъ и финансовое положеніе Россіи, благодаря мѣрамъ, принятымъ еще Екатериной I, и десятилѣтнему миру, улучшилось.

Еще задолго до какой-либо мысли о войнѣ съ Турціей у кого-либо, кромѣ Остермана, державшаго всѣ нити политики въ своихъ рукахъ, вскорѣ послѣ смерти генералъ-адмирала Апраксина, Остерманъ сталъ интересоваться дѣлами флота, а въ 1729 году добился возвращенія вице-адмирала Змаевича въ Тавровъ для приведенія адмиралтейства и запасовъ въ порядокъ, для завѣдыванія выстроенной имъ же въ 1724 году

---

[1]) См. «Исторію Арміи и Флота», т. II, стр. 12–24.

по указу Петра флотиліей галеръ, прамовъ и прочихъ мелкихъ судовъ. Такимъ же порядкомъ, постепенно, онъ сталъ готовить и другое адмиралтейство въ Брянскѣ къ возможности судостроенія. Въ 1733 году, по окончаніи всѣхъ преобразовательныхъ работъ въ морскомъ вѣдомствѣ, Адмиралтействъ-Коллегія, не безъ давленія, конечно, Остермана, стала энергично готовиться къ войнѣ съ Турціей. Змаевичу въ Тавровъ посылались указы о заготовкѣ лѣса и объ усиленіи старой флотиліи до 9 большихъ и 6 малыхъ прамовъ, 35 галеръ и 400 различныхъ мелкихъ судовъ. Ему предписывалось собирать рабочихъ, высылались изъ Петербурга мастера и морскія команды, заготовлялось снабженіе флота, провіантъ. Одновременно такія же заботы проявлялись и по отношенію къ другой кораблестроительной базѣ на югѣ—къ Брянску. Все это показываетъ, что лицо, стоявшее во главѣ внѣшней политики и руководившее дѣйствіями Адмиралтействъ-Коллегіи, планомѣрно, сознательно шло по стопамъ Петра, рѣшило осуществить выработанную имъ программу и, наконецъ, все подготовивъ, все предусмотрѣвъ и выбравъ удобный моментъ для начала военныхъ дѣйствій, передало дѣло въ руки военной силы—фельдмаршала Миниха, назначеннаго командующимъ арміей, дѣйствующей противъ Турціи.

Казалось, что все предусмотрѣно, а между тѣмъ война показала, что подготовка была недостаточна. Хотя донская флотилія Бредаля и выполнила свое назначеніе при осадѣ въ 1736 году и взятіи Азова, но днѣпровской—въ нужный по ходу военныхъ дѣйствій моментъ—не оказалось. Когда затѣмъ понадобился корабельный флотъ на Черномъ морѣ, послѣ взятія Азова, Очакова, Кинбурна, Тамани и разоренія всего Крыма, о чемъ заблаговременно предупреждалъ главнокомандующій Минихъ Адмиралтействъ-Коллегію, то его оказалось невозможнымъ создать, несмотря на минувшій опытъ созданія Петромъ корабельнаго азовскаго флота. Гдѣ же скрывались причины этихъ явленій? Разгадка лежала все въ томъ же всесильномъ, всемогущемъ и за все бравшемся вице-канцлерѣ гр. Остерманѣ, не имѣвшемъ границъ своему честолюбію, подготовлявшемъ войну, не разработавши предварительно съ главнокомандующимъ плана войны, начавшимъ военныя дѣйствія почему-то въ срединѣ лѣта, въ исходѣ іюля—самое непригодное время для войны на югѣ. Для зазнавшагося честолюбца, во всѣхъ своихъ реформахъ стремившагося исправить Петровскую организацію, такъ понятно такое стремленіе одному, въ тайнѣ, подготовить весь ударъ, и подъ скромной личиной слѣдователя по стопамъ Великаго Петра, на самомъ дѣлѣ мечтать превзойти его. Только этимъ, да полной оторванностью Адмиралтействъ-Коллегіи отъ флота, военнаго дѣла, можно объяснить такое несоотвѣтствіе подготовки плану войны, когда не былъ предусмотрѣнъ ни планъ дальнѣйшихъ военныхъ дѣйствій флота, ни требованія арміи во вспомогательныхъ средствахъ, ни типъ корабля, ни выборъ базы для постройки корабельнаго флота. Слѣдствіемъ этого явилась уже во время самой войны безконечная переписка по всѣмъ этимъ вопросамъ между морскими начальниками на мѣстахъ, усугубленная полнымъ отсутствіемъ

у нихъ личной инициативы, и Адмиралтействъ-Коллегией, главнокомандующимъ и Императрицей.

Многие изъ этихъ вопросовъ такъ и остались до конца войны не рѣшенными, вотъ почему и результаты не оправдали какъ подготовки, такъ и усилий и жертвъ во время самой войны.

Въ первую кампанию 1735 года, вслѣдствие слишкомъ поздняго начала военныхъ дѣйствий и страшной разброски сухопутныхъ силъ, назначенныхъ къ дѣйствию противъ Турции, изъ коихъ часть была за границей, участие флота не требовалось.

На слѣдующую весну 1736 года, по плану военныхъ дѣйствий было назначено донской армии Ласси—взятие Азова, а Минихъ съ днѣпровской армией вновь повторилъ еще болѣе глубокий набѣгъ на Крымъ до Бахчисарая и рѣки Салгира, при чемъ въ концѣ июня, въ виду наступившихъ жаровъ и отсутствия корма, воды, съ громадными потерями принужденъ былъ отступить. Результатомъ этого, быть можетъ, лихого рейда вглубь неприятельской страны было, кромѣ опустошения, только занятие Кинбурна. Въ то же время на донскомъ театрѣ, къ прибытию Ласси въ маѣ мѣсяцѣ къ осадной армии, подошелъ и выстроенный въ Тавровѣ флотъ изъ 6—14-пуш. прамовъ и 6—8 пуш., 35 галеръ и прочихъ судовъ, сильно содѣйствовавший, какъ и во вторую азовскую кампанию Петра, блокадой и бомбардировкой, падению крѣпости, которая капитулировала 17 июня.

Во все это время турецкий корабельный флотъ стоялъ въ виду Азова, но по мелководью помощи ему подать не могъ. Такимъ образомъ, онъ былъ только зрителемъ сдачи крѣпости.

Въ кампанию 1737 г. корпусъ Ласси долженъ былъ, слѣдуя берегомъ Азовскаго моря, ворваться, при помощи флотилии изъ 500 неглубоко сидящихъ ботовъ и лодокъ, въ Крымъ, а задачей днѣпровской армии было поставлено взятие Очакова. Для этой кампании еще съ осени 1736 г. Минихомъ потребована была постройка въ Брянскѣ мостовыхъ плашкоутовъ, для переходовъ армии черезъ Днѣпръ и Бугъ, 500 такихъ же ботовъ для дѣйствий въ лиманѣ на 40—50 человѣкъ каждый, и мелко сидящихъ прамовъ, галеръ и кончебасовъ, способныхъ перейти Днѣпровские пороги. Если такая одновременная громадная постройка хотя мелкихъ судовъ и была возможна для донскихъ адмиралтействъ, то на Днѣпрѣ, въ особенности при нерѣшительности мѣстныхъ властей, инертности Дмитриева-Мамонова, такая задача оказалась непосильной. Для успѣшности кампании Минихъ добился въ началѣ 1737 года назначения ему въ помощь вице-адмирала Наума Сенявина, съ прибытиемъ котораго въ Брянскъ работа закипѣла. Имъ сразу былъ выработанъ типъ необходимаго по мѣстнымъ условиямъ судна—дубель-шлюпки (60 ф. длины и вооружение 6 фальконетовъ) и работа быстро подвинулась впередъ. Протестованный Минихомъ—Дмитриевъ-Мамоновъ былъ однако оставленъ при флотилии, и впослѣдствии онъ подвигами личной храбрости и отваги загладилъ свою нераспорядительность. Но пропущеннаго времени вернуть было нельзя, и при скудости средствъ Брянскаго адмиралтейства, въ особен-

ности въ рабочихъ,—только 300 изъ назначенныхъ къ постройкѣ лодокъ поспѣли къ августу, когда Очаковъ былъ взятъ Минихомъ. Только въ октябрѣ, когда на Очаковъ напалъ 40-тысячный турецкій отрядъ и 12 галеръ, было спущено въ лиманъ около 50 лодокъ, принявшихъ немедленное участіе въ отраженіи турецкихъ войскъ, чѣмъ они оказали немалую пользу осажденному въ Очаковѣ гарнизону.

Въ то же время корпусъ Ласси весною двинулся, согласно плану кампаніи, въ Крымъ, сопровождаемый флотиліей Бредаля. На долю ея теперь, въ виду невозможности вывести въ море прамы, галеры и другія болѣе глубоко сидящія суда черезъ донскія гирла, выпали вспомогательныя для арміи задачи: перевозка обоза и частей войскъ, снабженія арміи, переправа арміи черезъ проливы, заливы, рѣки. Армія Ласси, перейдя черезъ Сивашъ противъ Арабатской Косы, двинулась въ обходъ Перекопа, разбила 15.000-й отрядъ турокъ, разорила Карасу-Базаръ и всю мѣстность до Салгира; отдѣльные отряды калмыковъ въ погонѣ за татарами доходили даже до Бахчисарая. Но, какъ и въ прошломъ году, лѣтняя жара, отсутствіе корма для лошадей и воды заставили Ласси 24 іюня на военномъ совѣтѣ принять рѣшеніе вернуться обратно. Между тѣмъ флотиліи Бредаля, въ виду владѣнія турками моремъ, поддерживаемаго достаточно сильнымъ флотомъ (2 кор., 13 галеръ и 47 полугалеръ), приходилось, кромѣ несенія транспортныхъ обязанностей, быть въ постоянной готовности къ отраженію нападенія турецкаго флота. Въ этихъ случаяхъ флотилія обыкновенно становилась на самой малой глубинѣ у берега, высаживалась, устраивала укрѣпленіе изъ судовыхъ орудій и отстрѣливалась отъ непріятеля. Такимъ именно образомъ были отбиты нападенія турокъ 30 іюня у Арабатской Косы и 29 и 30 іюля у Ѳедотовой Косы.

Выдающимся дѣломъ всей кампаніи былъ подвигъ капитана Дефремери. По приказанію Ласси вернуть обратно въ Азовъ пришедшій оттуда ботъ съ мортирой, вице-адмиралъ Бредаль, въ виду важности порученія, назначилъ командиромъ на него своего главнаго помощника по командованію флотиліей капитана III ранга Петра Дефремери, предписавъ ему инструкціей, въ случаѣ встрѣчи съ непріятелемъ, «немедленно отъ него уходить», а непріятелю, какъ бы онъ силенъ ни былъ, ни подъ какимъ видомъ не сдаваться и въ корысть ему ничего не оставлять». 7 іюля ботъ вышелъ изъ Геничи въ Азовъ, но вслѣдствіе противныхъ вѣтровъ былъ задержанъ въ пути, и 10 іюля настигнутъ у Ѳедотовой Косы турецкимъ отрядомъ изъ 1 корабля и 30 галеръ и мелкихъ судовъ. Видя невозможность уйти отъ быстро нагонявшаго непріятеля, капитанъ Дефремери выбросился на берегъ, высадилъ всю команду съ мичманомъ Рыкуновымъ, а самъ съ боцманомъ Рудневымъ и однимъ больнымъ матросомъ, фамилія котораго осталась неизвѣстной, залилъ всю палубу смолой, засыпалъ порохомъ и, когда турецкій флотъ его окружилъ, чтобъ захватить въ плѣнъ, взорвался, погибнувъ вмѣстѣ со своимъ ботомъ. При видѣ гибели своего командира, мичманъ Рыкуновъ съ 2-мя матросами бросился въ море, чтобы взять хотя его трупъ, но тутъ же

былъ убитъ открывшими огонь турками. Взрывъ бота нанесъ значительныя поврежденія окружившимъ его судамъ.

Въ результатѣ этой кампаніи на Азовскомъ морѣ и въ Крыму мы опять ничего не пріобрѣли, и не улучшили нашего стратегическаго положенія, такъ какъ вся армія Ласси осенью была отведена на Донъ и Донецъ. Владѣніе Азовскимъ моремъ также осталось въ рукахъ турокъ, хотя они въ эту кампанію не сумѣли еще примѣниться къ тактикѣ адмирала Бредаля, къ пользованію имъ своимъ преимуществомъ — мелкой осадкой судовъ, возможностью устраивать укрѣпленія на берегу, подъ защитой которыхъ и выдерживать бои съ турками, не имѣвшими возможности близко подходить къ нимъ. Въ эту кампанію отъ огня турокъ погибло только 8 нашихъ ботовъ. Зато значительную помощь туркамъ оказали погоды—отъ штормовъ въ морѣ погибло около 280 лодокъ, такъ что въ сентябрѣ въ Азовѣ, по возвращеніи всѣхъ судовъ съ моря, у Бредаля собралось кромѣ галеръ и прамовъ, тамъ находившихся, 5 ботовъ большихъ и до 220 лодокъ.

Этотъ результатъ кампаніи, казалось бы, долженъ былъ заставить, наконецъ, какъ адмирала, такъ и командующаго арміей Ласси, принять какія-либо мѣры, чтобы создать дѣйствительную морскую силу на Азовскомъ морѣ, но на слѣдующій годъ была полностью, до мельчайшихъ подробностей, повторена кампанія 1737 года. Въ результатѣ, выстроенная вновь въ одну зиму флотилія изъ 300 ботовъ была поймана цѣликомъ у Ѳедотовой Косы турками, понявшими тактику русскихъ и приведшими кромѣ сильнаго корабельнаго флота болѣе 100 мелкихъ судовъ. Бредаль сдѣлалъ послѣднюю возможную попытку для спасенія судовъ изъ ловушки и для обхода турокъ рѣшился прибѣгнуть къ средству Петра Великаго. Найдя болѣе узкое мѣсто, онъ прорылъ 60-саж. перешеекъ и перевелъ всѣ суда на западную сторону Косы. Но турки вновь заградили ему путь, и Бредаль, свезя всѣ грузы и людей на берегъ, сжегъ самъ всю флотилію, чтобы не отдать ее непріятелю. Въ результатѣ Ласси, лишенный единственнаго средства связи съ базой, не могъ двинуться въ Крымъ и, взявъ Перекопъ, отступилъ на соединеніе съ днѣпровской арміей.

Однако и Минихъ не понялъ значенія корабельнаго флота въ эту войну, въ особенности послѣ взятія Очакова. «Я считаю Очаковъ», писалъ Минихъ 2 іюля 1737 года, донося о взятіи его, «наиважнѣйшимъ мѣстомъ, какое Россія когда-либо завоевать могла и которое водою защищать можно. Очаковъ пересѣкаетъ всякое сухопутное сообщеніе между турками и татарами, крымскими и буджакскими и притомъ держитъ въ уздѣ дикихъ запорожцевъ, изъ Очакова можно въ 2 дня добрымъ вѣтромъ въ Дунай, а въ 3 и 4 въ Константинополь поспѣть, а изъ Азова нельзя. По этому слава и интересъ Ея Величества требуютъ не медлить ни часу, чтобъ такое мѣсто утвердить за собою... Въ Брянскѣ суда надобно достраивать и послать туда искуснаго и прилежнаго флагмана и мастеровъ, взять въ службу старыхъ морскихъ офицеровъ изъ грековъ, которымъ Черное море извѣстно; на порогахъ, при низкой

водѣ осенью большіе каменья подорвать, чему я велю сдѣлать пробу. Отъ состоянія флотиліи и отъ указа Ея Величества только будетъ зависѣть, и я въ будущемъ году пойду прямо въ устье Днѣпра, Дуная и далѣе въ Константинополь». Между тѣмъ при обсужденіи вопроса о постройкѣ судовъ въ зиму 1737—38 г.г. на слѣдующую кампанію, Минихъ выставлялъ требованія, главнымъ образомъ, о постройкѣ прамовъ и галеръ разныхъ типовъ для перевозки войскъ, транспортовъ, плашкоутовъ и ластовыхъ судовъ, къ постройкѣ каковыхъ и было приступлено, т. е. опять-таки и Минихъ смотрѣлъ на флотъ, какъ на перевозочное средство, а не какъ на самостоятельную боевую силу. Между тѣмъ планъ кампаніи Минихомъ былъ измѣненъ, и весною онъ двинулся черезъ Бугъ къ Днѣстру, хотя въ теченіе лѣта въ низовья Днѣпра и къ Очакову было сплавлено черезъ пороги 247 гребныхъ судовъ. Дойдя до Днѣстра, армія Миниха, вслѣдствіе сильнаго развитія болѣзней, жары, отсутствія корма, принуждена была отступить, не добившись никакихъ результатовъ. Въ то же время развитіе моровой язвы на югѣ, въ особенности въ Очаковѣ, заставило очистить какъ его такъ и Кинбурнъ, а флотилію и всѣ войска отвести въ Украйну. Въ маѣ мѣсяцѣ однимъ изъ первыхъ умеръ отъ чумы Наумъ Акимовичъ Сенявинъ, а въ сентябрѣ—заболѣлъ и скончался, уже на походѣ Днѣпромъ, и второй морской начальникъ—контръ-адмиралъ Дмитріевъ-Мамоновъ. Съ оставленіемъ Очакова кончилась роль флота въ этой войнѣ. Кампанія 1739 г. закончилась знаменитой Ставучанской операціей Миниха, послѣ чего былъ заключенъ миръ. Однако и она не могла улучшить мирныхъ условій, предложенныхъ турками при посредничествѣ Франціи и не безъ происковъ Англіи и Голландіи.

Одно время, на Немировскомъ конгрессѣ, турки, послѣ паденія Очакова и усиленія нашего судостроенія, соглашались на оставленіе намъ Очакова, Кинбурна, Азова, Тамани. Но мы требовали Крыма, и конгрессъ былъ прекращенъ. Въ слѣдующіе 2 года войны мы Крымомъ не завладѣли, въ открытое море не вышли, и не могли даже начать созданіе базъ и кораблестроенія, и въ результатѣ потеряли все. По мирному договору намъ былъ оставленъ лишь Азовъ, но безъ права плаванія даже въ Азовскомъ морѣ, Кабарда была оставлена независимой—результаты, не оправдавшіе широковѣщательныхъ плановъ, подготовки, надеждъ. А причина всего этого одна — полная неспособность правительства и стоявшихъ во главѣ флота и адмиралтействъ лицъ понять значеніе флота, его задачи, и придти на помощь находившимся на мѣстахъ начальникамъ.

Документы годовъ этой войны прямо поражаютъ бюрократической перепиской Адмиралтействъ-Коллегіи съ Сенатомъ, Кабинетомъ и адмиралами. Обсужденіе вопросовъ о типахъ судовъ, базахъ, о высылкѣ рабочихъ тянулись годами, связывали иниціативу и безъ того нерѣшительныхъ начальниковъ, и ни къ чему не привели. Единственнымъ исключеніемъ былъ Н. Сенявинъ, но, какъ нарочно, его смерть выкрала однимъ изъ первыхъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по его пріѣздѣ. Только личный

составъ младшихъ чиновъ флота по мужеству, отвагѣ и храбрости въ бою, былъ, какъ всегда, на высотѣ, и выносилъ на своихъ плечахъ все бремя войны, къ счастью, по невысокимъ качествамъ турецкаго флота, безъ большихъ потерь.

VI. Шведская война 1741—1743 г.г. [1]).

Война возникла по проискамъ Франціи, стремившейся удержать всѣми мѣрами Россію отъ военной помощи ея союзнику и врагу Франціи — Австріи. Швеція для этого была наиболѣе благопріятствующей страной, гдѣ мечты о реваншѣ за Великую Сѣверную войну возбуждали до крайнихъ предѣловъ общественное настроеніе. Предстоящая война казалась шведамъ настолько легкой, что манифестъ о войнѣ былъ объявленъ до распоряженій о сосредоточеніи разбросанныхъ по всей Финляндіи войскъ и вообще до какихъ-либо мѣръ подготовки. Въ ихъ глазахъ это долженъ былъ быть блестящій военный парадъ, послѣ чего Россія немедленно запроситъ мира.

Дѣйствительность показала иное. Плана войны фактически у Швеціи никакого не было. Назначенный главнокомандующимъ графъ К. Э. Левенгауптъ, болѣе политикъ, интриганъ, чѣмъ генералъ, сообщалъ лишь о намѣреніяхъ своихъ идти береговой дорогой на Выборгъ—Петербургъ, опираясь на флотъ, занявшій еще съ весны позицію въ Аспэнскихъ шхерахъ. Флотъ шведскій, какъ по организаціи, такъ и по комплектованію и по матеріальной части, оказался не выше русскаго. Дѣйствія его, кромѣ этого, были парализованы страшной эпидеміей, доведшей некомплектъ флота до угрожающаго состоянія.

Война была объявлена въ Стокгольмѣ манифестомъ 24 іюля 1741 г., а въ Россіи: въ войскахъ—4 августа, флоту—9 августа. Командованіе русской арміей было поручено фельдмаршалу гр. Ласси, а флотомъ—вице-адмиралу Мишукову, уже старому адмиралу, со смерти Петра Великаго не служившему въ строю. Это былъ человѣкъ остермановской школы, выдвинувшійся на береговыхъ должностяхъ, нерѣшительный, безъ иниціативы и военнаго духа, во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ руководившійся буквально бумажными предписаніями, указами и крѣпкой стѣной забаррикадировавшійся отъ отвѣтственности—консиліями.

Такая позиція для той эпохи была настолько несокрушимой, что даже печальные результаты войны на морѣ не измѣнили отношенія къ адмиралу Мишукову и онъ до 1757 года, до полной дряхлости своей, внѣдрялъ тотъ же тлетворный духъ въ личный составъ, ежегодно командуя плававшими въ Балтійскомъ морѣ эскадрами съ практическими, учебными цѣлями.

Въ кампанію 1741 года флотъ нашъ участія въ военныхъ дѣйствіяхъ не принималъ, простоявъ до глубокой осени на Кронштадтскомъ рейдѣ, готовясь къ походу, вслѣдствіе не только скверной матеріальной

[1]) См. «Исторія Арміи и Флота», т. V. Очеркъ полковника Н. А. Ниве: «Финляндскія войны».

части, но и страшнаго некомплекта командъ (вмѣсто 9.000 человѣкъ насчитывали едва 4.500). Въ составъ Кронштадтскаго флота было назначено: 14 линейныхъ кораблей 70—50-пушечнаго ранга, 3 фрегата, 3 бомбардирскихъ судна, 2 прама, 2 брандера и 3 пакетбота, всего 27 вымпеловъ, не считая транспортовъ и ластовыхъ судовъ, а также галернаго флота. Кромѣ этого въ Бѣломорскихъ портахъ, гдѣ съ 1732 года было возобновлено судостроеніе, и откуда флотъ не выходилъ, именно на случай войны съ Швеціей, находилось подъ командой вице-адмирала Бредаля 7 кораблей, 5 фрегатовъ, 1 гукоръ и 1 яхта, суда все новой постройки. Въ то же время Швеція, все по той же причинѣ недостатка личнаго состава, смогла укомплектовать и выслать въ море эскадру вице-адмирала Раялина, всего изъ 10 линейныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ, до 15 галеръ и 15 другихъ гребныхъ судовъ, подъ командой экипажмейстера Фалькенгреена. Весь этотъ шведскій флотъ, несмотря на свое крайне критическое отъ болѣзней состояніе, простоялъ спокойно до октября, не тревожимый русскимъ флотомъ на своей позиціи, и затѣмъ благополучно ушелъ къ портамъ. На сухомъ пути, однако, фельдмаршалъ Ласси не бездѣйствовалъ и, послѣ побѣды надъ разрозненными шведскими отрядами, занялъ Вильманстрандъ. Этимъ эпизодомъ кампанія 1741 года была окончена и войска вновь отошли на зимнія расположенія.

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ на престолъ вступила Императрица Елизавета и, такъ какъ начатые шведами мирные переговоры не могли привести ни къ какимъ результатамъ, то съ марта 1742 г. военныя дѣйствія были возобновлены.

Сухопутныя дѣйствія русской арміи начались въ началѣ іюня, послѣ прихода въ Выборгъ изъ Кронштадта галеръ и ластовыхъ судовъ, для посадки 8 полковъ, провіанта для арміи и обоза, когда фельдмаршалъ Ласси двинулся къ Фридрихсгаму. 26 іюня шведы сдали безъ боя этотъ городъ и отступили въ Гельсингфорсъ, куда за ними двинулся и Ласси, по рѣшенію военнаго совѣта, несмотря на указъ не распространять военныхъ дѣйствій за р. Кюмень.

1 августа онъ занялъ Борго, а затѣмъ окружилъ и отрѣзалъ отъ Або Гельсингфорсъ, гдѣ сосредоточилась вся армія Левенгаупта. 24 августа Гельсингфорсъ сдался на капитуляцію Ласси, при чемъ въ плѣнъ сдалась вся шведская армія въ 17.000 чел. Затѣмъ генералъ Кейтъ занялъ Або, Нейшлотъ, а остальные города изъявили покорность и сдавались приходившимъ русскимъ войскамъ. Къ осени, такимъ образомъ, вся Финляндія почти безъ выстрѣла была занята русскими.

Военныя дѣйствія на морѣ въ эту кампанію отличались такимъ же спокойнымъ плаваніемъ флотовъ, какъ и въ мирное время. Шведскій флотъ, подъ командой вице-адмирала Сіестьерна, смѣнившаго умершаго отъ эпидеміи адмирала Раялина, и того же Фалькенгреена, въ іюнѣ сосредоточился на той же позиціи у Аспэ въ составѣ едва укомплектованныхъ 12 линейныхъ кораблей, 5 фрегатовъ, 6 мелкихъ судовъ и 25 галеръ (у Фридрихсгама). Послѣ нѣсколькихъ дней стоянки флота,

эпидемія въ шведскомъ флотѣ вновь разгорѣлась съ ужасающей силой, при чемъ смертность достигла колоссальныхъ размѣровъ. Хотя съ открытіемъ военныхъ дѣйствій графъ Левенгауптъ и приказалъ шведскому адмиралу двинуться къ Выборгу, чтобы разъединить русскій шхерный отрядъ (40 галеръ) отъ корабельнаго флота, но вице-адмиралъ Сіестьерна, въ виду указанныхъ условій состоянія шведскаго флота, не нашелъ возможнымъ выполнить этого приказанія, и даже вскорѣ отступилъ къ Гельсингфорсу, а затѣмъ къ Гангэ [1]). Между тѣмъ русскій флотъ, вышедшій въ море постепенно, отрядами, къ 1 іюля состоялъ изъ 13 кораблей, 3 фрегатовъ, 3 бомбардъ, 2 брандеровъ и 2 прамовъ, т. е. изъ 23 вымпеловъ, не считая транспортовъ и пакетботовъ. По инструкціи крайне нерѣшительной, неопредѣленной, данной вице-адмиралу Мишукову, ему предписывалось крейсеровать отъ Гаривалдая до Березовыхъ островов (Біоркэ-Зундъ), а учиненіе воинскихъ поисковъ надъ непріятелемъ оставлено въ его полную власть, при чемъ повелѣно дѣйствовать по Морскому Уставу, впредь посылаемымъ указамъ, и «во всемъ поступать съ согласію и совѣту съ будущими въ командѣ флагманами, а по возможности дѣла смотря призывать въ совѣтъ и капитановъ». Отдѣльной же секретной статьей ему было указано: «Ежели непріятельскій флотъ будетъ состоять въ такой силѣ, что противъ здѣшняго флота третьею частью меньше, то съ помощью Божіей всякіе поиски чинить по морскому обыкновенію». Эти указы какъ нельзя болѣе подходили къ нерѣшительной натурѣ Мишукова. Онъ пользовался широко своимъ правомъ собирать консиліумы, почти передъ каждой съемкой съ якоря, и на всѣ указанія и предписанія главнокомандующаго и впослѣдствіи даже Адмиралтействъ-Коллегіи отписывался невозможностью дѣйствовать то «за противностью вѣтра и погоды», то «за попутными вѣтрами», такъ какъ потомъ нельзя будетъ отойти. Когда же Адмиралтействъ-Коллегія однажды поставила ему на видъ его нерѣшительность, то онъ гордо сослался на Высочайшій Указъ Императрицы «не требовать отъ него отчетовъ при настоящихъ дѣйствіяхъ и слѣдствія оставить». Оградивъ себя такими мѣрами, Мишуковъ спокойно простаивалъ недѣлями и мѣсяцами, то у Гогланда, то у Наргена, на якорѣ; во время обложенія арміей Ласси Гельсингфорса передъ капитуляціей, онъ съ флотомъ къ нему не пошелъ именно «за попутными вѣтрами», а послѣ занятія всей Финляндіи, когда Ласси съ гребнымъ флотомъ хотѣлъ двинуться въ Абоскія шхеры, наотрѣзъ отказался слѣдовать для охраненія гребной флотиліи къ Гангеудду, то же «за попутными вѣтрами» и, простоявъ до половины сентября у Наргена, вернулся въ Кронштадтъ.

Бѣломорская эскадра вице-адмирала Бредаля въ эту кампанію проявила также не больше энергіи. Выйдя 19 іюля изъ устьевъ Двины, суда эскадры вскорѣ разлучились, и затѣмъ застигнутыя, не доходя Нордкапа, штормомъ, съ большими поврежденіями въ корпусѣ и рангоутѣ

---

[1]) Кирхгофъ объясняетъ эти дѣйствія шведскаго адмирала также и завистью, враждебностью различныхъ дворянскихъ партій.

вернулись обратно въ Колу на зимовку. Бредаль теперь почему-то попалъ въ немилость и по настоянію графа Головина былъ вызванъ въ Петербургъ и отданъ подъ судъ, но дѣло его кончилось лишь съ его смертью, черезъ 16 лѣтъ, въ 1758 году. На слѣдующую кампанію графъ Головинъ самъ принялъ начальство надъ Балтійскимъ флотомъ, но и это не внесло никакого измѣненія въ характеръ дѣйствій флота. Сидя въ Петербургѣ въ предыдущую кампанію, онъ грозно критиковалъ дѣйствія Мишукова, и даже въ Сенатѣ поднялъ вопросъ, не слѣдуетъ ли ему самому ѣхать къ флоту, чтобы принять начальство, но внявши уговору Сената, что онъ не долженъ бросать столицу и что это требуетъ указа Императрицы, бывшей въ Москвѣ, остался.

Ранней весной генералъ Кейтъ, пользуясь отсутствіемъ шведскаго флота у Гангэ, прошелъ съ бывшими въ его распоряженіи войсками на 21 галерѣ въ Абосскія шхеры, и здѣсь 18 мая разбилъ шведскій шхерный отрядъ Фалькенгреена изъ 18 галеръ и 1 прама. Въ это же время, въ началѣ мая, Ласси выступилъ изъ Кронштадта съ остальной назначенной для дѣйствій на берегахъ Швеціи арміей на 36 галерахъ и 70 кончебасахъ, а графъ Головинъ съ корабельнымъ флотомъ (8 и 9 мая). Въ составъ Кронштадтской эскадры, вооруженной, укомплектованной и снабженной съ прошлогодними затрудненіями, вошли: 8 линейныхъ кораблей, 1 бомбардирскій корабль и 2 брандера. 15 мая онъ соединился у Наргена съ Ревельской эскадрой, послѣ чего у него собрался флотъ въ 15 линейныхъ кораблей, 2 фрегата, 2 бомбардирскихъ корабля, 2 брандера и 3 посыльныхъ судна, т. е. 24 вымпела.

Ревельская эскадра подъ командой контръ-адмирала Баржа, вышедшая на рейдъ значительно раньше (17 апрѣля), 30 апрѣля, по окончаніи всѣхъ работъ по вооруженію и снабженію, вышла въ море и 1 мая по требованію генерала Кейта заняла постъ у Гангэ, благодаря чему шхерный флотъ и могъ пройти въ Аландскія шхеры. Но дальнѣйшихъ указаній Кейта Баржъ не выполнилъ и, по консиліи капитановъ «за неизвѣстностью пути къ шхерамъ» и изъ-за боязни быть отрѣзаннымъ отъ Кронштадтской эскадры, ушелъ сначала къ Бокшерену (въ 45 миляхъ на WSW отъ Утэ), а затѣмъ, вслѣдствіе полученныхъ поврежденій, хотя и встрѣтился съ непріятельскимъ отрядомъ изъ 5 кораблей, 2 фрегатовъ и 1 шнявы, и былъ на вѣтрѣ у него, не атаковавъ его, ушелъ за Наргенъ, хотя не считая 3 поврежденныхъ кораблей въ его эскадрѣ было 4 линейныхъ корабля, 2 фрегата, т. е. силы, почти равныя съ непріятелемъ. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался шведскій флотъ и занялъ постъ у Гангэ. Здѣсь къ 24 мая у шведскаго адмирала Утфаля собралось 13 линейныхъ кораблей, 3 фрегата, 2 бомбардирскихъ корабля и 1 гальотъ, т. е. силы меньшія чѣмъ у графа Головина. Между тѣмъ занятое имъ положеніе, именно предусмотрѣнное инструкціей Головину, раздѣляло нашъ шхерный флотъ на 2 отряда и не допускало движенія Ласси, прибывшаго въ Твerминэ, къ берегамъ Швеціи. Инструкція, составленная, повидимому, подъ давленіемъ Ласси, предписывала совершенно опредѣленно: «Ежели непріятельскій флотъ заступитъ дорогу

нашему галерному флоту у Гангута, то по консиліуму съ фельдмаршаломъ Ласси стараться, смотря по мѣрѣ силы своей и непріятельской — съ непріятелемъ, съ помощью Божьею, въ бой вступить, и онаго отъ Гангута отбить, и учинить галерному флоту свободный проходъ». Той же инструкціей послѣ сего, по соглашенію съ фельдмаршаломъ же, ему предписывалось идти къ Ламеланду или «гдѣ соглашенность будетъ», отправляя галеры на шведскую сторону, подъ прикрытіемъ корабельнаго флота; и «ежели нужда востребуетъ, атаковать непріятельскій флотъ, *не только съ превосходящею надъ непріятелемъ силою въ числѣ и людяхъ, но и равною противъ онаго*». Тонъ указа былъ, какъ видимъ, уже совершенно иной, чѣмъ въ предыдущемъ году, и казалось бы при желаніи Головина онъ имѣлъ полную возможность перейти къ активнымъ дѣйствіямъ. Однако этого отъ флота главнокомандующій опять не дождался. Подойдя къ шведскому флоту, графъ Головинъ, на виду у непріятеля, легъ въ дрейфъ и собралъ генеральный консиліумъ изъ флагмановъ и всѣхъ капитановъ и предложилъ на обсужденіе свой планъ дѣйствій: «такъ какъ по рапортамъ крейсеровъ видимо, что непріятельскій флотъ не въ совершенномъ довольствіи находится, *то приблизиться къ нему, стать на якорь, и изыскивать способа атаковать брандерами и бомбардирскими судами*, подъ прикрытіемъ флота, понеже гдѣ непріятель лежитъ тутъ и намъ лежать можно». Но генеральный консиліумъ съ нимъ не согласился, и 14-ю голосовъ противъ 12 (а съ голосомъ Головина—противъ 13, т. е. большинствомъ 1 голоса), постановилъ: «обождать атакою до прибытія галеръ, ибо атаковать въ такомъ узкомъ мѣстѣ не способно». Несмотря на явную абсурдность такого рѣшенія, командующій флотомъ, *согласно воинскаго устава*, подчинился мнѣнію большинства, и послалъ донесеніе фельдмаршалу. На этомъ совѣтѣ нельзя не остановиться. Хотя и въ предложеніи Головина тактика предполагаемыхъ дѣйствій не выдаетъ въ немъ талантовъ флотоводца, но все же онъ желаетъ боя, понимаетъ, что нельзя уйти отъ непріятеля, да еще слабѣйшаго; этотъ свой взглядъ онъ и выразилъ сейчасъ же въ протестѣ на протоколѣ консиліума, но рѣшенію большинства все же подчинился—такъ заѣла его служба на берегу, формалистика, бумага, рутина; такъ далекъ онъ былъ отъ пониманія своихъ правъ и обязанностей, какъ адмирала флота. Вмѣсто отдачи рѣшительнаго приказанія собравшимся флагманамъ и командирамъ, онъ ограничивается *письменнымъ протестомъ* подъ протоколомъ и этимъ успокаивается—*его совѣсть чиста*, — это ли не полное торжество рутины, полнаго отсутствія военнаго духа. Еще одна мелкая подробность этого консиліума страшно характерна для эпохи: большинство образовалось изъ двухъ адмираловъ и 12 капитановъ, за мнѣніе Головина стояли 2 капитана и 10 лейтенантовъ. Слѣдовательно только отсюда, изъ еще не загубленныхъ службой въ эту мертвую эпоху молодыхъ силъ, могло народиться движеніе и жизнь во флотѣ.

Однако и это мнѣніе совѣта не пришлось привести въ исполненіе. Вслѣдствіе налетѣвшаго отъ OtN жестокаго шторма, Головинъ принужденъ былъ съ флотомъ укрыться въ Рогервикъ. 2 іюня онъ снова

подошелъ къ Твермпнэ на 2—3 мили по требованію Ласси, но далѣе не пошелъ, и пригласилъ фельдмаршала съ генералитетомъ на флотъ. Въ отвѣтъ Ласси прислалъ ему предписаніе идти къ Гангуту и атаковать шведскій флотъ, и въ крайнемъ случаѣ его заблокировать, чтобы галерный флотъ могъ подъ его прикрытіемъ пройти въ шхеры. Но вмѣстѣ съ этимъ Ласси имѣлъ неосторожность прислать Головину и указъ Императрицы, убившій въ немъ послѣднюю долю рѣшимости, прямо противоположный и собственному его требованію.

Указъ гласилъ: «чтобы хотя для какого и знатнаго поиска, *подъ непріятелемъ газардовать случилось*, въ томъ при имѣвшихъ обстоятельствахъ, такъ близко къ миру видимыхъ, *до времени удержаться*».

Получивъ этотъ указъ, Головинъ рѣшилъ уже логически правильно, что атаки безъ «газарду» быть не можетъ и, подойдя за штилями только въ полдень 6 іюня къ Гангуту, расположился около него по направленію ONO—WSW въ 1 милѣ на SO отъ маяка Русар-э. Въ линіи русскаго флота было 14 кораблей, впереди противъ фланговъ 2 фрегата, посрединѣ 2 бомбардирскихъ корабля, а позади 2 брандера и 4 посыльныхъ судна, всего 24 вымпела; дистанція между кораблями 120 саж. Въ такомъ положеніи оба флота простояли 1 сутки, а на другой день въ полдень 7 іюня при легкомъ WNW при дождѣ и туманѣ шведскій флотъ сталъ сниматься съ якоря. Русскій флотъ также снялся, но такъ какъ непріятель оказался на вѣтрѣ и попытка Головина (сигналъ: трудиться восходить выше непріятеля къ вѣтру) подняться не удалась, то флоты 2 дня прокрейсеровали въ одинаковомъ относительномъ положеніи. При этомъ Головинъ, помня указъ Императрицы, въ дальнѣйшемъ и не старался атаковать, считая свою задачу выполненной, такъ какъ шведскій флотъ ушелъ съ позиціи, преграждавшей путь галерному флоту, и 8 іюня вечеромъ онъ ушелъ даже въ Рогервикъ. Тѣмъ временемъ Ласси, подкрѣпленный еще 14 галерами и 18 кончебасами, обошелъ Гангутъ, и у Сатунга 12 іюня соединился съ ген. Кейтомъ, не встрѣтивъ нигдѣ непріятеля. Отсюда весь галерный флотъ пошелъ далѣе Аландскими шхерами къ шведскимъ берегамъ, а Головинъ, перейдя въ Ревель, несмотря на обязанность свою по инструкціи идти охранять галерный флотъ, послалъ Ласси извѣстіе, что съ флотомъ не подойдетъ въ шхеры, гдѣ нѣтъ огражденій и много подводныхъ камней, въ особенности послѣ указа «не газардовать». Дѣйствительность оправдала въ данномъ случаѣ осторожность Головина, такъ какъ 17 іюня, т. е. черезъ нѣсколько дней, были подписаны прелиминарныя условія, а 5 іюля миръ былъ ратификованъ.

VII. Участіе русскаго флота въ Семилѣтней войнѣ [1]).

«Сокращеніе силъ скоропостижнаго короля Прусскаго» было не только лозунгомъ этой войны, но и глубоко національною, въ духѣ Петровскомъ, задачею Россіи, которою только Елизавета съ ея рус-

1) См. „Исторію Арміи и Флота", т. II, стр. 30—45.

ской душой, столь близкой по духу своему Родителю, могла проникнуться, взглянувъ какимъ-то внутреннимъ чутьемъ на цѣлое столѣтіе впередъ.

Значеніе этой войны было не столько въ намѣченномъ территоріальномъ пріобрѣтеніи—Восточной Пруссіи, которую предполагалось даже промѣнять у Польши на Курляндію и Семигалію, а именно въ намѣренномъ задержаніи роста новой силы на Балтійскомъ театрѣ, что и было выполнено, несмотря на отказъ отъ результатовъ войны Императора Петра III, вступившаго на престолъ со смертью Елизаветы.

Значеніе и роль флота въ этой войнѣ, хоть и не имѣвшей морскихъ сраженій, особенно ярко, выпукло, и потому его нельзя обойти молчаніемъ. Только при наличіи русскаго флота, за царствованіе Императрицы обновившагося и выросшаго, наконецъ, до штатнаго состава, возможно было владѣніе моремъ, а благодаря этому выборъ операціоннаго направленія Петербургъ—весь берегъ Пруссіи, устройство подвоза снабженія арміи—моремъ же, т. е., при отсутствіи у Пруссіи военнаго флота, линіи ничѣмъ не угрожаемой, непрерываемой и потому совершенно не связывающей движенія арміи.

Все это было учтено своевременно Фридрихомъ, заключившимъ союзъ съ Англіей, но онъ не дождался помощи англійскаго военнаго флота, который во все время войны ни разу въ Балтійское море не приходилъ. Но уже одна эта угроза значительно усложнила задачи русскаго и союзнаго съ нимъ, шведскаго, флотовъ, такъ какъ имъ приходилось, кромѣ несенія блокады прусскихъ береговъ и помощи осаднымъ войскамъ приморскихъ крѣпостей, нести еще блокаду проливовъ въ постоянной готовности встрѣтиться и сразиться съ сильнѣйшимъ англійскимъ флотомъ.

Въ первую же кампанію 1757 г. русскій флотъ вышелъ въ море весною въ составѣ 23 линейныхъ кораблей, 2 фрегатовъ, 2 бомбардирскихъ судовъ, 2 прамовъ, не считая транспортовъ съ артиллерійскими снарядами и провіантомъ для арміи, подъ начальствомъ теперь уже 74-лѣтняго адмирала Мишукова. Подъ защитой этого линейнаго флота при дѣйствіи съ моря бомбардирскихъ судовъ, прамовъ и бомбардировкѣ съ берега, 24 іюля уже былъ взятъ Мемель и затѣмъ началась перевозка войскъ на галерахъ (особый отрядъ изъ 41 галеры) въ Куришъ-гафъ. Въ августѣ мѣсяцѣ стало извѣстно, что англійскій флотъ въ эту кампанію не придетъ, и потому флотъ былъ возвращенъ къ своимъ портамъ, а на смѣну прислана Ревельская эскадра вице-адмирала Полянскаго (5 кор. и 1 фрегатъ) для продолженія блокады до глубокой осени. Этотъ отрядъ вернулся въ Ревель лишь въ октябрѣ.

Въ послѣдующіе 1758—9 гг. русскій флотъ съ открытіемъ отъ льдовъ нашихъ портовъ немедленно уходилъ къ прусскимъ берегамъ и въ проливы для несенія блокады, а шведскіе отряды выступали даже съ февраля. Плавая въ водахъ Балтійскаго моря, Зундѣ, Категатѣ до глубокой осени, флотъ поддерживалъ армію снабженіемъ провіантомъ и артиллерійскими припасами и подвозомъ подкрѣпленій, а также судовыми десантами. Послѣдніе отряды флота въ эти годы уходили даже въ ноябрѣ.

Въ 1760 г. по ходу развитія сухопутныхъ операцій арміи потребовалось взять Кольбергъ. Задача эта была возложена на флотъ, командующему которымъ, все тому же адмиралу Мишукову, и было поручено главное руководство всей операціей; при этомъ отъ арміи было выдѣлено лишь 2 отряда драгунъ и казаковъ. 15 августа русскій флотъ въ составѣ 27 линейныхъ кораблей и фрегатовъ и 17 прочихъ и транспортныхъ судовъ подошелъ къ Кольбергу, а на другой день въ его распоряженіе подошли 9 шведскихъ линейныхъ кораблей. Съ соединеннаго флота былъ свезенъ для дѣйствій на берегу 3000-ный десантъ, выгружена осадная артиллерія, полевая, лагерныя принадлежности, шанцевый инструментъ и пр. и флотъ приступилъ къ бомбардировкѣ. Непосредственнымъ распорядителемъ дѣйствіями десанта на берегу былъ сначала оберъ-цейхмейстеръ Демидовъ, а затѣмъ контръ-адмиралъ С. Мордвиновъ. Дѣйствія осадныхъ войскъ были сначала успѣшны, но 8 сентября внезапное появленіе прусскаго отряда съ тыла внесло панику въ войска, которыя бросились къ судамъ, оставивъ орудія. Сильный огонь съ флота спасъ положеніе, войска опомнились и въ большемъ порядкѣ закончили погрузку и посадку десанта, но все-таки въ первый моментъ пруссаками были захвачены 600 человѣкъ и 22 орудія въ плѣнъ. Послѣ этого флотъ снялъ осаду и 10 сентября отправился къ своимъ портамъ.

Это была послѣдняя кампанія адмирала Мишукова. Подъ вліяніемъ ли этой неудачи, или просто по чрезвычайному утомленію (ему уже было 76 лѣтъ), онъ отказался отъ дальнѣйшаго командованія флотомъ. Въ слѣдующую кампанію вмѣсто него былъ уже назначенъ болѣе молодой и энергичный вице-адмиралъ Полянскій, которому была поручена та же задача, но уже главнымъ начальникомъ осаднаго корпуса былъ назначенъ молодой генералъ Румянцевъ. Въ этомъ году вся эта операція была обставлена значительно лучше,—назначены соотвѣтствующія силы (около 20 тысячъ у Румянцева, флотъ привезъ 7.000 человѣкъ десанта и свезъ своего 2.000 человѣкъ, а впослѣдствіи эти войска и еще были усилены), но все же осада значительно затянулась и крѣпость, значительно усиленная и укрѣпленная новыми батареями, продержалась до 6 декабря, когда и сдалась на капитуляцію Румянцеву. Флотъ не дождался этого конца, т. к. принужденъ былъ въ концѣ сентября уйти къ своимъ портамъ. Онъ много способствовалъ, какъ дѣйствіями съ моря, такъ и своимъ десантомъ, паденію крѣпости.

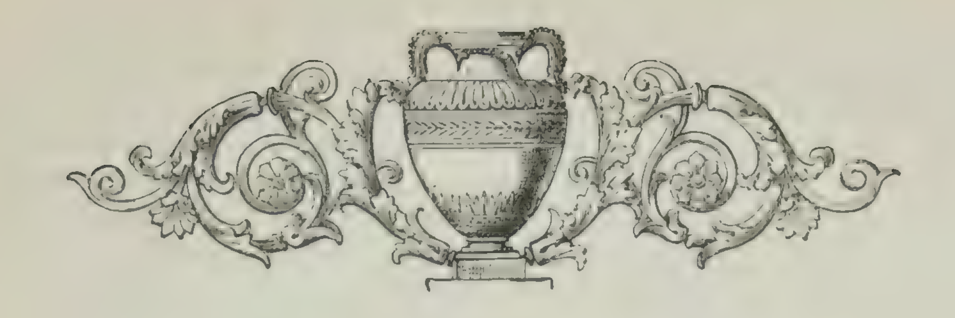
Румянцевъ въ особенности съ похвалой отозвался о начальникѣ морского десанта капитанѣ 1 ранга Григоріѣ Андреевичѣ Спиридовѣ, командирѣ корабля «Св. Андрей Первозванный», разумная распорядительность и храбрость котораго имъ была засвидѣтельствована—онъ въ немъ намѣтилъ будущаго героя Чесмы.

Во время бомбардировокъ отличились также корабли «Варахаилъ», подъ командой капитана Ивана Спиридова, и «Астрахань», подъ командою капитана Егора Ирецкаго, подходившихъ во время бомбардировокъ на самое близкое разстояніе къ обстрѣливаемымъ батареямъ и своимъ меткимъ огнемъ заставившихъ ихъ замолчать.

Въ этихъ бояхъ у Кольберга нарождалась уже новая школа флота, подымались лица, возстановившія славу русскаго флота.

Но главная заслуга для флота Елизаветинскаго царствованія заключалась не только въ этомъ, а именно въ логически, до конца доведенной идеѣ Петра. Великій основатель флота далъ ему жизнь и смыслъ существованія, указавъ опредѣленныхъ противниковъ, но Елизавета, несмотря на всеобщее уныніе, рутину, упадокъ флота, вдохнула во всѣхъ вѣру, что онъ, живъ и изъ наслѣдія Петра впервые вывела и показала, что смыслъ русскаго флота есть владѣніе Балтійскимъ моремъ, что указанныхъ Петромъ противниковъ нельзя понимать буквально, а надо всякую нарождающуюся новую силу на этомъ театрѣ предвидѣть и во время «сократить».

Впослѣдствіи только одинъ Императоръ Николай I понялъ этотъ урокъ своей Предшественницы и почти черезъ 100 лѣтъ, въ 1848 году, заявивъ на весь міръ о гегемоніи на Балтійскомъ морѣ, не допустилъ опять-таки Пруссіи разгромить Данію и тѣмъ снова на 15 лѣтъ отсрочилъ образованіе Германскаго флота.



Эпоха Екатерины Великой.

I. Значенiе флота въ связи съ задачами нацiональной политики Россiи въ царствованiе Екатерины II. Мѣры для возрожденiя русской морской силы.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. В. Новиковымъ**.

33-лѣтнее царствованiе Императрицы Екатерины II является одной изъ самыхъ блестящихъ эпохъ въ исторiи нашего отечественнаго флота. За этотъ перiодъ русская морская сила, возродившаяся послѣ 40-лѣтняго небытiя, блестящей своей дѣятельностью и боевыми подвигами на водахъ Балтiйскаго, Средиземнаго и Чернаго морей успѣшно выполнила поставленную ей нацiональной политикой задачу, возведя Россiю въ ряды могущественныхъ морскихъ державъ.

Въ этомъ отношенiи эпоха Екатерины II является рельефнымъ образцомъ насколько Россiи необходимъ флотъ, и что онъ можетъ совершить, если въ государственномъ сознанiи ему отведено подобающее мѣсто въ ряду вооруженныхъ средствъ, на которыя желаетъ опереться ясная и опредѣленная политическая мысль, и если въ основу его созиданiя положены опредѣленный нацiональный замыселъ, осуществленiе котораго насущно необходимо для правильнаго развитiя государства.

Флотъ, созданный какъ роскошь, какъ блестящая бездѣлушка, льстящая глазу и ничего не говорящая уму, флотъ, созданный безъ участiя нацiональнаго военнаго замысла—уже съ первыхъ же дней своего существованiя несетъ въ себѣ судьбу обреченiя на изчезновенiе и безполезную смерть.

Напротивъ, флотъ нацiональный, въ которомъ въ каждую частицу его души и тѣла вложена цѣль, государственная необходимость, флотъ, который отражаетъ въ себѣ стремленiе народа, на средства коего онъ создается,—этотъ флотъ будетъ жить и дастъ родинѣ то, что ему вмѣнено въ смыслъ существованiя.

Таковымъ и былъ флотъ Екатерининскаго времени.

Подобно флоту Петра, флоту, которому съ первыхъ дней созданiя были поставлены совершенно опредѣленныя нацiональныя задачи, флотъ Екатерины II съ момента своего возникновенiя могъ уже называться

національнымъ, такъ какъ задачи, ему поставленныя, исходили изъ вполнѣ опредѣленной политической програмы.

Долгіе годы упадка, въ которомъ находился флотъ послѣ кончины Петра, годы отсутствія національныхъ стремленій, когда одно иноземное вліяніе смѣнялось другимъ, привели дѣтище Петра въ весьма печальное состояніе. Эпоха временщиковъ, ставившихъ на первое мѣсто свое личное благополучіе и интересы, не могла не отразиться пагубнымъ образомъ на всемъ строѣ государственной жизни, и прежде всего на его средствахъ борьбы. Флотъ, какъ организмъ наиболѣе сложный и хрупкій, лишенный вниманія со стороны правительства и общества, мало-помалу терялъ связь со славнымъ прошлымъ и слѣдовательно утрачивалъ постепенно смыслъ своего существованія.

Только недавно вызванный къ жизни могучимъ Преобразователемъ флотъ, какъ сила, былъ далеко еще не понятенъ народнымъ массамъ и національному самолюбію. Къ флоту еще не привыкли, флотъ, какъ средство борьбы, не былъ еще популяренъ и потому его существованіе не могло считаться обезпеченнымъ. Тѣмъ, слѣдовательно, внимательнѣе и ревнивѣе нужно было слѣдить за его развитіемъ, тѣмъ упорнѣе нужно было внѣдрять въ государственное сознаніе мысль о необходимости укрѣпленія юнаго организма.

Однако, преемники Великаго Петра не могли воспринять его мысли въ полномъ ея объемѣ и не продолжили дѣла развитія морской силы.

Петровская школа, созданная двадцатилѣтней войной на морѣ, проявившая себя рядомъ побѣдъ, «доселѣ не бывалыхъ», съ каждымъ царствованіемъ тускнѣла и гасла, не получая притока свѣжихъ силъ и разумнаго руководства. На смѣну живому духу явилась внѣшняя форма, матеріалъ преобладалъ надъ душой и здравый военный смыслъ постепенно вытѣснялся рутиной.

Петровскій флотъ, не знавшій берега и пренебрегавшій канцелярщиной, постепенно подпалъ подъ ихъ власть и, сохраняя внѣшнюю военную форму, уже носилъ въ себѣ всѣ признаки внутренняго разложенія.

Въ этомъ печальномъ положеніи и застала флотъ молодая Императрица.

Хорошо ознакомленная съ положеніемъ флота еще до вступленія на престолъ, Императрица съ первыхъ же дней своего воцаренія могла начать постепенное возрожденіе отечественной морской силы. Имѣя передъ собой примѣръ Петра, понявъ всю сущность его дѣятельности и намѣреній, Императрица твердо рѣшила пойти по его стопамъ.

Прежде всего рѣзко чувствовалась необходимость воскресить на флотѣ угашенный петровскій духъ и тѣмъ положить начало возсозданію утраченной морской школы.

Главная трудность этого возрожденія была въ томъ, что около Екатерины было слишкомъ мало лицъ, кои могли взять на себя выполненіе воли Императрицы. Съ прискорбіемъ должна она была сознаться, что среди личнаго состава флота она не могла выбрать достаточное количество людей, кои могли бы помочь управлять столь сложнымъ дѣломъ.

Надѣясь на свой здравый умъ, она прежде всего постаралась привлечь къ работѣ лицъ съ такимъ же здравымъ умомъ, зная, что «не боги горшки обжигаютъ», и что какъ ни сложна предстоящая работа, она выполнима, если работники будутъ руководиться соображеніями государственной пользы. За себя Императрица въ этомъ отношеніи ручаться могла вполнѣ—ея женскій здравый смыслъ, тонкій и впечатлительный, базировался на непогрѣшимомъ творчествѣ Петра.

Подобно тому, какъ все царствованіе Петра I прошло въ политической и военной борьбѣ за утвержденіе на Балтійскомъ морѣ—царствованіе Екатерины составляетъ 30-лѣтнюю эпоху борьбы за достиженіе обладанія Чернымъ.

Слѣдуя по стопамъ Петра, Екатерина такимъ образомъ естественно должна была взять на себя выполненіе второй части Петровой программы—приступить къ завершенію географическаго государственнаго формированія на югѣ; это было неоконченное дѣло Петра, которое онъ начиналъ дважды.

Теперь, когда Россія успѣла отдохнуть отъ тяжелой борьбы на сѣверѣ, было естественно приступить къ осуществленію этого второго намѣченнаго Петромъ шага. Возмужавшая Россія уже искала себѣ выхода на югѣ, и достиженіе географическаго формированія въ этомъ направленіи естественно становилось первой государственной задачей.

Достиженіе ея и поставила себѣ цѣлью Екатерина II, для которой стремленіе Россіи на берегахъ Чернаго моря и сдѣлалось государственнымъ операціоннымъ направленіемъ.

Такимъ образомъ, политическая программа Екатерины II сводилась къ слѣдующему.

1) Обезпеченіе себя миромъ съ Европой для успѣшнаго хода дѣлъ по внутреннему управленію государствомъ и для подготовки средствъ къ предстоящей борьбѣ на югѣ.

2) Удержаніе и защита всего пріобрѣтеннаго на сѣверѣ и обезпеченіе здѣсь мирныхъ отношеній съ сосѣдями.

3) Разрѣшеніе мирнымъ путемъ длительнаго Польскаго вопроса.

4) Борьба на югѣ, на которую должны быть употреблены наибольшія силы и средства.

Задавшись такой программой, Екатерина не могла не обратить особеннаго вниманія на подготовку необходимыхъ средствъ для тяжелой борьбы—арміи и флота. Первая—не вызывала никакихъ опасеній Императрицы. Только что вынесшая побѣдоносную войну съ геніальнымъ полководцемъ Фридрихомъ II, армія эта по качественному своему составу далеко провосходила своихъ будущихъ противниковъ—турокъ. Что же касается флота—то онъ требовалъ полнаго своего возстановленія.

Состояніе, въ которое онъ пришелъ къ 1762 г., ясно показывало, что дѣло возрожденія надо начинать съ азовъ, а между тѣмъ предназначенная ему въ будущемъ дѣятельность была и обширна и отвѣтственна.

Возрождающаяся подъ правленіемъ Екатерины Россія не могла не служить предметомъ зависти и опасеній всей Европы. Всегда можно

было ожидать, что подъ вліяніемъ интригъ и происковъ Россія будетъ вынуждена вступить на обоихъ театрахъ, Балтійскомъ и Черноморскомъ, въ упорную борьбу съ двумя своими исконными врагами, Швеціей и Турціей. И тамъ и здѣсь нуженъ былъ флотъ, какъ главное средство борьбы, способное привести споръ къ положительному рѣшенію.

Императрица первымъ долгомъ своимъ почла обратить особенное вниманіе на его личный составъ и на возстановленіе его морской школы. Съ цѣлью повысить общій уровень военно-морского развитія среди командного состава, значительно отставшаго отъ науки и техники за 40 лѣтъ, Императрица по примѣру Петра рѣшила начать съ посылки молодыхъ морскихъ офицеровъ за-границу. Лучшимъ флотомъ того времени считался, конечно, англійскій и потому вниманіе Императрицы остановилось на немъ.

Уже въ концѣ 1762 г., по сношенію съ англійскимъ правительствомъ, Адмиралтействъ-Коллегія получила приказаніе Сената объ немедленной посылкѣ партіи въ 20 человѣкъ молодыхъ дворянъ изъ Морского кадетскаго корпуса для службы на судахъ англійскаго флота. Нѣсколько позже, по представленію адм. Мордвинова, были посланы въ Англію въ нѣсколько очередей выразившіе на это желаніе и офицеры отъ мичмана до капитана 2 ранга включительно.

Всѣ они, расписанные по прибытіи на военныя суда, были зачислены на дѣйствительную англійскую службу, получая одновременно пособіе и отъ русскаго правительства.

По настоянію Императрицы англійское адмиралтейство назначило всѣхъ командированныхъ на суда «дальняго вояжа»—въ Восточную Индію и Америку.

Всѣмъ имъ было предписано вести во время своего плаванія подробные журналы, изучить англійскій языкъ, и по возвращеніи сдать полный экзаменъ всѣхъ морскихъ наукъ для производства въ слѣдующій чинъ и полученія права на командованіе судами.

Одновременно было обращено вниманіе и на реорганизацію Морского корпуса, который тоже находился въ сильномъ упадкѣ. Понимая, какъ важно начать морскія реформы съ улучшенія дѣла подготовки молодыхъ поколѣній моряковъ, Императрица озаботилась прежде всего составленіемъ плана реорганизаціи корпуса какъ съ учебной, такъ и воспитательной сторонъ. Выборъ ея остановился на одномъ изъ образованнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ моряковъ, молодомъ капитанѣ 2 ранга И. Л. Голенищевѣ-Кутузовѣ, ни чинъ, ни лѣта котораго не помѣшали Государынѣ назначить его директоромъ дорпуса съ самыми обширными полномочіями.

Обѣщавъ послѣднему полное свое содѣйствіе, Императрица, давъ главныя директивы, предоставила послѣднему полную свободу иниціативы, не стѣсняемую ни прежними уставами и инструкціями, ни вмѣшательствомъ центральныхъ управленій флота.

Штатъ корпуса былъ увеличенъ, значительно расширена учебная программа, увеличены средства на содержаніе, усилено практическое обученіе кадетъ и гардемаринъ въ морѣ.

Каждое нововведеніе Кутузова встрѣчало полную поддержку Императрицы и эпоха его управленія корпусомъ по справедливости должна считаться однимъ изъ лучшихъ временъ въ исторіи нашей морской школы.

Для того же возстановленія морской школы прибрежныя лѣтнія плаванія кадетъ были замѣнены дальними посылками въ Балтійское море подъ командой лучшихъ командировъ, при чемъ суда съ кадетами доходили и до Архангельска.

Въ дѣлѣ управленія флотомъ и морскимъ вѣдомствомъ выборъ Екатерины остановился на трехъ лицахъ, извѣстныхъ ей своей полезной дѣятельностью въ предшествовавшее время. Первымъ былъ вице-адмиралъ С. И. Мордвиновъ, одинъ изъ немногихъ моряковъ, сохранившихъ въ себѣ духъ Петровской школы, весьма умный и образованный человѣкъ, прошедшій всю свою службу съ мичманскаго чина на палубѣ корабля и потому имѣвшій громадный запасъ практическихъ и научныхъ знаній. Ученикъ французской морской школы, гдѣ онъ находился около 6 лѣтъ, Мордвиновъ былъ и почти единственнымъ русскимъ морскимъ писателемъ того времени. Рядъ его трудовъ по астрономіи, навигаціи, морскимъ эволюціямъ, доставили ему почетную извѣстность и не только въ Россіи.

Вторымъ помощникомъ и совѣтникомъ Императрицы являлся гр. И. Гр. Чернышевъ, хотя и не морякъ, но человѣкъ рѣдкаго здраваго смысла, извѣстный какъ одинъ изъ талантливѣйшихъ дипломатовъ того времени. Екатерина отдавала полную справедливость его государственному уму и дипломатическимъ талантамъ, а потому не замедлила приблизить его къ себѣ въ качествѣ совѣтника по вопросамъ, касающимся флота и морской политики Россіи.

Опредѣленный въ 1763 г. членомъ Адмиральтействъ-Коллегіи, онъ былъ впослѣдствіи назначенъ вице-президентомъ ея, въ каковой должности и управлялъ флотомъ.

Назначеніе Чернышева—не моряка—на столь отвѣтственную должность весьма типично для Екатерины. Имѣя весьма ограниченный выборъ помощниковъ среди высшаго командного состава флота, Екатерина не пожелала приближать къ дѣлу управленія лицъ, коимъ ихъ цензъ или занимаемое положеніе давали на это формальное право.

Для нея было важнѣе имѣть около себя одного человѣка съ здравымъ смысломъ, чѣмъ рядъ лицъ, коихъ затянула профессіональная рутина и коимъ поддержаніе своего авторитета было дѣломъ слишкомъ труднымъ въ моментъ коренной реорганизаціи морскихъ силъ Россіи.

Назначеніе Чернышева имѣло и еще одинъ глубокій смыслъ. Поставивъ себѣ цѣлью вывести Россію на путь національной политики, Императрица не могла иначе смотрѣть на флотъ, какъ на средство осуществленія политическихъ замысловъ. Поэтому участіе въ дѣлахъ управленія флотомъ человѣка—дипломата по призванію, человѣка съ большимъ политическимъ талантомъ—обезпечивало Императрицѣ увѣрен-

ность, что созданіе силы, ея подготовка къ предстоящей боевой дѣятельности будетъ вестись не формальнымъ образомъ, а въ соотвѣтствіи съ политическими задачами государства.

Такимъ образомъ, и съ этой стороны въ основу созданія морской силы ложилась въ высшей степени логичная мысль о соотвѣтствіи требованій политики съ вооруженными средствами государства.

Третьимъ помощникомъ Императрицы являлся контръ-адмиралъ Спиридовъ, настоящій боевой морякъ, много плававшій, любимый флотомъ, подававшій большія надежды стать флотоводцемъ, оправдавшій впослѣдствіи эти надежды своими подвигами въ Средиземномъ морѣ.

Итакъ, Императрицѣ удалось окружить себя людьми, которые совмѣстными силами, подъ ея руководствомъ, могли приняться за сложное дѣло возсозданія флота по всѣмъ его частямъ. Теперь оставалось только приложить старанія, чтобы обезпечить государству необходимое спокойствіе, хотя бы на короткій срокъ, чтобы дать возможность поставить на ноги пошатнувшееся дѣтище Петра.

Между тѣмъ, обезпечить миръ при томъ поворотѣ на югъ операціонной линіи русской политики, который, слѣдуя завѣтамъ Петра, намѣтила себѣ Императрица, было очень трудно, не поступаясь своими цѣлями и достоинствомъ государства. Возрожденіе Россіи и обращеніе ея къ чисто національной политикѣ сейчасъ же почувствовалось въ Европѣ и возбудило тамъ серьезныя опасенія. И дѣйствительно, эти опасенія державъ имѣли полное основаніе.

Первые шаги Екатерины въ области международной политики ознаменовались актомъ, показавшимъ, что Россія ни въ коемъ случаѣ не останется безучастнымъ зрителемъ въ европейскихъ дѣлахъ. Такимъ шагомъ являлся проектъ, извѣстный подъ именемъ «Сѣвернаго аккорда», или системы, по которой Россія предполагала въ противовѣсъ существующему въ Европѣ союзу католическихъ державъ—Франціи, Австріи и Испаніи—создать изъ всѣхъ сѣверныхъ державъ—Англіи, Россіи, Пруссіи, Швеціи и Польши—политическую систему, могущую на основахъ взаимной дружбы и выгоды вліять на ходъ политическихъ событій и противодѣйствовать замысламъ католической Европы. Внутренней цѣлью Екатерины и автора проекта Панина при проведеніи этого проекта было созданіе такого союза на сѣверѣ, который съ одной стороны могъ бы обезпечить Россіи продолжительный миръ, съ другой — дать ей возможность мирнымъ же путемъ занять подобающее мѣсто въ европейскомъ концертѣ.

Всѣ державы, какъ тѣ, коимъ предлагался этотъ союзъ, такъ и тѣ, противъ которыхъ онъ создавался, увидѣли въ этомъ шагѣ первый пробный шаръ Россіи занять опредѣленное мѣсто въ политической системѣ Европы и положить начало своему политическому вліянію. Это не могло улыбаться никому. Всѣ сознавали, что Россія, вступая въ тѣсную создавшуюся семью европейскихъ державъ, гдѣ всѣ мѣста и роли были распредѣлены и заняты, каждый разъ при выдвиганіи на сцену своихъ интересовъ, должна была нарушать интересы другихъ, раздвигать

своихъ сосѣдей и соперниковъ и слѣдовательно тѣснить многихъ изъ нихъ.

Проектъ «Сѣверной системы» явился по ихъ мнѣнію предупреждающимъ явленіемъ, за которымъ нужно было ожидать уже и болѣе дѣйствительныхъ шаговъ.

Отвергнувъ общій союзъ, державы тѣмъ не менѣе каждое въ отдѣльности предлагало себя въ союзники, съ цѣлью получить возможность вліянія на русскую политику, но Императрица категорически отвергала всѣ эти исканія, твердо рѣшившись вести ее самостоятельно, не принимая впередъ никакихъ обязательствъ, могущихъ связать руки въ предстоящихъ шагахъ.

И дѣйствительно, не прошло еще и двухъ лѣтъ съ воцаренія Екатерины, какъ Европа почувствовала, по словамъ Панина, «что русскій дворъ началъ играть въ общихъ дѣлахъ роль, равную роли главныхъ державъ, а на сѣверѣ и первенствующую», а европейскіе дипломаты, пытавшіеся утвердить свое вліяніе при дворѣ Екатерины, въ одинъ голосъ доносили своимъ правительствамъ, что «Россія вышла изъ политическаго повиновенія, имѣвшаго мѣсто прежде, и никакихъ цѣлей, кромѣ цѣлей своей собственной выгоды, не хочетъ знать».

Первое время никто не хотѣлъ вѣрить, что всѣ шаги Екатерины самостоятельны. Большинство видѣло въ нихъ вліяніе Фридриха II, который своими дипломатическими талантами успѣлъ якобы склонить Россію на свою сторону и заставлялъ дѣлать Екатерину II то, что ему было выгодно. Однако, сама Екатерина, узнавъ о столь нелѣпомъ подозрѣніи, писала Панину: «все сіе не иное какъ ревность, а время всѣмъ покажетъ, что мы ни за кѣмъ хвостомъ не тащимся».

Первымъ крупнымъ политическимъ шагомъ Екатерины было охлажденіе Россіи къ ея долговременному традиціонному союзнику Австріи и начавшееся тяготѣніе къ Пруссіи, вызванное общностью интересовъ по польскимъ дѣламъ. Этотъ поворотъ прежде всего сильно озаботилъ и озлобилъ противъ Россіи Францію, которая какъ и въ проектѣ «Сѣвернаго аккорда», такъ и въ охлажденіи къ Австріи не могла не видѣть явно нежелательныхъ для себя симптомовъ.

Не имѣя прямыхъ точекъ соприкосновенія и поэтому лишенная возможности вредить непосредственно, Франція рѣшила во что бы то ни стало ослабить Россію другимъ путемъ, а именно вовлеченіемъ ея въ войны съ державами, интересы коихъ такъ или иначе могутъ быть противны интересамъ Россіи.

Такими агентами въ рукахъ Франціи являлись Швеція и Турція.

Уже съ середины 60 годовъ агитація Франціи при обоихъ дворахъ приняла настолько серьезныя размѣры, что Императрицѣ приходилось принимать цѣлый рядъ рѣшительныхъ мѣръ противодѣйствія для избѣжанія вооруженнаго столкновенія.

Особенно трудно было парализовать французское вліяніе въ Швеціи, гдѣ была сильная французская партія и гдѣ вся страна, помня свое пораженіе при Петрѣ I, естественно считала Россію злѣйшимъ врагомъ.

Съ трудомъ удавалось парализовать это французское вліяніе, для противовѣса которому пришлось съ большими затратами денегъ основать сильную русскую партію, при помощи которой всѣ конфликты получали мирныя разрѣшенія.

Не менѣе хлопотъ доставляли французскіе происки и при константинопольскомъ дворѣ, который всегда являлся базаромъ политической интриги и гдѣ подкупами и обѣщаніями всегда можно было направить умы по желаемому направленію.

Это было тѣмъ легче, что точекъ соприкосновенія у Россіи и Турціи, могшихъ возбудить обоюдныя неудовольствія, было весьма много. Неразграниченность южныхъ территорій, буйства и набѣги дикихъ племенъ, кочевавшихъ въ крымскихъ и бессарабскихъ степяхъ, на порубежныя русскія поселенія, жалобы славянскихъ племенъ Балканскаго полуострова на турецкій гнетъ, боязнь русскаго вліянія на Крымъ, столкновенія съ кавказскими горцами—все это являлось богатой пищей нашимъ политическимъ противникамъ для интригъ и раздуванія вражды.

Турціи указывалось, что Россія рано или поздно неминуемо обрушится на нее, питая замыслы изгнанія османовъ изъ предѣловъ европейскихъ и объединенія славянъ.

Нашимъ дипломатическимъ представителемъ при Портѣ большихъ трудовъ стоило парализовать столь вредное вліяніе; каждое новое осложненіе поддавалось разрѣшенію все труднѣе и труднѣе.

Донесенія нашего посла въ Константинополѣ Обрѣзкова, начиная съ 1764 г., категорически указывали на обостренное до крайности положеніе. Инструкціи Императрицы предписывали ему всячески улаживать всѣ осложненія съ цѣлью отдалить моментъ разрыва, дабы успѣть подготовиться къ войнѣ.

1766 г., ознаменовавшійся осложненіями въ польскомъ вопросѣ, далъ возможность нашимъ политическимъ врагамъ привлечь къ участію въ немъ и Турцію, которой усердно подчеркивалось, что пребываніе нашихъ войскъ въ польскихъ областяхъ, пограничныхъ съ турецкими владѣніями, грозитъ цѣлости этихъ послѣднихъ.

Весь 1767 г. прошелъ въ обостренныхъ переговорахъ. Происки державъ были усилены и Турціи гарантировалась, въ случаѣ войны съ Россіей, всяческая поддержка какъ деньгами, такъ и средствами борьбы.

Послѣднее окончательно вскружило головы недальновидному турецкому правительству, и оно приняло явно вызывающій тонъ въ ожиданіи перваго предлога для разрыва. Такой предлогъ скоро нашелся. Въ іюлѣ 1768 г. отрядъ гайдамаковъ сжегъ пограничное съ Польшей турецкое селеніе Балты.

Набѣгъ этотъ, ни въ коемъ случаѣ не входившій въ расчеты русскаго правительства, былъ истолкованъ какъ вызовъ и несмотря на всѣ старанія Императрицы успокоить Порту, послѣдняя, поставивъ для вида рядъ совершенно непріемлемыхъ для достоинства Россіи условій и получивъ отказъ, посадила нашего посла Обрѣзкова въ Семибашенный замокъ и объявила войну.

II. Первая турецкая война [1]).

1. Возсозданіе Азовскаго флота. Военныя дѣйствія на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Сраженія при Балаклавѣ и при Суджукъ-Кале. Капитанъ Кинсбергенъ.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. В. Новиковымъ**.

Объявленіе Турціей войны, хотя и не явилось неожиданностью, но застало Россію далеко не готовой къ борьбѣ. Послѣдняя обѣщала быть длительной и упорной, и условія для этой борьбы, въ которыхъ находилась Турція, были для нея очень благопріятны.

Дѣйствительно, имѣя сильный флотъ, она являлась фактической обладательницей Азовскаго и Чернаго морей и, слѣдовательно, имѣла возможность свободно оперировать по всему огромному морскому бассейну, безпрепятственно передвигая свои арміи къ любой точкѣ побережья, охраняя свободу снабженія и подвоза подкрѣпленій.

Турецкій планъ войны намѣчалъ походъ 400-тысячной оттоманской арміи: армія эта должна была, перейдя Днѣстръ у Хотина, взять Каменецъ и Варшаву, низвергнуть съ трона Станислава Августа и идти на Смоленскъ и Кіевъ; на южную русскую границу долженъ былъ наступать крымскій ханъ съ 100.000 татаръ; въ Азовѣ предполагалось высадить десантъ, который, соединившись съ 50.000 кавказскихъ горцевъ, дѣйствовалъ бы въ сторону Астрахани.

Однако, никакія преимущества противника не пугали Императрицу.

Предвидя неизбѣжность войны, Екатерина II заблаговременно учла условія борьбы и уже имѣла широкій планъ дѣйствій, по которому предстояло начать одновременное «подпаливаніе Турецкой Имперіи со всѣхъ четырехъ сторонъ».

Намѣченный планъ военныхъ дѣйствій состоялъ въ нападеніи на Турцію съ двухъ фронтовъ: съ сѣвера должны были оперировать сухопутныя арміи, съ юга, со стороны Архипелага,—флотъ при содѣйствіи греческихъ и славянскихъ народовъ Балканскаго полуострова.

Война должна была быть наступательной на обоихъ театрахъ.

Присутствіе нашего флота въ Архипелагѣ естественно должно было отвлекать на себя значительную часть турецкаго флота отъ Чернаго моря, чѣмъ достигалась большая свобода дѣйствій нашихъ армій. Какъ ни сложна была обстановка борьбы, взгляды Императрицы на ея результаты были вполнѣ опредѣленны.

---

1) Дѣйствія на сушѣ въ этой войнѣ см. «Ист. Арм. и Фл.», т. II, стр. 55 и дальше.

«Туркамъ съ французами», писала Императрица гр. Чернышеву по случаю объявленія войны, «заблагоразсудилось разбудить кота, который спалъ. Я сей котъ, который имъ обѣщаетъ себя дать знать, дабы память не скоро исчезла. Я нахожу, что мы освободились отъ большой тяжести, давящей на воображеніе, когда развязались съ мирнымъ договоромъ. Надобно было тысячи задабриваній, сдѣлокъ и пустыхъ глупостей, чтобы не давать туркамъ кричать. Теперь я развязана, могу дѣлать все, что мнѣ позволяютъ средства, а у Россіи, вы знаете, средства не маленькія и Екатерина II иногда строитъ всякаго рода испанскіе замки...—и вотъ ничто ее не стѣсняетъ, и вотъ разбудили спавшаго кота, и вотъ онъ бросится за мышами, и вотъ вы кой-что увидите, и вотъ объ насъ будутъ говорить и вотъ мы зададимъ звону, какого не ожидали и вотъ турки будутъ побиты».

Однако, чтобы выполнить столь опредѣленное обѣщаніе—разбить Турцію и отбросить ее отъ Чернаго моря, прежде всего было необходимо обезпечить себя средствами борьбы на обоихъ морскихъ театрахъ—Архипелажскомъ и Черноморскомъ.

Посылка эскадръ изъ Балтики въ Средиземное море рѣшала только половину задачи. Архипелагъ являлся по смыслу плана борьбы второстепеннымъ театромъ, отвлекающимъ часть силъ Турціи.

Главная борьба должна была произойти на побережьи Азовскаго и Чернаго морей и потому наличіе флота здѣсь являлось дѣломъ первостепенной важности.

Между тѣмъ со времени первой турецкой войны Петра I, подъ вліяніемъ неудачи Прутскаго похода 1711 года, стремленія Россіи на югъ къ Черному морю не выразились никакими реальными результатами и потому теперь спустя почти 60 лѣтъ приходилось начинать всю подготовку средствъ для борьбы на морѣ сызнова.

Наши юго-западныя границы къ моменту начала войны находились въ слѣдующемъ весьма неблагопріятномъ положеніи для созданія флота на югѣ.

Почти все побережье Чернаго и Азовскаго морей вмѣстѣ съ Крымомъ и широкимъ пространствомъ теперешнихъ херсонскихъ и таврическихъ степей принадлежало Турціи. Россія владѣла только незначительнымъ кускомъ побережья Азовскаго моря по обѣ стороны устьевъ Дона между Таганрогомъ и Азовомъ.

Здѣсь-то Россія и должна была приступить къ созданію своихъ морскихъ силъ, коимъ предстояло въ будущемъ доставить Россіи владѣніе Чернымъ моремъ.

Едва война была объявлена, Императрица приказала немедленно начать созданіе на Дону и его притокахъ на старыхъ Петровскихъ верфяхъ флотиліи, получившей названіе Донской или Азовской.

Главнымъ начальникомъ ея и руководителемъ всѣхъ работъ былъ назначенъ энергичный и талантливый контръ-адмиралъ Алексѣй Наумовичъ Сенявинъ, которому и было поручено въ возможно скорѣйшее время возстановить полуразвалившіяся верфи въ Тавровѣ, Павловскѣ

и др. мѣстахъ, заложить на нихъ боевыя суда легкаго типа, укрѣпить съ моря Азовъ и Таганрогъ и оборудовать послѣдній, какъ базу для молодого флота.

Страшныя трудности встрѣтилъ Сенявинъ при выполненіи даннаго ему порученія.

Приходилось при отсутствіи на мѣстѣ необходимыхъ рабочихъ рукъ и знающихъ мастеровъ выписывать ихъ изъ-подъ Москвы и Петербурга, почти всѣ матеріалы и припасы доставлялись оттуда же. Отсутствіе хорошихъ дорогъ замедляло всѣ присылки. Въ то же время Адмиралтействъ-Коллегія, оставивъ за собой право надзора за всѣми работами и руководства въ дѣлѣ организаціи, часто не хотѣла, да и не могла за отдаленностью считаться съ мѣстными условіями и тормозила дѣятельность Сенявина.

Особенно много времени терялось на письменныя сношенія и полученіе разрѣшенія или утвержденія того или другого плана дѣйствій.

Сознавая всю тяжесть порученія, возложеннаго на Сенявина и вѣря его уму, военнымъ и организаторскимъ способностямъ, Императрица оказывала послѣднему всевозможную поддержку, оберегая его дѣятельность отъ вмѣшательства Коллегіи и устраняя возникающія недоразумѣнія.

Начавшіяся военныя дѣйствія уже неоднократно подчеркивали Императрицѣ значеніе флота.

Наше стремленіе въ Крымъ при отсутствіи морской силы, способной противодѣйствовать флоту противника, не имѣло необходимой энергіи и успѣха.

Турція безнаказанно доставляла моремъ свои войска и средства борьбы, дѣлала борьбу затяжной и упорной.

1769 и 1770 года прошли въ тяжелой, но энергичной работѣ по оборудованію верфей, портовъ и постройкѣ судовъ.

Съ наступленіемъ 1771 г. необходимость въ присутствіи флотиліи выступила съ полной очевидностью.

Уже въ концѣ 1770 г. главнокомандующій Дунайской арміей графъ Румянцевъ писалъ Сенявину:

«Операціи Вашей флотиліи весьма бы споспѣшествовали военнымъ дѣйствіямъ нашимъ, если вы пройдете со своими судами въ Черное море и отрѣжете всю помощь къ крѣпостямъ непріятельскимъ, что лежатъ при берегахъ морскихъ въ Крымѣ, которыя потому и были бы уже въ рукахъ нашихъ».

Однако такая задача для флотиліи была весьма трудно осуществимой по двумъ причинамъ — по численной слабости ея по сравненію съ флотомъ турецкимъ, а затѣмъ вслѣдствіе ея качественнаго несовершенства, проистекавшаго отъ мѣстныхъ условій постройки.

Всѣ суда, строившіяся по необходимости на Дону, должны были имѣть самую небольшую осадку, чтобы быть выведенными черезъ баръ рѣки въ Азовское море. Это непреодолимое препятствіе заставляло Сенявина строить всѣ суда плоскодонными, широкими для подъема необходимой артиллеріи, и самаго незначительнаго водоизмѣщенія.

Мелководность бара и общія условія плаванія у береговъ Азовскаго моря заставили Адмиралтействъ - Коллегію спроектировать для флотиліи особый типъ «новоизобрѣтеннаго» корабля съ вооруженіемъ отъ 12 до 20 пушекъ и съ углубленіемъ не болѣе 9 футъ.

Носившіе громкое названіе «корабля», суда эти на самомъ дѣлѣ являлись и по вооруженію, и по величинѣ равными небольшимъ фрегатамъ типа Балтійскаго флота. Ихъ морскія и боевыя качества были очень низки. Они были валки подъ парусами, тихоходны, неповоротливы и легко терпѣли аваріи въ свѣжую погоду изъ-за слабости внутреннихъ укрѣпленій.

Слѣдующими типами судовъ, выбранными для Азовскаго моря, были прамы, игравшіе роль плавучихъ батарей, и канонерскія лодки, вооруженныя мелкой артиллеріей для дѣйствій на мелководьяхъ и у береговъ.

Къ началу 1771 г. численность судовъ флотиліи была доведена до слѣдующихъ размѣровъ:

Кораблей «новоизобрѣтенныхъ»—10; прамовъ—5; дубель-шлюпка—1, ботъ—1 и канонерскихъ лодокъ—58.

Первый опытъ совмѣстнаго выхода показалъ полную непригодность прамовъ и лодокъ къ морской службѣ, почему первые были оставлены при крѣпостяхъ въ Азовѣ и Таганрогѣ для усиленія защиты съ моря, а вторыя были признаны годными лишь для походовъ вдоль берега и въ качествѣ перевозочныхъ судовъ.

Такимъ образомъ, вся наличная эскадра, съ коей предстояло приступить къ добыванію Азовскаго моря, состояла изъ 12 судовъ съ общимъ числомъ 190 орудій.

Въ этомъ составѣ и выступила въ море въ серединѣ мая флотилія для содѣйствія отдѣленному отъ Крымской арміи Долгорукова корпусу кн. Щербатова, двигавшагося на Геническъ и Арабатъ съ цѣлью зайти въ тылъ турецко-татарскимъ войскамъ, находившимся въ Крыму.

Помощь флотиліи заключалась въ поддержкѣ берегового движенія корпуса, въ охранѣ его лѣваго фланга отъ высадокъ турецкихъ десантовъ и въ обезпеченіи средствами переправы черезъ Геническій заливъ. Для послѣдняго отрядъ лодокъ, шедшій вдоль берега, везъ съ собой необходимыя средства для наведенія моста.

Медленно двигаясь наравнѣ съ корпусомъ Щербатова, Сенявинъ успѣшно совершилъ свое первое плаваніе, руководя наводкой моста черезъ Геническій проливъ, и оберегая переправу войскъ отъ возможныхъ покушеній врага съ моря.

Едва кончилась переправа, какъ были получены извѣстія, что въ Еникальскомъ проливѣ показались турецкія суда, везшія десантныя войска для высадки въ Крымъ.

Извѣстіе это заставило Сенявина, не медля ни минуты, броситься къ проливу для воспрепятствованія высадкѣ десанта.

Дѣйствительно, здѣсь находилось уже около 40 турецкихъ военныхъ и транспортныхъ судовъ, ждавшихъ благопріятнаго вѣтра для входа въ Азовское море.

Капитанъ I ранга Іоганнъ Генрихъ ванъ Кинсбергенъ. (Въ русской форме).

[illegible]

Къ стр. [illegible]



[illegible]

„[illegible] I. Г. [illegible].

[illegible]
[illegible]
[illegible] ЕКАТЕРИНЫ [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible]

Понимая свою задачу—закрыть Азовское море совершенно—Сенявинъ рѣшилъ немедленно атаковать турокъ.

Появленіе нашихъ судовъ подъ военнымъ флагомъ, не виданнымъ здѣсь со временъ Петра Великаго, поразило турокъ несказанно, и они поспѣшно отступили къ Еникальской крѣпости.

Занявъ входъ въ Азовское море, Сенявинъ остался на этой позиціи до подхода всей Крымской арміи Долгорукова къ Перекопу.

Теперь мы сполна владѣли Азовскимъ моремъ, о чемъ и доносилъ Сенявинъ въ Петербургъ:

«Я скажу, что прошелъ Азовское море вдоль отъ одного края и до другого, и теперь опять на половинѣ. Я думаю, что турки такихъ судовъ въ Азовскомъ морѣ видѣть не уповали. Удивленіе ихъ тѣмъ больше быть можетъ, что по извѣстности имъ азовской и таганрогской глубины тамъ великимъ судамъ быть нельзя... то и по справедливости сказать турки могутъ, что сей флотъ пришелъ къ нимъ не съ моря, а съ Азовскихъ высокихъ горъ. Удивятся они и еще больше, какъ увидятъ въ Черномъ морѣ фрегаты и почувствуютъ ихъ силу».

Къ постройкѣ послѣднихъ уже было приступлено.

Немного спустя Долгорукій и Щербатовъ, одержавъ рядъ побѣдъ надъ турецко-татарскими войсками, заняли послѣдовательно Перекопъ, Евпаторію, Акъ-Мечеть, Карасубазаръ, Кафу, Керчь и Еникале.

Такимъ образомъ, весь Крымскій полуостровъ оказался въ нашей власти, а, владѣя Керчью и особенно крѣпостью Еникале, мы запирали Азовское море для всякаго посягательства Турціи.

Итакъ первый шагъ къ Черному морю былъ сдѣланъ. Оставалось закрѣпить за собой Крымъ. Это было возможно только при наличіи активнаго морского флота, который нужно было спѣшно создать.

Пока же эта задача ложилась на ту же Азовскую флотилію, мало удовлетворявшую требованіямъ войны въ открытомъ морѣ.

Между тѣмъ, Турція терпѣла пораженія на всѣхъ фронтахъ.

Ея флотъ почти цѣликомъ былъ уничтоженъ при Чесмѣ, армія неоднократно разбита на Дунаѣ, въ Молдавіи и въ Крыму, но тѣмъ не менѣе она упорно не признавала своихъ пораженій и надѣялась вернуть себѣ военное счастье.

Хуже всего было то, что мы не могли внести войны въ предѣлы самой Турціи, и нанести ей рѣшительный ударъ въ наиболѣе уязвимыхъ мѣстахъ. Этому мѣшали огромныя пространства, отдѣлявшія наши арміи отъ Константинополя.

Короче говоря, у насъ не было флота, который могъ бы успѣшно вести борьбу за обладаніе Чернымъ моремъ и тѣмъ заставить Турцію сильнѣе ощущать наносимые Россіей удары.

Только при его помощи Россія могла бы реализовать свои успѣхи на сушѣ и заставить Турцію признать себя побѣжденной.

Борьба требовала солидарнаго дѣйствія обѣихъ рукъ государства—арміи и флота.

Императрица не замедлила понять все значеніе «потентата, обладающаго двумя руками» и тотчасъ же по занятіи Крыма арміей Долгорукова приказала Сенявину озаботиться созданіемъ морскихъ военныхъ судовъ, способныхъ для дѣйствій въ Черномъ морѣ.

Ихъ необходимость въ эту минуту вызывалась еще и сознаніемъ, что безъ флота на Черномъ морѣ мы будемъ поставлены въ самыя трудныя условія удержанія за нами Крыма.

Обезпечить Крымъ отъ покушеній Турціи при естественномъ къ ней тяготѣніи татаръ одними войсками было едва ли возможно.

Береговая полоса была слишкомъ огромна, чтобы обезпечить всѣ пункты возможной высадки сильными гарнизонами.

Но что трудно было бы сдѣлать съ суши, достигалось легко съ моря.

Такимъ образомъ, на Азовскую флотилію ложилась новая задача —дать жизнь Черноморскому флоту и осуществить съ нимъ закрытіе Крыма для Турціи.

Весь 1772 г. прошелъ въ спѣшной работѣ надъ постройкой судовъ морского типа—фрегатовъ, частью уже начатыхъ постройкой въ 1770 и 1771 годахъ.

Одновременно шла передѣлка и приспосабливаніе къ морской службѣ «новоизобрѣтенныхъ» кораблей.

Разгромъ турецкаго флота при Чесмѣ сильно помогъ спокойной работѣ—Черное море было временно свободно отъ непріятеля.

Къ веснѣ 1773 г. усиліями Сенявина и его сподвижниковъ первая эскадра Чернаго моря была доведена до состоянія нести охрану Крымскаго побережья.

Въ ея составѣ находилось уже 6 фрегатовъ, 9 исправленныхъ «новоизобрѣтенныхъ» кораблей и около 15 мелкихъ судовъ для транспортной и развѣдочной службы.

Ея появленіе въ Черномъ морѣ было очень кстати: Крымская армія была значительно ослаблена отдѣленіемъ отрядовъ на главный театръ войны, а турецкія суда стали все чаще и чаще показываться у кавказскихъ и крымскихъ береговъ.

Оставивъ часть судовъ въ Керченскомъ проливѣ для закрытія Азовскаго моря, Сенявинъ отдѣлилъ для крейсерства въ морѣ два отряда подъ начальствомъ капитановъ 2 ранга Сухотина и Кинсбергена.

Районъ перваго былъ отъ Кафы (Θеодосіи) до Суджукъ-Кале (кавказскій берегъ), районъ второго отъ Кафы до Балаклавы.

Крейсерства нашихъ судовъ вдоль береговъ произвели сильное впечатлѣніе на крымцевъ, волновавшихся все время и ждавшихъ помощи отъ Турціи. Многочисленные агенты послѣдней усиленно возбуждали населеніе къ возстанію и поддерживали увѣренность въ скоромъ приходѣ сильнаго турецкаго флота.

Съ появленіемъ отрядовъ нашихъ, воинственное настроеніе татаръ значительно понизилось, тѣмъ болѣе, что нашъ молодой черноморскій флотъ скоро далъ себя очень сильно почувствовать и туркамъ.

29 мая отрядъ Сухотина въ составѣ 1 фрегата, 3 «кораблей» и 1 бота встрѣтилъ около Бугаза нѣсколько вооруженныхъ турецкихъ судовъ съ десантомъ для Кубани. Немедленно атаковавъ ихъ, онъ 6 уничтожилъ, а два съ 80 человѣками взялъ въ плѣнъ.

Но особенно отличился со своимъ небольшимъ отрядомъ изъ 2 «кораблей» [1]) Кинсбергенъ, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ принятый на службу изъ голландскаго флота.

23 іюня утромъ онъ замѣтилъ на горизонтѣ 4 большихъ турецкихъ судна, двигающихся по направленію къ Балаклавѣ. Приблизившись къ нимъ, Кинсбергенъ распозналъ два 52-пушечныхъ линейныхъ корабля и двѣ шебеки (36 и 24 пушки), шедшіе, повидимому, съ десантомъ.

Понимая всю важность первой встрѣчи съ противникомъ для духа юнаго флота и недопустимость высадки, Кинсбергенъ, не задумываясь, атаковалъ турокъ, несмотря на то, что противъ 178 пушекъ непріятеля у него ихъ было всего 32, да и то меньшаго калибра.

Разсчитывая на внезапность для турокъ своего маневра и на присутствіе на турецкихъ корабляхъ десанта, стѣснявшаго дѣйствія непріятельской артиллеріи, Кинсбергенъ подошелъ на самую близкую дистанцію, и открылъ сильный огонь картечью и книпелями.

Воодушевленныя команды наши, сознавая всю славу столь необычайнаго боя, били безъ промаха въ непріятельскія суда, покрывая ихъ палубы трупами.

Не ожидавшіе столь недопустимой дерзости, турки первый моментъ пришли въ полный безпорядокъ, усилившійся отъ паники избиваемаго снарядами десанта.

Открытый ими огонь, подъ вліяніемъ суматохи и громадной убыли въ людяхъ, былъ очень мало дѣйствителенъ.

Не допуская мысли быть разбитымъ столь слабымъ противникомъ, непріятель упорно продолжалъ бой въ теченіе 6 часовъ.

Наконецъ, со сбитыми стеньгами, разрушенными бортами и подбитыми орудіями, противникъ долженъ былъ прекратить бой и, поспѣшно прибавивъ парусовъ, повернулъ въ море.

Неугомонный Кинсбергенъ началъ погоню, но тихоходные корабли его скоро отстали.

Потери на обоихъ судахъ не превышали 4 убитыхъ и 28 раненыхъ.

Пораженный противникъ два мѣсяца не появлялся около Крыма, разнеся вѣсть о необычайныхъ русскихъ корабляхъ, стоящихъ на стражѣ Крыма.

Кинсбергенъ былъ въ восторгѣ отъ русскихъ моряковъ, но былъ въ отчаяніи отъ дурныхъ качествъ кораблей. Онъ писалъ: «Съ такими молодцами я выгналъ бы чорта изъ ада», и «легче было бы поймать луну, нежели догнать парусныя суда съ моими двумя плоскодонными машинами. Если бы у меня былъ фрегатъ, то у Ея Величества было бы двумя кораблями болѣе».

---

[1]) «Коронъ» (кап.-лейт. Басовъ) и «Таганрогъ» (лейт. Колычевъ).

За свой подвигъ Кинсбергенъ былъ награжденъ орденомъ Св. Георгія 4-й ст. и именной грамотой, въ которой говорилось: «Сія ваша заслуга увѣряетъ Насъ, что вы симъ Монаршимъ поощреніемъ нашимъ почтитесь и впредь равнымъ образомъ усугублять ваши военныя достоинства».

Императрица не ошиблась: два мѣсяца спустя Кинсбергенъ новымъ подвигомъ затмилъ первый.

Продолжая крейсеровать между Крымомъ и Кавказомъ съ отрядомъ изъ 6 судовъ (3 «корабля», 1 фрегатъ, 1 ботъ и 1 брандеръ), Кинсбергенъ 22 августа получилъ извѣстіе о приближеніи значительнаго турецкаго флота, идущаго съ десантомъ для Крыма.

23 августа около Суджукъ-Кале на горизонтѣ показалось 18 непріятельскихъ судовъ, навстрѣчу которымъ и поспѣшилъ Кинсбергенъ. Узнавъ о появленіи сильнаго непріятеля, адмиралъ Сенявинъ, опасавшійся за судьбу слабаго отряда Кинсбергена, спѣшилъ приготовить остальныя суда флотиліи къ походу и ждалъ попутнаго вѣтра у Еникале. Чтобы не разойтись съ Кинсбергеномъ, имъ былъ посланъ на казачьей лодкѣ личный адъютантъ съ приказаніемъ—въ случаѣ встрѣчи съ превосходнымъ непріятелемъ не вступать въ бой, а идти на соединеніе съ главными силами.

Получивъ такое приказаніе въ виду непріятеля, Кинсбергенъ оказался въ весьма затруднительномъ положеніи.

Идти на соединеніе съ Сенявинымъ—значило бы потерять нѣсколько дней, во время которыхъ турецкій флотъ успѣлъ бы высадить десантъ.

Отступить на глазахъ наступающаго сильнаго врага послѣ подвига 23 іюня Кинсбергенъ считалъ для себя недопустимымъ и оскорбительнымъ.

Помня основную цѣль своего крейсерства, Кинсбергенъ нашелъ оригинальный выходъ, доставившій ему новые лавры.

Выслушавъ адъютанта и заставивъ его повторить приказаніе при офицерахъ, Кинсбергенъ категорически заявилъ, что онъ не можетъ допустить, чтобы достойный, храбрый адмиралъ, какимъ онъ зналъ Сенявина, могъ приказать ему уклоняться отъ сраженія съ непріятелемъ, везущимъ десантъ въ почти беззащитный Крымъ. Допуская здѣсь ошибку со стороны адъютанта или недоразумѣніе, происшедшее отъ передачи приказанія словесно, Кинсбергенъ находитъ нужнымъ впредь до выясненія дѣла арестовать офицера.

Между тѣмъ, турецкій флотъ подвигался вдоль кавказскаго берега, имѣя впереди отрядъ изъ четырехъ 64-пушечныхъ кораблей, 4 фрегатовъ и 3 шебекъ. Сзади шли транспортныя суда подъ конвоемъ 8 судовъ.

Пользуясь раздѣленіемъ силъ противника, Кинсбергенъ быстро составилъ планъ атаки.

Одно изъ своихъ судовъ онъ послалъ въ обходъ передового отряда непріятеля съ приказаніемъ занять мѣсто съ подвѣтра у него. Съ остальными 5-ю Кинсбергенъ бросился на непріятельскій авангардъ, стремясь поставить его въ два огня.

Талантливый Кинсбергенъ понималъ, что нешаблонный пріемъ атаки собьетъ противника съ толку и раздѣлитъ его вниманіе между обходящимъ судномъ и атакующими главными силами.

Увѣренный въ превосходствѣ своего огня, онъ нарочно подошелъ на дистанцію ружейнаго выстрѣла (200 шаговъ).

Дѣйствительно, атака, сопровождавшаяся сильнымъ и мѣткимъ огнемъ, дала отличные результаты. Сбитые паруса, поврежденія въ рангаутѣ и такелажѣ, масса убитыхъ — все это произвело полное смятеніе среди турокъ. Передніе корабли замедлили ходъ, два изъ нихъ наскочили другъ на друга, остальные двигались нестройной кучей. Усиливъ огонь, Кинсбергенъ сдѣлалъ сигналъ уже готовившемуся къ атакѣ брандеру «сцѣпиться съ двумя свалившимися непріятельскими кораблями».

Но въ этотъ моментъ стихшій сразу вѣтеръ перемѣнился и положеніе боя измѣнилось; турки оказывались на вѣтрѣ и могли бѣжать подъ прикрытіе находившихся поблизости Суджукскихъ батарей, что они и сдѣлали немедленно.

Кинсбергенъ преслѣдовалъ турокъ до самыхъ батарей, и только послѣ этого, имѣя серьезныя поврежденія, пошелъ для исправленія ихъ къ Керченскому проливу на соединеніе съ адмираломъ Сенявинымъ.

Побѣда была еще болѣе блестящая. Она имѣла значеніе для судьбы всей кампаніи.

Разбитая турецкая эскадра, помимо своего четверного превосходства въ силѣ, везла болѣе чѣмъ 6-тысячный корпусъ въ Крымъ, гдѣ нашихъ войскъ на всемъ пространствѣ полуострова едва насчитывалось 4 тысячи.

Общая признательность и впослѣдствіи чинъ капитана I ранга и орденъ Георгія 3-й степени были наградой Кинсбергену.

Устрашенный безпримѣрнымъ мужествомъ и искусствомъ русскихъ моряковъ, непріятель дальнѣйшихъ попытокъ до самаго конца войны къ нападенію на Крымъ не дѣлалъ, ясно понявъ, что допущенъ туда не будетъ.

Такъ при помощи слабаго и плохо оборудованнаго флота изъ 16 небольшихъ плоскодонныхъ судовъ Россія подвигами и рвеніемъ 2.000 первыхъ черноморскихъ моряковъ овладѣла Крымомъ и три года войны господствовала на Черномъ морѣ.

Побѣды арміи и флота были реализованы съ необычайной выгодой.

По заключенному 10 іюля 1774 г. Кучукъ-Кайнарджійскому мирному трактату Турція отказывалась отъ своихъ правъ на Крымъ и Кубань, уступала Россіи Азовъ, Керчь и Еникале, т.-е. все Азовское море, отдавала Кинбурнъ и все пространство между Днѣпромъ и Бугомъ, признавала право свободнаго плаванія нашихъ торговыхъ судовъ по Черному морю, и обязывалась давать свободный пропускъ ихъ черезъ Босфоръ и Дарданеллы въ Архипелагъ и обратно.

Это въ суммѣ давало одно: Россія прочно утверждалась на берегахъ Чернаго моря, искони называвшагося «Русскимъ».

2. Архипелажская экспедиція.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. Д. Каллистовымъ.**

А. Планъ экспедиціи.

Мысль объ использованіи Средиземнаго моря въ борьбѣ противъ Турціи, зарожденіе которой обыкновенно приписываютъ исключительно гр. Алексѣю Орлову, въ дѣйствительности ведетъ свое начало еще съ Петровскихъ временъ. Отправленіе въ 1717 году въ Средиземное море корабля «Армонтъ», сношенія Петра Великаго съ адріатическими славянами, отраженіе этихъ сношеній въ тогдашней южно-славянской литературѣ (особенно въ Дубровницкой), сношенія съ Венеціей—все это оставило достаточно замѣтные слѣды, чтобы къ тому времени, когда гр. Орловъ подъ предлогомъ лѣченія прибылъ въ Италію, онъ нашелъ благодарную почву не только среди славянскаго населенія Адріатики, но и въ изнывавшихъ подъ турецкимъ игомъ грекахъ.

Донесенія, которыя гр. Орловъ посылалъ изъ Италіи Императрицѣ, вызывали въ ней полное сочувствіе къ идеѣ о посылкѣ флота. Къ гр. Орлову были присланы особые агенты, искусно поведшіе пропаганду возстанія—въ Черногоріи, Албаніи, Греціи, Молдавіи и Валахіи.

Для Россіи, какъ это представлялось гр. Орлову и Екатеринѣ, появленіе въ Архипелагѣ нашего флота, въ связи съ возстаніемъ подвластныхъ Портѣ христіанскихъ народовъ, представляло ту выгоду, что это, во-первыхъ, отвлекло бы часть турецкихъ силъ отъ нашихъ армій, а, во-вторыхъ, значительно ослабило бы Турцію, расшатавъ ея внутреннюю цѣлость. Если и имѣлось при этомъ въ виду оказать дѣйствительную поддержку христіанскимъ народамъ, то эта идея, ярко выражавшаяся въ распространяемыхъ гр. Орловымъ прокламаціяхъ, въ дѣйствительности имѣла значеніе второстепенное. Ни идея славянская, ни впослѣдствіи плѣнившая Екатерину идея возрожденія Византіи—не имѣли здѣсь мѣста.

Графъ Орловъ особенно настаивалъ на скорѣйшей посылкѣ эскадры. «Эскадра наша», доносилъ онъ Императрицѣ, «отъ осьми до десяти линейныхъ кораблей, и на которой нѣсколько войскъ нашихъ посажено будетъ, великій страхъ причинитъ Туркамъ, если достигнетъ до нашихъ мѣстъ; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Слыша о неисправности морской Турецкой силы, о слабости ихъ съ сей стороны, надежно донести могу, что оная, не только великія помѣхи причинитъ имъ въ военныхъ пріуготовленіяхъ, подѣлаетъ великое раззореніе, понанесетъ ужасъ всѣмъ Магометанамъ, въ куражъ и ободреніе Православнымъ, и болѣе страшна имъ быть можетъ, нежели все сухопутное войско».

Настоянія графа Орлова были уважены. Императрица приказала приготовить годныя къ отправленію въ Средиземное море суда; командующимъ снаряжаемой эскадрой былъ назначенъ адмиралъ Григорій Андреевичъ Спиридовъ. 18 іюля эскадру Спиридова на Кронштадтскомъ рейдѣ посѣтила Императрица; Государыня возложила на

адмирала орденъ св. Александра Невскаго и образъ св. Іоанна Воина, и оказала милостивое вниманіе всѣмъ чинамъ флота. Въ ту же ночь эскадра снялась съ якоря. Эскадра состояла изъ 7 кораблей («Святославъ», «Три Іерарха», «Іануарій», «Европа», «Три Святителя», «Сѣверный Орелъ», «Евстафій»), фрегата «Надежда Благополучія», бомбардирскаго корабля «Громъ», 4 пинковъ и 2 посыльныхъ судовъ; на эскадрѣ было 640 пушекъ и 5582 человѣка команды (въ томъ числѣ 3061 матросъ, 1106 морскихъ солдатъ, 448 морскихъ артиллеристовъ и 967 сухопутныхъ солдатъ Кексгольмскаго полка, сухопутныхъ артиллеристовъ и мастеровыхъ).

Въ рескриптѣ Спиридову задача отправленія его эскадры опредѣлялась такъ:

«Поелику главная всему нашему плану цѣль состоитъ въ поднятіи на Турковъ подвластныхъ имъ народовъ,—слѣдовательно же и долженствуетъ уступать оной первое мѣсто всѣ другія операціи; Ваша экспедиція натурально принадлежитъ къ числу сихъ послѣднихъ, первымъ же предметомъ есть и всегда долженствуютъ пребыть сухопутныя операціи графа А. Орлова». Спиридовъ долженъ былъ «провести сухопутныя войска съ паркомъ артиллеріи и другими военными снарядами для содѣйствія гр. Орлову образовать цѣлый корпусъ изъ христіанъ къ учиненію Турціи диверсіи въ чувствительнѣйшемъ мѣстѣ»; вмѣстѣ съ тѣмъ адмиралу предписывалось содѣйствовать возставшимъ противъ Турціи грекамъ и славянамъ, а также способствовать пресѣченію провоза въ Турцію моремъ контрабанды.

Отправляя эскадру Спиридова, Императрица была твердо увѣрена, что флотъ, въ предѣлахъ поставленной ему скромной задачи, сдѣлаетъ свое дѣло. «Я такъ расщекотала», писала она, «нашихъ моряковъ по ихъ ремеслу, что они огневые стали»...; «у меня въ отмѣнномъ попеченіи нынѣ флотъ и я истинно его такъ употреблю, если Богъ велитъ, какъ онъ еще не былъ»...

Первый переходъ эскадры Спиридова изъ-за противныхъ вѣтровъ былъ очень долгій. Только 30 августа онъ прибылъ въ Копенгагенъ, гдѣ принималъ припасы и наливался прѣсною водою; здѣсь же къ эскадрѣ присоединился корабль «Ростиславъ», только что пришедшій изъ Архангельска.

Дальнѣйшее плаваніе эскадры было очень бѣдственное: уже при подходѣ къ Англіи на судахъ было множество больныхъ (до 700); корабли во время штормовъ терпѣли значительныя поврежденія и должны были по необходимости отставать и заходить для починки въ иностранные порты (Гулль, Портсмутъ, Лиссабонъ и др.); на сборное мѣсто, какимъ назначенъ былъ портъ Магонъ на островѣ Минорка, въ концѣ декабря явились только 4 корабля и 4 легкихъ судна (первымъ пришелъ Спиридовъ на «Евстафіи»); остальные чинились по разнымъ портамъ, нѣкоторые разбились, другіе пришли къ Спиридову уже со слѣдующей эскадрой Эльфинстона. На 8 судахъ, прибывшихъ въ портъ Магонъ со Спиридовымъ, 25 декабря насчитывалось 332 умершихъ (по выходѣ изъ Копенгагена) и больныхъ состояло 313.

Европа со снисходительной улыбкой смотрѣла на походъ Спиридова; другого значенія, кромѣ какъ пустой и скандальной затѣи, за этимъ походомъ не признавали. Императрица Екатерина стала проявлять въ отношеніи къ Спиридову нѣкоторое раздраженіе. «Гибралтаръ нашимъ казался конецъ свѣта», писала она въ январѣ 1770 года гр. Орлову. Единственный, кто съ изумленіемъ отнесся къ походу нашего флота, это былъ турецкій султанъ: на извѣщеніе объ этомъ онъ отвѣтилъ, что отказывается даже понимать, какъ это корабли могутъ добраться моремъ изъ Кронштадта къ берегамъ Турціи?

По плану гр. А. Орлова адмиралъ Спиридовъ долженъ былъ идти къ полуострову Майна въ Мореѣ, гдѣ мѣстные греки (майноты), славившіеся храбростью, особенно охотно отозвались на призывъ къ возстанію; часть своихъ силъ адмиралъ долженъ былъ отправить за Орловымъ въ Ливорно.

Въ январѣ 1770 года эскадра Спиридова ушла изъ порта Магонъ. Корабль «Три Іерарха», фрегатъ «Надежда Благополучія» и пакетботъ «Почтальонъ» отправились за главнокомандующимъ въ Ливорно, а Спиридовъ съ «Евстафіемъ», «Тремя Святителями», «Іануаріемъ», пинкомъ «Соломбалъ» и пакетботомъ «Летучій»—къ берегамъ Мореи, чтобы немедленно же по прибытіи туда начать военныя дѣйствія.

Дѣйствія, впрочемъ, предстояли только нашему сухопутному десанту и мѣстнымъ грекамъ, давно уже, будто бы, подготовленнымъ къ возстанію. Флоту же предназначалась исключительно транспортная роль.

Этотъ планъ дѣйствій, принадлежащій гр. Орлову, поражаетъ несостоятельностью вложеннаго въ него военнаго заданія. Прежде всего, совершенно невозможно было особенно полагаться на силу грековъ. Посылавшіеся гр. Орловымъ наши агенты успѣшно могли вести политическую интригу и разжигать ненависть къ Турціи; но подбиваемому ими на возстаніе населенію они не могли дать стройной военной организаціи. Греки и албанцы, выступавшіе теперь якобы за свое освобожденіе, а, въ сущности, за отвлеченіе турецкихъ силъ отъ нашихъ армій, представляли сами по себѣ прекрасный боевой матеріалъ, но совершенно неорганизованный. Тѣмъ менѣе основаній было гр. Орлову упрекать впослѣдствіи грековъ, и притомъ въ унизительныхъ выраженіяхъ, за понесенныя ими и нашими малочисленными сухопутными войсками неудачи подъ Триполицей, Модономъ, Корономъ, Наваринымъ. Виноватъ въ этомъ былъ самъ гр. Орловъ, и виноватъ особенно потому, что, въ нарушеніе элементарныхъ требованій морской стратегіи, предпринялъ эти дѣйствія съ моря въ то время, когда турецкій флотъ еще господствовалъ во всѣхъ своихъ водахъ. Печальный конецъ сухопутнаго предпріятія въ Мореѣ былъ возмездіемъ за это нарушеніе. Природа же взяла свое, и вопросъ о дальнѣйшей судьбѣ всего предпріятія былъ сведенъ къ обладанію моремъ.

Б. Дѣйствія десанта въ Мореѣ.

17 февраля адмиралъ Спиридовъ со своими 5-ю судами подошелъ къ порту Витула въ Мореѣ. Высаженный на берегъ десантъ соединился



Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій.

[illegible]

къ стр. 55.

съ майнотами и раздѣлился на два отряда. Первый изъ нихъ (Восточный), отбросивъ турокъ, взялъ городъ Мизитру (древній Лакедемонъ), но впослѣдствіи былъ окруженъ и совершенно уничтоженъ турками подъ Триполицей; второй отрядъ (Сѣверный Спартанскій Легіонъ) прошелъ къ Каламатѣ, оттуда къ Леонтари и, занявъ горный проходъ, овладѣлъ всей Аркадіей. Возстаніе распространилось по всей Мореѣ; число возставшихъ грековъ, не считая майнотовъ, доходило въ Мореѣ до 60 тысячъ человѣкъ, въ Эпирѣ же—до 24 тысячъ.

Изъ Витулы эскадра направилась къ Корону, у котораго стала на якорь 28 февраля. 1 марта свезли десантъ въ 600 человѣкъ и при-

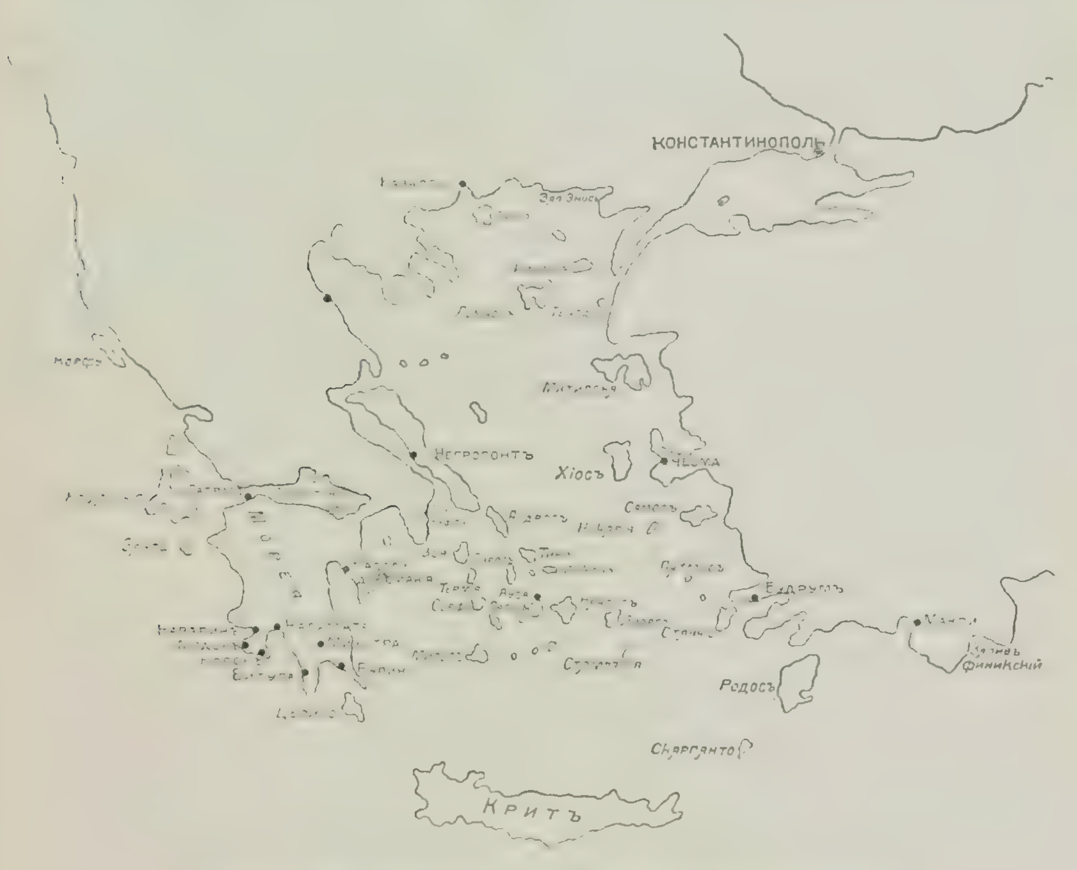


Схема къ дѣйствіямъ флота въ Архипелажской экспедиціи.

ступили къ осадѣ крѣпости. Бомбардировка съ эскадры двое сутокъ прикрывала осадныя работы; мелкія суда высылались въ это время отъ эскадры въ крейсерство для пресѣченія подвоза съѣстныхъ припасовъ. 14 марта начали дѣлать подкопъ, и черезъ три недѣли онъ былъ доведенъ подъ самыя стѣны крѣпости, но былъ открытъ турками и разрушенъ. Такъ какъ выстрѣлы десантныхъ орудій не могли пробить брешей въ крѣпости, то 15 апрѣля осада Корона была снята.

Въ эти дни пала, однако, другая турецкая крѣпость, имѣвшая большее значеніе,—Наваринъ. Дѣйствія противъ Наварина начались 30 марта, съ приходомъ туда изъ Ливорно кораблей «Іаннуарій» и «Три Святи-

теля» и фрегата «Св. Николай» съ графомъ А. Орловымъ; корабли наши были встрѣчены съ крѣпости сильнымъ огнемъ. 31 марта былъ свезенъ десантъ подъ командой бригадира морской артиллеріи Ганнибала (прадѣдъ А. С. Пушкина); къ десанту присоединился пришедшій сюда еще раньше изъ Аркадіи Сѣверный Спартанскій Легіонъ. 4 апрѣля, въ первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, по крѣпости открыли огонь, и 10 апрѣля Наваринъ сдался на капитуляцію. Въ крѣпости найдены 42 мѣдныя пушки, 3 мортиры, 800 пудовъ пороху и много другихъ припасовъ. Одна изъ мечетей взятаго нами Наварина была обращена въ церковь и освящена во имя Св. Великомученицы Екатерины.

18 апрѣля стоявшія у Корона наши суда перешли въ Наваринъ, «въ наилучшій портъ Средиземнаго моря, въ портъ Вашего Императорскаго Величества», какъ доносилъ графъ Орловъ Императрицѣ. Русская эскадра, стоявшая въ Наваринѣ, состояла теперь изъ 5 линейныхъ кораблей, 2-хъ фрегатовъ, бомбардирскаго корабля и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ.

Владѣніе Навариномъ не могло быть прочнымъ до тѣхъ поръ, пока въ рукахъ турокъ оставалась крѣпость Модонъ, лежавшая нѣсколько южнѣе Наварина. Поэтому для занятія Модона былъ отправленъ 19 апрѣля отрядъ генералъ-маіора кн. Долгорукова въ 1300 человѣкъ (500 человѣкъ нашего десанта и 800 грековъ и албанцевъ) съ 4 пушками и двумя единорогами. Разсчетъ застать турокъ врасплохъ оказался невѣрнымъ: турки оказались готовыми къ оборонѣ. Наши войска расположились около крѣпости лагеремъ и стали строить батарею; вылазки, которыя дѣлали турки, легко отбивались. Черезъ недѣлю къ Модону подошелъ капитанъ бригадирскаго ранга Грейгъ съ кораблемъ и двумя фрегатами.

Грейгъ свезъ на берегъ 22 крупныхъ орудія, и 29 апрѣля съ батарей открыли по крѣпости огонь; отвѣтный огонь турокъ былъ очень слабъ. Въ нашемъ лагерѣ, усиленномъ частью десантомъ изъ Наварина, частью мѣстными греками, уже готовились къ приступу сильно поврежденной крѣпости, какъ 3 мая было получено извѣстіе о приближеніи значительныхъ силъ турокъ. На слѣдующій день къ Модону стали подступать двѣ непріятельскія колонны, каждая въ 2500 человѣкъ. При первомъ натискѣ непріятеля, недисциплинированные греческіе отряды дрогнули; нашъ десантъ держался еще около 5 часовъ, но бороться противъ 8000 турецкой пѣхоты и конницы, овладѣвшихъ уже батареей, было не подъ силу, и нашъ отрядъ отступилъ къ Наварину. При отступленіи десантомъ были потеряны всѣ орудія, убитыхъ было свыше 200 (въ томъ числѣ 5 офицеровъ), раненыхъ 304 (въ томъ числѣ генералъ-маіоръ князь Долгоруковъ и 16 офицеровъ). На слѣдующій день по уходѣ десанта перешли въ Наваринъ и наши суда.

Неудачный исходъ дѣла подъ Модономъ заставилъ графа Орлова «оставить крѣпость Наваринъ и всѣ сухопутныя тамъ коммисіи», «ибо сей неблагополучный день превратилъ всѣ обстоятельства и отнялъ всю надежду имѣть успѣхи на землѣ».

В. Приходъ въ Архипелагъ отряда Эльфинстона. Сраженіе при Наполи-ди-Романія.

При этихъ обстоятельствахъ къ эскадрѣ Спиридова подошли подкрѣпленія—отрядъ контръ-адмирала Эльфинстона—англичанина, только что принятаго на русскую службу.

Въ инструкціи, данной при отправленіи Эльфинстону, указывалось: «главный предметъ сей вашей экспедиціи долженъ состоять въ томъ, чтобы воспрепятствовать и пресѣкать подвозъ хлѣбнаго пропитанія въ Царьградъ изъ Египта и другихъ мѣстъ, какъ и всю собственную, подъ турецкимъ флагомъ производимую, навигацію и морскую торговлю, на тѣхъ проходахъ, гдѣ находиться будете». «Прежде всего надобно вамъ», говорится дальше въ инструкціи, «стараться высадить войска и снаряды на берегъ, въ назначенныхъ къ тому отъ онаго Генералъ-Поручика (Орлова) мѣстахъ, а именно: въ Майнѣ, что въ Мореѣ, а особливо въ портѣ, называемомъ на картѣ Песно, а по тамошнему Маритонида; почему имѣете вы, по приближеніи вашемъ къ Архипелагу, немедленно искать тѣхъ мѣстъ».

9 октября 1769 года отрядъ Эльфинстона снялся съ Кронштадтскаго рейда; 9 мая 1770 года онъ подходилъ къ берегамъ Мореи. Плаваніе его, какъ и Спиридова, было очень бѣдственное. При подходѣ къ Мореѣ отрядъ состоялъ изъ кораблей «Стятославъ», «Не тронь меня» и «Саратовъ», фрегатовъ «Надежда» и «Африка», и пинковъ «Орловъ» и «Панинъ»; число команды было 3300.

Дѣйствія Эльфинстона у береговъ Мореи начались съ того, что онъ, хотя и не вошелъ еще въ сношенія съ графомъ Орловымъ, но, будучи извѣщенъ греками о занятіи русскими Мореи, высадилъ десантъ въ первой попавшейся удобной бухтѣ (Колокиѳской, въ портѣ Рупино) и приказалъ ему слѣдовать къ Мизитрѣ; съ эскадрою же, довѣрившись свѣдѣніямъ грековъ о нахожденіи поблизости турецкаго флота, пошелъ на поиски турокъ.

Эскадра Спиридова стояла въ это время у Наварина, который съ съ сухого пути осаждался большими силами непріятеля. Турецкій флотъ, на поиски котораго вышелъ Эльфинстонъ, собирался атаковать у Наварина эскадру Спиридова или заблокировать ее. Флотъ этотъ, какъ сообщали Эльфинстону греки, состоялъ изъ 8 линейныхъ кораблей и 10 меньшихъ судовъ; къ этимъ силамъ должна была присоединиться ожидавшаяся изъ Константинополя вторая турецкая эскадра изъ 6 кораблей и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ.

Нельзя не удивляться смѣлости Эльфинстона: противъ турецкаго флота у него было только 3 корабля, 2 фрегата и 2 пинка. Въ рѣшимости адмирала искать боя съ такими неравными силами не малую роль играло честолюбіе англичанина, не желавшаго дѣлить лавры возможной побѣды съ русскимъ адмираломъ Спиридовымъ; пораженіе же Эльфинстона, между тѣмъ, неминуемо повело бы и къ разгрому Спиридова.

Пройдя мысъ Анджелло, Эльфинстонъ утромъ 16 мая открылъ на горизонтѣ два непріятельскихъ корабля, за которыми немедленно были

посланы въ погоню корабли «Саратовъ» и «Не тронь меня». Вскорѣ открылась вся непріятельская эскадра: 10 кораблей, 2 фрегата и 7 мелкихъ судовъ—всего 19 судовъ. Эскадрою командовалъ храбрый алжирскій морякъ Джейзайрмо-Хассанъ-Бей, любимецъ султана, называвшаго его «своимъ львомъ». Въ 6 часу вечера русскій отрядъ догналъ турокъ, и у острова Специя между передовыми кораблями завязался бой. Сначала «Не тронь меня», а затѣмъ «Саратовъ», поддержанные фрегатомъ «Надежда», обратились противъ двухъ передовыхъ адмиральскихъ непріятельскихъ кораблей; турки не выдержали огня и бросились бѣжать въ Навплійскій заливъ, къ крѣпости Наполи-ди-Романія, куда за ними, подъ огнемъ нашихъ двухъ кораблей, спустилась вся ихъ эскадра. Къ этому времени подошли остальныя русскія суда, за дальностью разстоянія не принимавшія участія въ бою, и соединенно преслѣдовали турокъ до самыхъ стѣнъ крѣпости. Потери, понесенныя нашими судами, были ничтожны: въ корпусъ «Саратова» и «Не тронь меня» было только четыре попаданія ядеръ, и на этихъ корабляхъ слегка былъ поврежденъ рангоутъ; потери въ личномъ составѣ были только на «Не тронь меня»: 1 убитъ и 6 ранено.

Утромъ 17 мая заштилѣвшій нашъ отрядъ, который теченіемъ прижимало къ берегу, открылъ огонь по турецкому флоту, и сталъ выходить, на буксирѣ гребныхъ судовъ, изъ бухты.

Г. Сосредоточеніе русскаго флота. Хіосское сраженіе.

Выйдя изъ бухты, Эльфинстонъ рѣшилъ идти на соединеніе со Спиридовымъ. Онъ убѣдился, что атаковать турецкій флотъ, стоявшій подъ защитой крѣпости, ему не по силамъ; сравнительный успѣхъ встрѣчи и боя съ турецкимъ флотомъ являлся слѣдствіемъ излишней осторожности турецкаго адмирала, полагавшаго, что на него идетъ весь русскій флотъ и никакъ не думавшаго, что это только отрядъ Эльфинстона. Теперь же отъ турецкаго адмирала можно было ждать атаки.

Между тѣмъ адмиралъ Спиридовъ, стоявшій у Наварина и уже извѣщенный о дѣйствіяхъ Эльфинстона, 15 мая снялся съ якоря и направился съ Колокиоскую бухту съ 4-мя кораблями и фрегатомъ; туда онъ прибылъ 17 числа, взялъ съ берега высаженный Эльфинстономъ десантъ, 21 мая вышелъ въ море и 22-го, у острова Цериго, соединился съ эскадрой Эльфинстона. Адмиралъ рѣшилъ немедленно идти къ Навплійскому заливу для боя съ турецкимъ флотомъ. Утромъ 24 мая турки (тѣ же 19 судовъ Джейзайрмо-Хассанъ-Бея) были встрѣчены имъ у острова Бельпуло. Только черезъ нѣсколько часовъ наши передовые корабли—«Не тронь меня» и «Саратовъ»—настигли турокъ и открыли огонь; дистанція была очень велика и наши снаряды не долетали. Двое сутокъ, при штилѣ и маловѣтріи, русскій и турецкій флоты держались на горизонтѣ одинъ у другого, и ночью 27 мая турки, находясь между островами Зея и Термія, совсѣмъ скрылись изъ виду.

Спиридовъ предполагалъ идти въ погоню, но на эскадрѣ Эльфинстона былъ большой недостатокъ въ прѣсной водѣ; отъ погони пришлось отказаться и рѣшено было идти за водою въ заливъ Рафти, куда Спиридовъ прибылъ 28 мая, а Эльфинстонъ 2 іюня; до прихода въ Рафти Эльфинстонъ поднимался въ Негропонтскій заливъ, высаживалъ десантъ на укрѣпленный островъ противъ крѣпости Негропонта и взялъ у турокъ четыре пушки.

Въ Наваринѣ, между тѣмъ, графъ Орловъ оставался съ однимъ только кораблемъ, однимъ фрегатомъ и мелкими судами. По уходѣ Спиридова турки все болѣе и болѣе тѣснили городъ и 20 мая, наконецъ, отрѣзали воду. Держаться въ Наваринѣ становилось очень трудно, и графъ Орловъ рѣшился подорвать крѣпость. Это было сдѣлано въ ночь на 23 мая. Турки немедленно заняли покинутыя нашимъ десантомъ позиціи и открыли изъ установленныхъ ими новыхъ орудій огонь по нашимъ судамъ. Двое сутокъ отрядъ нашъ, задерживаемый свѣжимъ противнымъ вѣтромъ, не могъ выйти изъ бухты, подвергаясь все время турецкому огню; непріятельскія ядра, къ счастью, почти не долетали. 26 мая отрядъ вышелъ изъ Наварина, обмѣнявшись въ послѣдній разъ нѣсколькими выстрѣлами съ крѣпостью.

По выходѣ изъ Наварина наши суда раздѣлились: состоявшія при эскадрѣ мелкія греческія суда направились къ островамъ Занте и Корфу для отвоза туда бѣжавшихъ изъ Наварина мѣстныхъ жителей—грековъ; фрегатъ повезъ въ портъ Магонъ больныхъ и раненыхъ; графъ же Орловъ съ кораблемъ «Три Іерарха» и остальными судами пошелъ въ Архипелагъ, на поиски Спиридова и Эльфинстона. 28 мая къ отряду графа Орлова присоединился шедшій изъ Ливорно линейный корабль «Ростиславъ». Соединеніе произошло 11 іюня.

Весь русскій флотъ направился теперь къ острову Паросу, куда, по свѣдѣніямъ грековъ, ушли турки. 15 іюня флотъ, имѣя до 500 больныхъ, пришелъ къ Паросу, откуда, какъ узнали на берегу, за три дня передъ тѣмъ ушелъ непріятель, наливавшійся здѣсь водою. Наши корабли также приняли на Паросѣ воду и 19 іюня вышли въ море. Флотъ шелъ теперь подъ кейзеръ-флагомъ, поднятымъ гр. Орловымъ на кораблѣ «Трехъ Іерарховъ»—въ знакъ того, что приказанія, исходящія отъ него, должны исполняться, какъ личныя приказанія Императрицы, т.-е. онъ принялъ на себя непосредственное командованіе флотомъ, которому предстояло теперь рѣшить вопросъ, отъ котораго зависѣла дальнѣйшая судьба всей экспедиціи: найти турецкій флотъ и разбить его. Послѣ неудачъ въ Мореѣ нашихъ сухопутныхъ силъ, такая постановка вопроса была совершенно правильной. «Если флотъ побѣдитъ», писалъ гр. Орловъ Императрицѣ, «тогда и денегъ не надобно будетъ, ибо будемъ господами всего Архипелага и постараемся оголодить и Константинополь... Въ случаѣ же несчастнаго сраженія морского, или пребыванія Турецкаго флота въ тѣхъ моряхъ, надежды не имѣю остаться зимовать въ островахъ Архипелагскихъ, и думаю, что принужденъ буду возвратиться въ Средиземное море».

Такимъ образомъ, флоту сама собой предстала задача, которая при посылкѣ ему не задавалась; сама природа морской войны заставила гр. Орлова искать встрѣчи и боя съ турецкимъ флотомъ.

По свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ грековъ, турецкій флотъ ушелъ отъ Пароса къ сѣверу; было рѣшено идти къ острову Хіосу, а если тамъ непріятеля не окажется, то къ острову Тенедосу, чтобы запереть туркамъ проходъ въ Дарданеллы. При подходѣ флота утромъ 23 іюня къ острову Хіосу былъ высланъ впередъ корабль «Ростиславъ» съ двумя малыми судами для осмотра береговъ. Въ 5 часовъ дня «Ростиславъ» поднялъ сигналъ: «Вижу непріятельскіе корабли». Турецкій флотъ былъ замѣченъ стоящимъ на якорѣ между Хіосомъ и малоазіатскимъ берегомъ. Силы были далеко неравныя: у турокъ было 16 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и до 60 мелкихъ судовъ—галеръ, шебекъ и гальотовъ; начальствовалъ турецкимъ флотомъ Джейзайрмо-Хассанъ-Бей; капуданъ-паша (генералъ-адмиралъ) Хассанъ-Эддинъ находился въ это время на берегу, въ лагерѣ сухопутныхъ войскъ, расположенномъ противъ стоянки флота.

24 іюня, едва разсвѣло, какъ на кораблѣ гр. Орлова взвился сигналъ: «Гнать за непріятелемъ»; и весь нашъ флотъ началъ спускаться въ Хіосскій проливъ.

Флотъ былъ раздѣленъ на три колонны. Въ авангардѣ шелъ адмиралъ Спиридовъ, неся свой флагъ на кораблѣ «Евстафій» (командиръ-капитанъ 1 ранга Крузъ) съ кораблями «Европа» (капитанъ 1 ранга Клокачевъ) и «Три Святителя» (кап. 1 ранга Хметевскій); въ кордебаталіи гр. Алексѣй Орловъ на кораблѣ «Три Іерарха» (капитанъ-бригадиръ Грейгъ), корабли «Іануарій» (кап. 1 ранга Борисовъ) и «Ростиславъ» (кап. 1 ранга Лупандинъ); въ арьергардѣ контръ-адмиралъ Эльфинстонъ съ кораблями «Не тронь меня» (флагъ Эльфинстона, командиръ—капитанъ 1 ранга Бѣшенцевъ), «Святославъ» (кап. 1 ранга Роксбургъ) и «Саратовъ» (капитанъ 2 ранга Поливановъ). Фрегаты «Надежда Благополучія», «Африка» и «Св. Николай» (капитанъ-лейтенанты Степановъ и Клеопинъ и лейтенантъ Паликути), бомбардирскій корабль «Громъ» (кап.-лейт. Перепечинъ), пакетботъ «Почтальонъ» и транспорты «Орловъ» и «Панинъ» (лейтенантъ Еропкинъ и кап.-лейт. Арнольдъ и Боде), а также нѣсколько греческихъ судовъ слѣдовали за кораблями. Изъ этого перечня видно, какъ невеликъ былъ процентъ иностранцевъ въ командномъ персоналѣ русской эскадры. Все ближе и ближе подходилъ нашъ флотъ къ непріятелю, и все яснѣе становилось очевидное неравенство силъ. «Увидя такое сооруженіе», доносилъ графъ Орловъ, «я ужаснулся, и былъ въ невѣдѣніи: что мнѣ предпринять должно?» Изъ невѣдѣнія графъ, однако, былъ выведенъ адмираломъ Спиридовымъ, къ которому онъ пріѣзжалъ на корабль «Евстафій» совѣтоваться утромъ, во время перестроенія флота въ боевой порядокъ. Было рѣшено атаковать турокъ, начиная съ ближайшихъ ихъ кораблей, отдѣляя на каждый непріятельскій по одному нашему и, когда ближайшіе будутъ разбиты атаковать остальныхъ.

Въ 11 часовъ утра нашъ флотъ въ строгомъ порядкѣ спустился на непріятеля.

Первымъ шелъ корабль «Европа», за нимъ «Евстафій» со Спиридовымъ. По «Европѣ», когда она сблизилась съ непріятелемъ на пушечный выстрѣлъ, турки открыли огонь и стали обстрѣливать и другіе наши корабли, которые шли молча и, только сблизившись на пистолетный выстрѣлъ, стали, по сигналу Спиридова: «Начать бой съ непріятелемъ», громить турокъ. На всѣхъ нашихъ судахъ были подняты Іерусалимскіе флаги, какъ символъ того, что русскій флотъ выступаетъ въ защиту Христіанства противъ Ислама.

При сближеніи «Европы» съ передовымъ непріятельскимъ кораблемъ командиръ, капитанъ I ранга Клокачевъ, долженъ былъ уступить настойчивымъ требованіямъ греческаго лоцмана, указывавшаго на необходимость сдѣлать поворотъ, чтобы не посадить корабль на подводные камни, которые были у него по носу,—и со шканецъ адмиральскаго корабля услышалъ по своему адресу голосъ Спиридова: «Поздравляю васъ матросомъ!» Адмиралъ, полагавшій, что Клокачевъ дѣлаетъ поворотъ изъ робости передъ насѣвшими на него турками, счелъ нужнымъ тутъ же наказать Клокачева, и самъ съ «Евстафіемъ» занялъ мѣсто «Европы». Теперь на него обрушился огонь трехъ турецкихъ кораблей, и въ числѣ ихъ адмиральскаго. Но Спиридовъ съ необычайнымъ хладнокровіемъ ходилъ по шканцамъ «Евстафія» съ обнаженною шпагой, съ образомъ на груди св. Іоанна Воина, которымъ благословила его Императрица. На ютѣ «Евстафія» гремѣла музыка, и адмиралъ приказалъ музыкантамъ «играть до послѣдняго».

Въ первомъ часу дня «Евстафій» бортъ о бортъ сошелся съ турецкимъ кораблемъ «Реалъ-Мустафа», на которомъ находился Джейзайрмо-Хассанъ-Бей. На нашемъ кораблѣ были перебиты снасти и онъ, не имѣя возможности управляться, упалъ подъ вѣтеръ и навалился на корабль «Реалъ-Мустафа». «Евстафій» вплотную продолжалъ вести губительный пушечный и ружейный огонь; его бушпритъ пришелся между гротъ и бизань-мачтами «Реала-Мустафы». Наши офицеры и матросы перебѣжали на непріятельскій корабль и вступили въ отчаянный абордажный бой. Одинъ изъ матросовъ бросился срывать кормовой турецкій флагъ; его правая, протянутая къ флагу, рука была ранена; протянулъ лѣвую—ранили и ее, вцѣпился въ флагъ зубами, но, проколотый туркомъ, упалъ мертвымъ съ флагомъ въ зубахъ. Флагъ этотъ, изорванный въ клочья, былъ все-таки сорванъ и доставленъ нашими матросами Спиридову. Израненнаго Хассанъ-Бея, защищавшагося до послѣдней минуты, наши матросы хотѣли взять въ плѣнъ, но тотъ бросился за бортъ и былъ взятъ своими шлюпками. За Хассанъ-Беемъ вся оставшаяся на кораблѣ команда стала бросаться въ воду и спасаться вплавь. Въ часъ дня огнемъ единороговъ съ «Евстафія» на «Реалъ-Мустафѣ» былъ произведенъ пожаръ подъ шканцами, вскорѣ распространившійся по всему кораблю. Съ «Реала-Мустафы» по сошедшимся реямъ и такелажу пламя быстро перекинулось на «Евстафій»; со всего нашего

флота къ «Евстафію» спѣшили шлюпки, но онѣ успѣли принять только адмирала Спиридова, графа Ѳедора Орлова и еще нѣсколькихъ человѣкъ.

Командиръ «Евстафія» пытался отбуксировать свой пылавшій корабль отъ «Реалъ-Мустафы» шлюпками, пытался залить водою крюйтъ-камеру, но это было невозможно. Горящая гротъ-мачта турецкаго корабля упала надъ крюйтъ-камерой «Евстафія»... Прошло еще нѣсколько минутъ, раздался оглушительный взрывъ — «Евстафій» взлетѣлъ на воздухъ, а вслѣдъ за нимъ и «Реалъ-Мустафа».

На «Евстафіи» погибло 620 человѣкъ, въ томъ числѣ 22 офицера; спаслись изъ числа взлетѣвшихъ на воздухъ только командиръ, капитанъ 1 ранга А. И. Крузъ, 9 офицеровъ и 51 матросъ.

Остальные корабли нашего флота дѣйствовали въ слѣдующемъ порядкѣ:

Сейчасъ же за «Евстафіемъ» шелъ «Три Святителя». Идя на помощь къ адмиралу, «Три Святителя» самъ получилъ поврежденія, временно не позволившія ему управляться парусами, и врѣзался въ середину турецкой линіи. Во время нахожденія между турецкими кораблями «Три Святителя», дѣйствуя съ обоихъ бортовъ, произвелъ изъ пушекъ 684 выстрѣла; приблизительно черезъ часъ, сейчасъ же послѣ взрыва «Евстафія», корабль вышелъ изъ непріятельской линіи.

Корабль «Іаннуарій», идя въ началѣ боя за «Тремя Святителями», непрерывно поражалъ непріятеля мѣткими выстрѣлами. Въ кильватеръ «Іаннуарію» слѣдовалъ гр. Орловъ на «Трехъ Іерархахъ». Гр. Орловъ подошелъ вплотную къ кораблю, на которомъ развѣвался флагъ капудана-паши, сталъ на якорь противъ него и своимъ огнемъ нанесъ турецкому кораблю, стоявшему къ «Тремъ Іерархамъ» кормою, громадныя разрушенія, безъ всякаго вреда для себя. Увидѣвъ, какъ адмиралъ Спиридовъ сходился съ «Реалъ-Мустафой», гр. Орловъ собирался идти на помощь къ «Евстафію», но когда команда «Реалъ-Мустафы» стала бросаться въ воду, вообразилъ, что турецкій корабль взятъ «Евстафіемъ», и остался на мѣстѣ.

За «Тремя Іерархами» шелъ «Ростиславъ». Корабль «Европа», вышедшій въ началѣ боя изъ линіи, снова вступилъ въ строй и велъ жаркій бой съ непріятелемъ. Корабли эскадры Эльфинстона: «Святославъ», «Саратовъ» и «Не тронь меня» вели бой съ задними турецкими кораблями, но на дистанціи значительно большей, чѣмъ корабли авангарда и кордебаталіи.

Въ началѣ 2 часа дня турецкій флотъ представлялъ безпорядочную линію кораблей, спѣшно рубившихъ канаты, отдававшихъ паруса—чтобы бѣжать въ находившуюся у нихъ подъ вѣтромъ Чесменскую бухту. Бѣгство было паническое, безпорядочное: взрывъ «Реала-Мустафа» навелъ на турокъ паническій ужасъ.

Нашъ флотъ преслѣдовалъ турокъ до самой бухты, у входа въ которую и сталъ на якорь. Въ 6 часу вечера капитанъ Грейгъ былъ отправленъ на бомбардирскомъ кораблѣ «Громъ» къ устью бухты, для развѣдки о расположеніи непріятельскаго флота, и «Громъ» тогда же на-



Хіосскій бой 24 іюня 1770 г.

Съ картины Айвазовскаго въ музеѣ Морского Корпуса.

чалъ стрѣльбу бомбами изъ мортиръ въ середину турецкаго флота. Турки отвѣчали огнемъ съ береговой батареи, расположенной на сѣверномъ берегу бухты, а также съ нѣкоторыхъ своихъ кораблей.

Этимъ закончился день 24 іюня, день Хіосскаго, или, какъ его еще называютъ, перваго Чесменскаго сраженія.

Наши потери за этотъ день, не считая «Евстафія», были незначительны: на «Трехъ Святителяхъ» убитъ 1 офицеръ и 6 матросовъ; ранены командиръ, 3 офицера и 20 матросовъ; на «Европѣ» 4 убито и нѣсколько человѣкъ ранено; на «Не тронь меня» 3 убито и нѣсколько человѣкъ ранено; на «Трехъ Іерархахъ» раненъ 1 матросъ. Наши суда пострадали, главнымъ образомъ, въ рангоутѣ и такелажѣ; только «Три Святителя» получилъ 5 пробоинъ, изъ нихъ 2 подводныхъ, «едва не насквозь».

Турецкія потери въ людяхъ неизвѣстны; корабли же ихъ получили очень тяжелыя поврежденія.

Д. Истребленіе турецкаго флота при Чесмѣ. Подвигъ Ильина.

Турецкій флотъ, укрывшійся теперь въ Чесменской бухтѣ, состоялъ изъ 15 кораблей, 6 фрегатовъ, 6 шебекъ, 8 галеръ и 32 гальотовъ.

Сейчасъ же послѣ бѣгства турокъ у насъ на флотѣ явилась мысль о сожженіи непріятельскаго флота брандерами. Готовыхъ брандеровъ однако, у насъ не имѣлось, и поэтому еще съ вечера 24 іюня приступили къ ихъ изготовленію, и продолжали снаряжать ихъ всю ночь съ 24 на 25 и первую часть дня 25 іюня.

Въ 5 часовъ дня 25-го числа на кораблѣ гр. Орлова «Три Іерарха былъ созванъ военный совѣтъ, на которомъ участвовали адмиралъ Спиридовъ, контръ-адмиралъ Эльфинстонъ, бригадиръ морской артиллеріи Ганнибалъ и судовые командиры. Все это были опытные боевые моряки, и вѣрная съ ихъ стороны оцѣнка, какъ стратегическаго положенія въ Архипелагѣ, такъ и необходимости немедленно атаковать турецкій флотъ брандерами—цѣликомъ отразилась въ приказѣ гр. Орлова, написанномъ сейчасъ же послѣ совѣта.

Въ приказѣ говорилось: «Всѣмъ видимо расположеніе Турецкаго флота, который... стоитъ въ бухтѣ отъ насъ на SO въ тѣсномъ и безпорядочномъ состояніи; что нѣкоторые носами къ намъ, къ NW, а 4 корабля носами къ NO, а къ намъ боками, нѣсколько изъ нихъ въ тѣснотѣ стоитъ за своими къ берегу такъ, какъ въ кучѣ... Наше же дѣло должно быть рѣшительное, чтобы оный флотъ побѣдить и раззорить, не продолжая времени, безъ чего здѣсь въ Архипелагѣ не можемъ мы къ дальнѣйшимъ побѣдамъ имѣть свободныя руки». Въ приказѣ далѣе предписывалось подходить къ непріятелю на такое разстояніе, чтобы «не только нижняго дека, но и верхнія пушки были бы дѣйствительны» (т.-е. чтобы могла дѣйствовать и мелкая артиллерія); брандеры должны были сначала держаться дальше отъ непріятеля, «чтобы они до настоящаго дѣла были бы отъ непріятеля безвред-

ны; дѣло оныхъ состоитъ въ томъ, чтобы они, пришедъ на непріятельскій флотъ, зажгли его».

Планъ атаки турецкаго флота заключался въ томъ, что особый отрядъ подъ начальствомъ Грейга, долженъ былъ атаковать непріятеля и въ удобный моментъ пустить на него брандеры.

Отрядъ составляли корабли «Европа», «Ростиславъ», «Не тронь меня», «Саратовъ», фрегаты «Надежда» и «Африка», бомбардирскій корабль «Громъ» и 4 брандера, командовать которыми вызвались охотники: капитанъ-лейтенантъ Дугдаль, лейтенанты Ильинъ и Мекензи и мичманъ князь Гагаринъ; подъ брандеры, снаряженіе которыхъ было возложено на Ганнибала, были взяты 4 самыхъ большихъ изъ греческихъ судовъ, состоявшихъ при эскадрѣ.

По диспозиціи, данной Грейгомъ, корабли «Европа», «Ростиславъ» и «Саратовъ» должны были войти въ бухту и стать на якорь возможно ближе къ непріятелю; «Не тронь меня» долженъ былъ расположиться нѣсколько мористѣе (ближе къ морю) этихъ кораблей для подачи имъ помощи или, если явится надобность, для отбуксированія ихъ; фрегатъ «Надежда» назначался дѣйствовать по сѣверной береговой батареѣ, «Африка»—по южной; «Громъ» долженъ былъ стать въ нѣкоторомъ разстояніи отъ «Не тронь меня» и бросать на турецкіе корабли бомбы и каркасы. Брандерамъ было приказано держаться подъ парусами внѣ турецкихъ выстрѣловъ и идти на непріятеля только по адмиральскому сигналу; командирамъ брандеровъ было внушено, чтобы они, вмѣсто линейныхъ кораблей, не зажгли бы шебекъ, «что не можетъ быть намъ такъ полезно, какъ сожжены будутъ большіе корабли, въ чемъ наша и побѣда быть можетъ»...

Была тихая лунная ночь.. Въ началѣ 12-го часа на «Ростиславѣ» зажглись три фонаря—сигналъ, извѣщавшій о началѣ атаки. Первымъ долженъ былъ сняться фрегатъ «Надежда», но онъ что-то замѣшкался. Тогда адмиралъ Спиридовъ закричалъ въ упоръ съ корабля «Три Іерарха» на «Европу», приказывая Клокачеву не ожидать другихъ и идти на непріятеля. Въ 12$^1/_2$ часовъ ночи «Европа» уже стояла въ бухтѣ противъ турецкихъ кораблей и цѣлыхъ полчаса одна выдерживала бой со всѣмъ турецкимъ флотомъ. На помощь Клокачеву поспѣшилъ Грейгъ на «Ростиславѣ», за нимъ «Не тронь меня», «Саратовъ» и оба фрегата, ставшіе всѣ почти точно по указанной диспозиціи. Подходившія суда вступали въ сраженіе, которое становилось все болѣе жаркимъ.

Въ началѣ 2 часа ночи «каркасъ», какъ записано въ журналѣ Грейга, «брошенный съ бомбардирскаго корабля, упалъ въ рубашку гротъ-марселя одного изъ турецкихъ кораблей; такъ какъ гротъ-марсель былъ совершенно сухъ и сдѣланъ изъ бумажной матеріи, то онъ мгновенно загорѣлся и распространилъ пожаръ по мачтѣ и по такелажу; гротъ-стеньга скоро перегорѣла и упала на палубу, отчего весь корабль тотчасъ же былъ объятъ пламенемъ».

Считая этотъ моментъ наиболѣе подходящимъ, Грейгъ двумя условными ракетами съ «Ростислава» послалъ въ атаку брандеры.



Державшіеся все время внѣ выстрѣловъ, брандеры прибавили парусовъ и стали подходить къ непріятелю. Еще заранѣе каждому изъ командировъ брандеровъ были указаны турецкіе корабли, съ которыми они должны были сцѣпиться; на каждомъ брандерѣ былъ въ готовности десятивесельный катеръ съ гребцами, на который должны были сѣсть, сдѣлавъ свое дѣло, командиръ и команда. Первый брандеръ, капитанъ-лейтенанта Дугдаля, былъ замѣченъ двумя турецкими галерами, атаковавшими и взявшими его на абордажъ; брандеръ, все-таки зажженный Дугдалемъ, тутъ же былъ потопленъ турками; самъ Дугдаль съ командой спасся на катерѣ.

Вторымъ шелъ брандеръ лейтенанта Мекензи. Онъ выскочилъ на мель, гдѣ зажженный брандеръ и сгорѣлъ. Самъ же Мекензи на катерѣ пробрался къ берегу, овладѣлъ нѣсколькими мелкими турецкими судами и привелъ ихъ къ нашему флоту.

Въ моментъ, когда подходилъ третій брандеръ, лейтенанта Ильина, подвѣтренная половина турецкаго флота уже горѣла: стрѣльба съ нашихъ кораблей брандскугелями произвела пожаръ на двухъ-трехъ непріятельскихъ корабляхъ.

При проходѣ Ильина мимо «Ростислава», Грейгъ крикнулъ на брандеръ, чтобы Ильинъ непремѣнно сцѣпился съ какимъ-либо изъ навѣтренныхъ кораблей и только тогда зажигалъ бы брандеръ.

Лейтенантъ Ильинъ блестяще выполнилъ это приказаніе.

Онъ вплотную подошелъ къ головному турецкому кораблю, сцѣпился съ нимъ, на глазахъ турокъ зажегъ свой брандеръ, собственноручно воткнулъ горящій брандскугель въ турецкій корабль и, не торопясь, спустился въ катеръ. Отойдя на нѣкоторое разстояніе, Ильинъ скомандовалъ: «Суши весла!» и остановился, чтобы видѣть результатъ своего подвига. Ждать пришлось недолго. Громадный турецкій корабль со страшнымъ трескомъ взлетѣлъ на воздухъ. Горящіе обломки и искры посыпались на сосѣдніе корабли; они также загорались и гибли; минуты турецкаго флота были сочтены. Убѣдившись, что онъ сдѣлалъ свое дѣло, Ильинъ возвратился на катерѣ на «Три Іерарха».

Мичманъ князь Гагаринъ пустилъ свой зажженный четвертый брандеръ по вѣтру, и онъ сцѣпился съ горѣвшимъ уже кораблемъ.

Дѣло съ брандерами окончилось, и эскадра Грейга усилила свой огонь; въ это же время и остальной флотъ нашъ, прикрывавшій Грейга, открылъ изъ всѣхъ орудій бѣглый холостой огонь, исключительно для моральнаго воздѣйствія на турокъ. Разсчетъ оказался правильнымъ: непріятель, считая свою гибель неизбѣжной, прекратилъ огонь. Въ 3 часа ночи турецкій флотъ находился уже въ самомъ жалкомъ положеніи. Корабли горѣли, взрывались одинъ за другимъ («среди губительныхъ пучинъ громада кораблей всплывала»,—какъ писалъ о Чесменскомъ боѣ Пушкинъ). Въ воздухѣ стоялъ невообразимый гулъ; земля и море содрагались отъ грохота взрывовъ и грома орудій; раскаленныя пушки на турецкихъ корабляхъ сами взрывались и убивали своихъ же людей. Вся бухта была освѣщена краснымъ заревомъ; дымомъ закрывалась луна.

«Легче вообразить», пишетъ въ своемъ журналѣ Грейгъ, «чѣмъ описать ужасъ, остолбенѣніе и замѣшательство, овладѣвшіе непріятелемъ: цѣлыя команды въ страхѣ и отчаяніи кидались въ воду, поверхность бухты была покрыта множествомъ спасавшихся людей, но немного изъ нихъ спаслось».

Въ четвертомъ часу утра огонь съ нашей эскадры, по приказанію Грейга, былъ прекращенъ.

Въ 4 часа нашими шлюпками были взяты на буксиръ два сдавшихся турецкихъ корабля, стоявшихъ во время боя на сѣверномъ флангѣ линіи, на вѣтрѣ, и оставшіеся невредимыми; но во время буксировки одинъ изъ кораблей, на который попали горящіе обломки, загорѣлся; его пришлось бросить, и онъ впослѣдствіи сгорѣлъ и взлетѣлъ на воздухъ; другой же корабль, «Родосъ», былъ выведенъ и достался трофеемъ нашему флоту; нами взяты были, кромѣ того, 5 галеръ и 22 мѣдныя пушки съ береговой батареи.

Къ утру большая часть турецкаго флота взлетѣла на воздухъ. Непріятельскій флотъ былъ истребленъ, и этимъ кончилось Чесменское сраженіе.

Наши потери въ этомъ бою: на «Европѣ» 8 убитыхъ; 14 пробоинъ, изъ нихъ 7 подводныхъ; на «Не тронь меня» 3 убитыхъ; на «Ростиславѣ», который ближе другихъ былъ къ непріятелю, сильно поврежденъ рангоутъ, снасти и паруса и имѣлась пробоина въ обшивкѣ. Другихъ потерь у насъ не было.

Турки потеряли весь флотъ: 15 кораблей, 6 фрегатовъ и до 50 мелкихъ судовъ; потеря же въ людяхъ доходила, по указаніямъ самихъ турокъ, до 10.000 человѣкъ. Эту громадную цифру надо считать весьма вѣроятной: на турецкомъ флотѣ было значительно большее число команды; почти всѣ же гребныя суда ихъ были или растрѣляны нами, или опрокинулись при посадкѣ на нихъ, въ паникѣ, можества людей; обезумѣвшіе турки, бросаясь въ воду, цѣплялись за шлюпки и топили другъ друга.

«Его Высочество Государь нашъ», пишетъ турецкій историкъ Ахметъ-Вассавъ-Эфенди, «былъ весьма разстроенъ и пораженъ чрезвычайнымъ горемъ. Онъ простеръ руки къ престолу Творца и просилъ Его, чтобы Онъ отомстилъ за Исламъ и укрѣпилъ законъ нашъ, составляющій славу людей».

«Блистая въ свѣтѣ не мнимымъ блескомъ», писала Екатерина гр. Орлову, «флотъ нашъ, подъ разумнымъ и смѣлымъ предводительствомъ вашимъ, нанесъ сей разъ чувствительнѣйшій ударъ Оттоманской гордости. Весь свѣтъ отдаетъ вамъ справедливость, что сія побѣда пріобрѣла вамъ отмѣнную славу и честь. Лаврами покрыты вы, лаврами покрыта и вся, находящаяся при васъ, эскадра».

Европа съ изумленіемъ и завистью отнеслась къ извѣстію о нашей побѣдѣ. Съ изумленіемъ—потому, что передъ нею, вызывая снисходительныя улыбки, проходили въ своихъ бѣдственныхъ плаваніяхъ многострадальныя эскадры Спиридова и Эльфинстона; съ завистью—потому, что уничтоженіе турецкаго флота открывало передъ Россіей слишкомъ широкіе горизонты.

Императрица щедро наградила участниковъ Чесменскаго боя. Графъ А. Орловъ получилъ орденъ св. Георгія 1-й степени и титулъ Чесменскаго; адмиралъ Спиридовъ орденъ св. Андрея Первозваннаго; Грейгъ—орденъ св. Георгія 2-й степени; капитаны 1 ранга Клокачевъ и Хметевскій—орденъ Георгія 3 степени. Всему флоту было объявлено Монаршее благоволеніе, выдано не въ зачетъ годовое жалованье и слѣдуемыя по Морскому уставу деньги за взятые и сожженные корабли—всего 187.475 рублей.

Въ память побѣды была выбита медаль, съ изображеніемъ на одной сторонѣ Императрицы, а на другой горящаго турецкаго флота, съ лаконической надписью: «Былъ».

15 сентября въ Петропавловскомъ соборѣ въ присутствіи Екатерины II и всей Императорской фамиліи по случаю Чесменской побѣды былъ отслуженъ молебенъ. Послѣ молебна митрополитъ Платонъ произнесъ у гробницы Петра Великаго слово.

«Возстань теперь, Великій Монархъ, отечества нашего отецъ!—говорилъ митрополитъ:—«Востань и воззри на любезное изобрѣтеніе твое: оно не истлѣло отъ времени, и слава его не помрачилась. Возстань и насладися плодами трудовъ твоихъ! Флотъ, тобою устроенный, уже не на морѣ Балтійскомъ, не на морѣ Каспійскомъ, не на морѣ Черномъ, не на океанѣ Сѣверскомъ; но гдѣ? Онъ на морѣ Медитерранскомъ, въ странахъ восточныхъ, во Архипелагѣ, близъ стѣнъ Константинопольскихъ, въ тѣхъ, то-есть, мѣстахъ, куда ты нерѣдко око свое обращалъ и гордую намѣревался смирить Порту. О, какъ бы твое, Великій Петръ, сердце возрадовалось, если бы—но слыши! Мы тебѣ, какъ живому, вѣщаемъ, слыши: флотъ твой въ Архипелагѣ, близъ береговъ Азійскихъ, Оттоманскій флотъ до конца истребилъ!»...

Е. Блокода Дарданеллъ. Экспедиція противъ Лемноса.

Послѣ Чесмы для гр. Орлова, какъ главнокомандующаго, представилась возможность направить флотъ къ Дарданелламъ и, прорвавшись черезъ проливъ, явиться передъ Константинополемъ. Это было бы коренное рѣшеніе не только вопроса данной войны, но, можетъ быть, всего Восточнаго вопроса. Этого со страхомъ ждали сами турки. Ихъ средства къ оборонѣ Дарданеллъ и Константинополя были тогда ничтожны; они «открыто говорили объ оставленіи крѣпостей (въ Дарданеллахъ) при первомъ выстрѣлѣ». Что же касается флота, то, послѣ гибели турецкаго флота при Чесмѣ, въ Константинополѣ осталось только два корабля, опоздавшихъ прибыть передъ боемъ къ Чесмѣ, и спѣшно вооружался третій, уже назначенный за негодностью въ ломку.

Предложенія, которыя дѣлались гр. Орлову со стороны адмираловъ о прорывѣ черезъ Дарданеллы, были имъ отвергнуты. Въ главнокомандующемъ, какъ Генералъ-Поручикѣ, подполковникѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, слишкомъ остро еще было чувство обиды за пораженія, понесенныя на сухомъ пути въ Мореѣ, и послѣ Чесмы онъ

жаждалъ обрадовать Государыню такою же блестящей сухопутной побѣдой. «Прискорбно мнѣ», писалъ онъ Императрицѣ 28 іюня,—«что я не могу, и впредь надежды не имѣю, поздравить Ваше Величество съ сухопутною, равною морской, побѣдою. Ежели бы былъ такъ счастливъ, желанія мои были бы совершенно удовлетворены; могъ бы надѣяться тогда заслужить Ваше благоволеніе».

Морская побѣда при Чесмѣ была не использована. Графъ Орловъ остановился на полумѣрѣ и далъ флоту хотя и опредѣленную, но не вполнѣ удовлетворявшую его задачу: блокаду Дарданеллъ и прекращеніе подвоза черезъ Архипелагъ съѣстныхъ припасовъ въ Константинополь, съ цѣлью оголодить столицу Турціи.

28 іюня флотъ нашъ ушелъ изъ Чесмы. Главнокомандующій отправилъ Эльфинстона къ острову Тенедосу, чтобы занять позицію у Дарданеллъ; самъ же со Спиридовымъ направился къ острову Лемносу, гдѣ занятіемъ порта Мудроса предполагалъ прочно утвердиться въ этой части Архипелага.

11 іюля Эльфинстонъ, со своими 3 кораблями, 2 фрегатами и 1 пинкомъ, находясь между Тенедосомъ и азіатскимъ берегомъ, увидѣлъ два турецкихъ корабля. Теченіе и противный вѣтеръ не позволили ему, какъ онъ хотѣлъ, отрѣзать турокъ отъ Дарданеллъ: туркамъ удалось скрыться въ проливъ на буксирѣ гребныхъ судовъ. Эльфинстонъ прошелъ за ними; два дня простоялъ онъ въ проливѣ, перестрѣливаясь съ дальняго разстоянія съ кораблями и не отвѣчая на выстрѣлы съ крѣпостей; турецкіе корабли, наконецъ, скрылись; Эльфинстонъ же, съ цѣлью демонстраціи, сталъ на якорь посреди пролива, приказалъ играть музыкантамъ и барабанщикамъ и, обстрѣливаемый береговыми батареями, но не удостоивая ихъ ни однимъ выстрѣломъ, усѣлся съ офицерами пить чай на палубѣ. Выйдя затѣмъ изъ Дарданеллъ, Эльфинстонъ расположился съ эскадрой между островами Тенедосомъ и Имбро.

Между тѣмъ наши главныя силы собрались на Лемносѣ къ 19 іюля въ бухтѣ Пелари, гдѣ находилась главная турецкая крѣпость. Десантъ, высаженный на берегъ, съ перемѣннымъ успѣхомъ велъ осаду, но всетаки ожидалось скорое паденіе крѣпости. Однако, рядъ случайностей разрушилъ эту надежду.

Графу Орлову понадобился Эльфинстонъ, и онъ потребовалъ его къ себѣ. Эльфинстонъ долженъ былъ оставить блокаду и на кораблѣ «Святославъ» вышелъ къ Лемносу; на разсвѣтѣ 7 сентября корабль наскочилъ на восточный рифъ у Лемноса и потерпѣлъ крушеніе. Всю команду успѣли спасти (погибъ только одинъ человѣкъ), но этотъ случай значительно ослабилъ блокаду Дарданеллъ. Оставшимся судамъ не удалось усмотрѣть за турками и они успѣли перевезти на Лемносъ, на 23 мелкихъ судахъ, значительныя подкрѣпленія; и какъ разъ въ день, когда должна была быть подписана капитуляція, подкрѣпленный непріятель повелъ наступленіе на наши войска. Гр. Орловъ распорядился немедленно перевезти нашъ десантъ на эскадру, и этимъ попытка завладѣнія Лемносомъ и кончилась.

Пришлось искать въ Архипелагѣ новаго убѣжища, уже не думая объ удобствахъ для блокады Дарданеллъ, и выборъ палъ на портъ Аузу на островѣ Паросъ, лежащемъ въ южной части Архипелага: здѣсь не было турокъ, и занятіе Аузы не требовало особаго содѣйствія сухопутныхъ силъ.

Въ половинѣ ноября, по занятіи Пароса, гр. Орловъ на кораблѣ «Три Іерарха» ушелъ лѣчиться въ Италію. Командовать флотомъ остался адмиралъ Спиридовъ.

23 декабря прибыла въ Аузу новая эскадра, вышедшая изъ Россіи (изъ Ревеля) 30 іюня, подъ командой контръ-адмирала Арфа, недавно принятаго на русскую службу датчанина (корабли «Побѣдоносецъ», «Всеволодъ» и «Азія», фрегаты «Сѣверный Орелъ» и 13 транспортовъ, на которыхъ находилось 2.690 человѣкъ десантныхъ войскъ), а адмиралъ Эльфинстонъ, навлекшій на себя неудовольствіе гр. Орлова и Спиридова, былъ въ началѣ слѣдующаго года уволенъ изъ русской службы.

Ж. Принятіе русскаго подданства архипелажскими островами. Истребленіе дульциніатской эскадры при Патрасѣ.

Въ январѣ 1771 года, по просьбѣ населенія архипелажскихъ острововъ, адмиралъ Спиридовъ принялъ въ русское подданство восемнадцать, а впослѣдствіи и еще нѣсколько, острововъ Архипелага. Острова Андросъ, Тино, Миконо, Наксосъ, Ніо, Санторинъ, Сикино, Поликандро, Милосъ, Анти-Милосъ, Сифанто, Серфо, Термія, Сира, Зея, Паросъ, Анти-Паросъ, Стампалія, Никарія, Делосъ и др. — отложились отъ Турціи и вступили въ составъ Россійской Имперіи; Спиридовъ называлъ эти острова «Архипелагскимъ Великимъ Княжествомъ». На одномъ изъ нихъ, Наксосѣ, Императрицей Екатериной было учреждено училище для дѣтей, впослѣдствіи переведенное въ Петербургъ. На островахъ стали прививаться русскія названія, напримѣръ, «Никольскъ» вмѣсто «городъ Св. Николая»; «Свято-Екатерининская пристань» и пр.

Флотъ нашъ, главныя силы котораго оставались въ Аузѣ, содержался въ постоянной готовности къ выходу въ море; небольшіе крейсерскіе отряды неизмѣнно держались на торговыхъ путяхъ въ трехъ пунктахъ: между Патмосомъ и малоазіатскимъ берегомъ; между Хіосомъ, Псара, Негропонтомъ и Андросомъ; между Хіосомъ, Митиленой и Лемносомъ. Крейсерскіе отряды приводили въ Аузу множество взятыхъ призами купеческихъ судовъ; во время одного изъ походовъ крейсеровъ ими былъ сожженъ у острова Станчіо стоявшій на мели турецкій 66-пушечный корабль.

Слухи, ходившіе въ Архипелагѣ о спѣшной постройкѣ Турціей новаго флота, заставили Спиридова выйти къ Дарданелламъ, чтобы прикрыть собою крейсерскіе отряды. 17 іюня адмиралъ вышелъ изъ Аузы съ 2 кораблями и 3 фрегатами, на пути присоединилъ къ нимъ крейсерскій отрядъ изъ 3 кораблей и 6 фрегатовъ, и 24 іюня прибылъ съ этими силами къ Имбросу; на развѣдку были высланы 4 фрегата. Адмиралу

Экспликація къ плану Хіосскаго боя 24 іюня 1770 г.

A. Корабль „Евстафій", на которомъ держалъ флагъ адмиралъ и кавалеръ Спиридовъ.
B. Корабль „Европа".
C. Корабль „Три Святителя".
D. Корабль „Януарій".
E. Корабль „Ростиславъ".
F. Корабль „Три Іерарха", на которомъ держалъ флагъ главнокомандующій всѣмъ флотомъ графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ.
G. Корабль „Не тронь меня".
H. Корабль „Саратовъ".
I. Корабль „Святославъ", на которомъ держалъ флагъ контръ-адмиралъ Эльфистонъ.
L. Бомбардирской корабль „Громъ".
N. Фрегатъ „Африка".
M. Фрегатъ „Надежда".
O. Фрегатъ „Св. Николай".
P. Турецкой флотъ.
K. Корабль „Европа", потомъ вступаетъ въ боевую линію (*B*).
Q. Во время баталіи корабль „Евстафій" свалился съ турецкимъ Капитана Паши кораблемъ и оба сгорѣли; въ это время турецкій весь флотъ, обрубя якоря, ушелъ въ заливъ подъ крѣпость Чесму.

Экспликація къ плану порта Ауза на островѣ Паросѣ.

A, Лагерь команды лейбъ гвардіи Преображенскаго полку.
B. Лагерь команды господина полковника Кутузова.
C. Главной бекетъ (пикетъ) отъ гвардіи команды.
D. Палашной оной же команды.
E. Главной бекетъ команды полковника Кутузова.
F. Палашной же оной же команды.
G. Отъ бекетовъ часовые, которые составляютъ цѣпь.
H. Батарея гвардейской команды.
I. Батарея команды полковника Кутузова.
K. Пороховой погребъ гвардіи команды.
L. Пороховой погребъ полковника Кутузова.
M. Гошпиталь гвардейской команды.
N. Гошпиталь Кутузовой команды.
O. Паратное мѣсто.
P. Мѣстечко Ауза.
R. Часть гавани гдѣ стоятъ корабли.
S. Гавань въ мѣстечкѣ мелкимъ судамъ.
T. Пекарни гвардейской и армейской команды.
V. Пекарни морскаго флота.
W. Протекающій источникъ.
Монастыри 1. Гдѣ производилась русская служба.
2. Гдѣ погребали умершія россійскія тѣла.

Планъ Хіосскаго боя 24 іюня 1770 г.

Съ современнаго перспективнаго плана ручн[illegible] (Из[illegible] Историчес[illegible]асти Морс[illegible] Г[illegible] Шта[illegible])





Планъ порта Ауза на островѣ Паросѣ (Архипелагъ), принадлежавшемъ Россіи и служившемъ главной базой русскаго флота во время Архипелажской экспедиціи 1769-1774 г.

(Изъ стариннаго атла[illegible] и гравюръ Ист[illegible] части М[illegible] Г[illegible] Шта[illegible])

Къ стр. 72.

было доставлено достовѣрное извѣстіе о томъ, что Турція, дѣйствительно, сооружаетъ флотъ, но что наличный составъ этого флота весьма немногочисленный, до августа будетъ стоять въ Дарданеллахъ, а затѣмъ уйдетъ въ Черное море. Оставивъ у входа въ Дарданеллы 4 фрегата, Спиридовъ съ остальными судами вернулся въ Аузу, куда прибылъ 7 іюля.

Возвратившійся къ этому времени сюда же гр. Орловъ, побывавшій въ Петербургѣ и обласканный Императрицей, прежде всего устранилъ и отправилъ въ Россію контръ-адмирала Арфа, котораго находилъ неспособнымъ къ занятію отвѣтственныхъ должностей; затѣмъ графъ собралъ военный совѣтъ для рѣшенія вопроса о дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ флота и предложилъ, для отвлеченія турецкихъ войскъ отъ арміи Румянцева, сдѣлать диверсію флотомъ у турецкихъ береговъ.

Постановленіемъ военнаго совѣта было рѣшено: «забрать всѣ регулярныя войска на флотъ, а нерегулярныя на греческія суда и, вышедъ изъ порта, начать военныя дѣйствія отъ о. Негропонта вдоль всего Румелійскаго берега до Дарданеллъ, а потомъ вдоль Азіатскаго берега, проходя Тенедосскимъ, Митиленскимъ и Хіосскимъ каналами, а дабы не оставить непріятеля и въ южной части въ безопасности, то отправить особую эскадру подъ командою графа Өедора Григорьевича Орлова къ острову Родосу и вдоль Короманическаго берега».

Флотъ нашъ, усиленный вновь пришедшими изъ Россіи, купленными за границей и обращенными изъ призовыхъ въ военныя судами, состоялъ теперь изъ слѣдующихъ судовъ: линейные корабли «Не тронь меня», «Европа», «Азія», Побѣдоносецъ», «Ростиславъ», «Всеволодъ», «Саратовъ», «Три Іерарха», «Іаннуарій», «Три Святителя»; бомбардирскіе корабли: «Громъ» и «Молнія»; фрегаты «Надежда Благополучія», «Сѣверный Орелъ», «Надежда», «Африка», «Св. Николай», «Өеодоръ», «Григорій», «Тино», «Архипелагъ», «Андро», «Делосъ», «Слава», «Св. Павелъ», «Побѣда», «Паросъ», «Минерва», «Санторинъ», «Накція», «Миконо», «Мило»; пинки «Сатурнъ», «Соломбалъ», «Венера», «Св. Павелъ»; пакетботы: «Почталіонъ» и «Рафаилъ»; 11 поллакъ, 2 шебеки и большое число мелкихъ грузовыхъ и гребныхъ судовъ (трекатры, соколевы, галеры и др.).

1 августа изъ Аузы вышли двѣ эскадры: первая подъ начальствомъ графа А. Орлова (7 кораблей, нѣсколько фрегатовъ, бомбардирскій корабль и мелкія суда) для дѣйствій у европейскаго берега отъ Негропонта до Дарданеллъ; вторая—подъ начальствомъ гр. Өедора Орлова (корабль «Ростиславъ», 2 фрегата и 4 мелкихъ судна) для дѣйствій у береговъ Малой Азіи. Адмиралъ Спиридовъ находился на первой эскадрѣ. Часть флота держалась на станціи между Патмосомъ и малоазіатскимъ берегомъ; съ остальными судами былъ оставленъ въ Аузѣ контръ-адмиралъ Елмановъ.

Дѣйствія первой эскадры начались высадкой десанта у Негропонта; десантъ овладѣлъ магазиномъ, изъ котораго перевезено на эскадру 3085 мѣшковъ пшеницы, сжегъ деревню и обстрѣливалъ крѣпость. Уйдя отъ Негропонта къ острову Тассо, эскадра усилилась нѣсколькими присланными изъ Аузы судами съ десантомъ. Небольшой отрядъ

былъ отправленъ къ крѣпости Кавалло въ Македоніи, гдѣ также овладѣли магазиномъ и одною шебекою и обстрѣливали крѣпость. 30 сентября эскадра была у острова Имброса, гдѣ стала на якорь, выславъ къ Дарданелламъ на развѣдки отрядъ изъ двухъ кораблей и 1 фрегата; два другихъ отряда были высланы для осмотра береговъ отъ Дарданеллъ до острова Митилена и залива Энось. Развѣдка, сдѣланная Грейгомъ (произведеннымъ уже въ контръ-адмиралы), выяснила, что на островѣ Митилена, подъ защитою крѣпости, турками строятся два 74-пушечныхъ корабля и шебека. Было рѣшено всей первой эскадрой, раздѣливъ ее на два отряда, южный и сѣверный, подъ начальствомъ гр. Орлова и адмирала Спиридова, атаковать Митилену.

Подойдя 2 ноября къ Митиленѣ, оба отряда съ сѣвера и юга начали бомбардировать крѣпость; десантъ въ 3.000 человѣкъ овладѣлъ адмиралтействомъ съ припасами, сжегъ приготовленные къ спуску корабли и шебеку и увелъ изъ гавани 20 мелкихъ судовъ; потерю нашу въ этомъ дѣлѣ составляли 24 убитыхъ и 63 раненыхъ. 6-го ноября первая эскадра вернулась въ Аузу.

Вторая эскадра, по выходѣ 1 августа изъ Аузы, направилась сначала къ острову Родосу, гдѣ пыталась истребить строившіеся тамъ три корабля, фрегатъ и шебеку, но сильное сопротивленіе крѣпости заставило оставить эту попытку, и эскадра перешла къ малоазіатскому берегу, къ заливу Макри. Высаженный здѣсь десантъ (400 албанцевъ и 1 рота) овладѣлъ мѣстечкомъ Ливиса, сжегъ магазины и взялъ 7 шебекъ и 4 пушки на батареѣ; потери наши были ничтожны: 1 убитъ, 4 ранено.

Въ половинѣ августа гр. Ѳедоръ Орловъ, чувствуя себя больнымъ, ушелъ на «Ростиславѣ» въ Аузу, а оттуда на этомъ же кораблѣ въ Ливорно. Оставленная имъ эскадра ходила въ Финикскій и Сатолійскій заливы (къ сѣверо-западу отъ острова Кипра), гдѣ была взята небольшая крѣпостца, захвачены 20 пушекъ, сожжены 3 магазина съ лѣсомъ и самими же турками сожжены 3 шебеки. 12 сентября вторая эскадра вернулась въ Аузу.

Кромѣ этихъ большихъ походовъ, совершенныхъ двумя эскадрами, въ томъ же 1771 году было совершенно нѣсколько частныхъ удачныхъ нападеній нашихъ отдѣльныхъ судовъ на непріятеля. Такъ, 9 сентября фрегатъ «св. Павелъ» подошелъ къ острову Станчіо, и свезенный ночью десантъ овладѣлъ крѣпостью Кефало. 12 сентября трекатръ «св. Михаилъ», находясь къ сѣверо-западу отъ острова Лемноса, блестяще отразилъ нападеніе на него 5 турецкихъ галеръ. Командиръ трекатра, мичманъ Ушаковъ, сильнымъ огнемъ заставилъ отступить турокъ, которые пытались взять наше судно на абордажъ; наша потеря—1 убитый и 7 раненыхъ.

Въ концѣ ноября гр. А. Орловъ снова отправился въ Ливорно, и главнокомандующимъ опять остался адмиралъ Спиридовъ.

Съ начала 1772 года въ Балтійскомъ морѣ готовилась къ походу въ Архипелагъ новая вспомогательная эскадра изъ 3 кораблей («Чесма», «Побѣда», и «Графъ Орловъ»), подъ командой контръ-адмирала В. Я. Чи-

чагова. Эскадра эта прибыла въ Архипелагъ въ октябрѣ, послѣ чего Чичаговъ, вслѣдствіе полученнаго предписанія, отправился въ Петербургъ.

Военныя дѣйствія въ 1772 году въ Архипелагѣ начались взятіемъ 28 февраля фрегатомъ «св. Павелъ» у острова Родоса турецкаго трекатра съ 2 пушками и 4 фальконетами.

4 января изъ Аузы былъ отправленъ на станцію между Негропонтомъ и Сирой небольшой отрядъ генералъ-адъютанта Ризо. Въ половинѣ апрѣля этотъ отрядъ, съ присоединившимися къ нему судами (всего 4 пинка, 1 шебека и 2 полугалеры) направился къ берегамъ Сиріи; шебека заходила сначала на африканскій берегъ, въ Даміетту (въ устьяхъ Нила) для сношенія съ Али-Пашою Египетскимъ, который искалъ сближенія съ Россіей, а затѣмъ присоединилась къ отряду въ Каффѣ. По указаніямъ, даннымъ Али-Пашою, Ризо изъ Каффы перешелъ въ Бейрутъ, уничтожилъ здѣсь турецкій фрегатъ, бомбардировалъ крѣпость, высаженнымъ десантомъ наполовину сжегъ городъ и въ половинѣ іюля вернулся въ Аузу. Часть отряда Ризо участвовала, вмѣстѣ съ войсками Али-Паши, въ отраженіи нападенія турокъ на городъ Сидонъ.

27 февраля изъ Аузы отправилась эскадра контръ-адмирала Елманова изъ 4 кораблей, 5 фрегатовъ, 1 бомбардирскаго судна и 1 пакетбота. Елманову дано было назначеніе прекратить подвозъ припасовъ изъ Архипелага въ Константинополь и встрѣтить Алжирскую эскадру (6 фрегатовъ и 6 галеръ), пробравшуюся, по нашимъ свѣдѣніямъ, въ Константинополь и теперь вышедшую оттуда. При подходѣ Елманова къ Дарданелламъ Алжирская эскадра поспѣшно скрылась въ проливъ. За время блокады Елмановымъ Дарданеллъ было нѣсколько случаевъ удачныхъ захватовъ нами турецкихъ судовъ: 5 марта 10-весельный катеръ съ корабля «Побѣдоносецъ» взялъ на абордажъ турецкую соколеву; 7 марта корабль «Ростиславъ» при входѣ въ Дарданеллы атаковалъ 6 турецкихъ судовъ и частью потопилъ, частью сжегъ ихъ; 28 мая два бота съ кораблей «Всеволодъ» и «Ростиславъ» послѣ погони у Дарданеллъ взяли на абордажъ турецкій трекатръ съ 4 пушками и 4 фальконетами.

19 мая было заключено перемиріе въ арміи Румянцева, а 20 іюля и въ Архипелагѣ.

Гр. Орловъ, снова вернувшійся въ Аузу и замѣнившій Спиридова, который ненадолго отправился лѣчиться въ Ливорно, прилагалъ всѣ старанія, чтобы турки, пользуясь перемиріемъ, не усилили своего флота. Въ помощь Турціи теперь вооружались отряды судовъ алжирскихъ, тунисскихъ, триполійскихъ и дульциніотскихъ пиратовъ. Приходилось держать въ строгой блокадѣ Дарданеллы, и эту задачу флотъ выполнялъ непрерывно.

Перемиріе, заключенное съ Турціей, было недолгимъ. 19 сентября переговоры были прерваны и флоту снова предстояли военныя дѣйствія.

Для наблюденія за непріятелемъ гр. Орловъ немедленно отправилъ три отряда: первый (2 фрегата, шебека и 2 поллаки) на станцію между островами Цериго, Критомъ и берегами Мореи для наблюденія за дви-

женіями дульциніотовъ; второй отрядъ (фрегатъ, пакетботъ и поллака) для занятія острова Самоса и пролива, отдѣляющаго островъ отъ материка; третій отрядъ (фрегатъ и нѣсколько мелкихъ судовъ) къ островамъ Родосу, Кипру и берегамъ Египта.

Въ это время Капуданъ-Паша извѣстилъ гр. Орлова о новомъ перемиріи, заключенномъ Румянцевымъ на 40 дней, и просилъ не начинать военныхъ дѣйствій, но гр. Орловъ, имѣя основанія подозрительно отнестись къ этому заявленію, подъ разными предлогами отъ перемирія уклонился, хотя оно, дѣйствительно, было заключено, и этимъ стѣснилъ турокъ въ ихъ новыхъ военныхъ приготовленіяхъ. Чтобы не дать непріятелю возможности оправиться, гр. Орловъ 15 октября отправилъ особую эскадру контръ-адмирала Грейга (4 фрегата и бомбардирскій корабль) къ Хіосскому проливу; отсюда Грейгъ 24 октября, по истеченіи указаннаго турками срока перемирія, перешелъ къ крѣпости Чесмѣ и атаковалъ ее. Суда наши, встрѣченныя сильнымъ огнемъ, стали на якорь не болѣе какъ въ 150 саженяхъ отъ крѣпости и скоро заставили ее замолчать. Нашей бомбардировкой были сбиты на крѣпости пушки, пробиты крѣпостныя стѣны и разрушено множество домовъ; высаженный десантъ (лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и албанцы) овладѣлъ форштадтомъ и магазинами, сжегъ ихъ, захватилъ 2 пушки и 5 фальконетовъ; огнемъ съ фрегатовъ были истреблены стоявшія въ порту мелкія непріятельскія суда, кромѣ пяти, взятыхъ въ плѣнъ; потеря наша — 9 убитыхъ, 10 раненыхъ.

Въ эти же дни оправдалось прозорливое недовѣріе гр. Орлова къ искренности стремленій Турціи къ миру. Раскрылся грандіозный, давно готовившійся и тщательно продуманный турками планъ нападенія ихъ соединеннаго флота на островъ Паросъ, съ цѣлью истребленія всего русскаго флота и взятія крѣпости и города Аузы. Планъ этотъ долженъ былъ быть приведенъ въ исполненіе до истеченія срока перемирія и заключался въ слѣдующемъ.

Въ нападеніи должны были участвовать 5 эскадръ. Первая, дульциніотская (47 фрегатовъ и шебекъ съ 8000 десанта), должна была, выйдя изъ Адріатическаго моря, принять у береговъ Мореи новый десантъ въ 4000 человѣкъ; вторая, тунисская (6 фрегатовъ и 16 шебекъ), должна была принять на Критѣ десантъ въ 3000 человѣкъ и соединиться съ дульциніотской; третья эскадра формировалась изъ судовъ, находившихся у острова Родоса и Будрума и тамъ же, въ Будрумѣ, должна была принять десантныя войска; четвертая и пятая (турецкая и алжирская) эскадры, находившіяся въ Константинополѣ, должны были, выйдя изъ Дарданеллъ, соединиться съ судами, взявшими десантныя войска съ острововъ Тенедоса, Лемноса, Митилены и Хіоса. Всѣ пять эскадръ должны были идти къ острову Паросу, чтобы внезапнымъ нападеніемъ сжечь весь стоящій тамъ на якорѣ русскій флотъ и истребить всѣ наши войска, уничтожить русское адмиралтейство и всѣ строенія. Короче сказать, планъ турокъ заключался въ совершенномъ истребленіи нашего флота и нашихъ войскъ.

Приведеніе этого плана къ полному крушенію является заслугой капитана I ранга Коняева. Ему было поручено командованіе эскадрой, состоящей изъ кораблей «Чесма» и «Графъ Орловъ» и отряда лейтенанта графа Войновича (фрегаты «Николай» и «Слава», шебеки «Забіяка» и поллакъ «Модонъ» и «Ауза»), державшагося съ сентября на станціи между островами Цериго и Критомъ и берегами Мореи. Получивъ отъ главнокомандующаго приказаніе истребить дульциніотскую эскадру и узнавъ, что въ Патрасѣ находятся подъ начальствомъ Капудана-Паши 9 фрегатовъ и 16 шебекъ и ожидается туда же изъ Корфу 12 судовъ съ десантомъ, Коняевъ рѣшилъ атаковать въ Патрасѣ непріятеля, предупредивъ увеличеніе его этими силами. Войдя 26 октября въ Патрасскій заливъ, Коняевъ встрѣтилъ всю турецкую эскадру изъ 25 судовъ и атаковалъ ее; подъ сильнымъ огнемъ нашихъ судовъ турки отступили подъ прикрытіе береговыхъ батарей, а одинъ фрегатъ и 2 шебеки, не выдержавъ жестокой стрѣльбы, «принуждены были спасать себя бѣгствомъ по вѣтру». Подъ огнемъ съ батарей наши суда загнали эти три судна на мель и, послѣ отчаяннаго сопротивленія непріятеля, сожгли ихъ. Въ шестомъ часу вечера наша эскадра вступила съ турецкой въ перестрѣлку, но наступившая темнота заставила прекратить бой. Коняевъ остался на ночь подъ парусами. 27 октября задулъ свѣжій противный вѣтеръ и нашей эскадрѣ пришлось долго лавировать, чтобы сблизиться съ турецкой, стоявшей на якорѣ между крѣпостью Патрасъ и устьемъ Лепантскаго залива. Только къ вечеру Коняевъ сблизился съ непріятелемъ и открылъ огонь, но его въ 7 часу изъ-за темноты пришлось прекратить.

Утромъ 28 октября наша эскадра стала подходить къ непріятелю и была встрѣчена съ двухъ крѣпостей и турецкихъ судовъ жестокимъ огнемъ. По диспозиціи, заранѣе объявленной Коняевымъ, эскадра подошла къ туркамъ на возможно близкое разстояніе. Корабли «Чесма» (флагманскій Коняева) и «Графъ Орловъ» и фрегатъ «Николай» стали на якорь, остальныя суда держались подъ парусами. Въ $11^{1}/_{2}$ часовъ утра съ нашихъ судовъ открыли по непріятелю стрѣльбу — ядрами, брандскугелями, книпелями и картечью. Непріятельскія суда загорѣлись; турки стали бросаться въ воду, стрѣльба картечью съ нашей эскадры усилилась. Попытка Коняева взять въ плѣнъ оставленныя непріятелемъ суда успѣха не имѣла; турецкія суда сидѣли на мели, и ихъ пришлось сжечь.

Въ разгаръ боя съ навѣтра показался шедшій подъ парусами турецкій фрегатъ, который былъ принятъ нами за брандеръ, и потому обоимъ нашимъ кораблямъ и фрегату, стоявшимъ на якорѣ, пришлось сниматься, вступать подъ паруса и вести бой при лавировкѣ. Этотъ фрегатъ также былъ сожженъ нами. Всего сожжено было 7 фрегатовъ и 8 шебекъ; изъ остальныхъ 7 судовъ (фрегатъ и 6 шебекъ), во время укрывшихся въ глубинѣ Лепантскаго залива, на слѣдующій день затонулъ фрегатъ (адмиральскій). Наши потери въ Патрасскомъ сраженіи, за которое Коняевъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 3 степени,

были незначительны: на кораблѣ «Чесма» убитъ лейтенантъ Козминъ, ранены 1 офицеръ и 5 матросовъ, на одной изъ поллакъ раненъ 1.

Патрасская побѣда, приведшая къ крушенію планъ турокъ о соединеніи дульциніотской и тунисской эскадръ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и весь ихъ грандіозный планъ нападенія на наши силы, былъ торжественнымъ образомъ привѣтствованъ всѣмъ нашимъ флотомъ, вышедшимъ для этого навстрѣчу эскадрѣ Коняева у острова Миконо.

Въ дальнѣйшемъ развитіи военныхъ дѣйствій графъ Орловъ былъ снова стѣсненъ перемиріями, которыя заключались въ Бухарестѣ и распространялись на Архипелагъ, и указаніями объ ослабленіи блокады Дарданеллъ, дѣлавшимися изъ Петербурга графомъ Панинымъ. Побужденія, которыми руководствовался при этомъ графъ Панинъ, основывались на нежеланіи создавать, изъ-за захвата нашимъ флотомъ шедшихъ въ Константинополь нейтральныхъ судовъ съ грузомъ провіанта, непріятныя хлопоты съ иностранными державами. Гр. Орловъ долженъ былъ уступить, и блокада Дарданеллъ поневолѣ сдѣлалась фиктивной.

Въ промежутокъ между двумя перемиріями гр. Орловъ, узнавъ, что Турція вооружаетъ противъ насъ суда у береговъ Африки, въ устьѣ Нила, отправилъ туда фрегатъ «св. Павелъ» и одну поллаку, давъ приказаніе командиру фрегата, лейтенанту Алексіано, уничтожить эти суда. 21 октября Алексіано, придя въ Даміетту, былъ встрѣченъ съ крѣпости сильнымъ огнемъ, но подъ этимъ огнемъ онъ вошелъ въ портъ, сталъ на якорь и послѣ двухчасового боя потопилъ два большихъ судна и нѣсколько малыхъ. Выйдя изъ бухты, Алексіано на слѣдующій день нѣсколькими выстрѣлами принудилъ къ сдачѣ еще одно большое судно, шедшее къ Даміеттѣ; въ числѣ 120 человѣкъ сдавшихся былъ Селимъ-бей, посланный со знаменемъ Магомета изъ Дамаска для принятія командованія надъ вооруженными судами.

3. Дѣйствія русской эскадры въ Архипелагѣ въ 1772—1774 г.г.

Осенью 1772 года гр. Орловъ снова отправился лѣчиться въ Ливорно. Всю зиму 1773 года Спиридовъ держалъ подъ присмотромъ Дарданеллы, посылая туда посмѣнно эскадры въ составѣ 4—5 кораблей, 4 фрегатовъ и мелкихъ судовъ. Другая эскадра (6 кораблей и 4 фрегата), на которой по возвращеніи изъ Италіи находился гр. Орловъ, всю зиму крейсеровала у острова Миконо.

Въ началѣ іюня, по истеченіи новаго срока перемирія, былъ отправленъ небольшой отрядъ къ берегамъ Мореи; изъ осмотра береговъ убѣдились, что на всемъ пространствѣ отъ Наварина до Наполи-ди-Романія турецкихъ судовъ не встрѣчается.

Въ іюлѣ были сформированы 3 дивизіи: адмирала Спиридова—для прикрытія дѣйствій остального флота, контръ-адмирала Елманова и капитанъ-лейтенанта Кривцова—для разоренія турецкихъ береговъ на материкѣ и островахъ; были отправлены, кромѣ того, отрядъ фонъ-Дезина къ острову Патмосу для пресѣченія всякаго движенія турецкихъ судовъ,

отряды лейтенанта графа Войновича и капитана 2 ранга Кожухова—къ берегамъ Сиріи (гр. Войновичъ былъ посланъ туда еще въ концѣ апрѣля), и отрядъ капитанъ-лейтенанта Извѣкова къ острову Митилена.

Дивизія Спиридова два мѣсяца держалась у островов Арчо и Липсо (немного южнѣе Патмоса), затѣмъ, по присоединеніи къ ней Елманова, ходила къ острову Тассо, захватила тамъ строевой лѣсъ для починки кораблей и возвратилась вмѣстѣ со второй эскадрой къ 19 ноября.

Дѣйствія Елманова начались съ нападенія на Будрумъ, куда дивизія (2 корабля, 1 фрегатъ, 1 пинкъ и 3 бомбардирскихъ корабля) прибыла 30 іюля и сталъ на якорь подъ стѣнами города; весь городъ былъ въ эту ночь нашей бомбардировкой сожженъ. Въ ту же ночь и на слѣдующее утро былъ свезенъ десантъ въ 1461 человѣкъ, выбившій турокъ изъ форштадта; лейтенантъ Бухаринъ съ 20 матросами сжегъ 2 полугалеры, фелюгу и адмиралтейскіе и провіантскіе магазины; стоявшему въ гавани турецкому фрегату были нанесены большія поврежденія. Наша потеря подъ Будрумомъ—21 убито, 25 ранено; потеря турокъ — около 300 убитыми и ранеными. Отъ Будрума Елмановъ перешелъ къ острову Станчіо, гдѣ нашъ десантъ въ 1410 человѣкъ былъ встрѣченъ превосходными силами турокъ (въ 5000 человѣкъ) и принужденъ отступить; мы потеряли при этомъ 86 человѣкъ убитыми и 44 ранеными. 15 августа Елмановъ соединился со Спиридовымъ.

Дѣйствія у береговъ Сиріи были весьма успѣшны. Гр. Войновичъ (2 фрегата, шхуна и 4 полугалеры) сначала крейсеровалъ между островомъ Кипромъ и малоазіатскимъ берегомъ, а 12 іюня пришелъ къ городу Сурѣ. Здѣсь онъ получилъ извѣстіе, что отложившійся отъ Турціи друзскій шейхъ (изъ Акры) проситъ у него помощи противъ турокъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ шейхъ выражалъ свое желаніе о принятіи друзовъ подъ покровительство Россіи. Гр. Войновичъ удовлетворилъ эту просьбу и отрядилъ шхуну «Забіяка» для блокады, совмѣстно съ друзскими судами, Бейрута; эта блокада прекратила подвозъ къ городу съѣстныхъ припасовъ. 17 іюля прибылъ въ Каффу отрядъ капитана 2 ранга Кожухова (2 фрегата, 5 поллакъ и 2 полугалеры), который принялъ въ командованіе подошедшій къ Каффѣ отрядъ гр. Войновича и рѣшилъ атаковать Бейрутъ.

25 іюля Кожуховъ началъ правильную блокаду и бомбардировку Бейрута; высаженный на берегъ десантъ соединился съ друзами и велъ осаду крѣпости. 30 сентября Бейрутъ сдался Кожухову. Нами взяты были 2 полугалеры съ 17 пушками, 14 пушекъ въ крѣпости, 1 мортира и 9 фальконетовъ, много драгоцѣннаго ручного оружія, дорогихъ тканей и посуды. Кожуховъ, кромѣ того, взялъ съ турокъ 300.000 піастровъ контрибуціи, раздѣливъ ихъ, согласно Морского устава, между судовыми командами. Въ одномъ изъ пунктовъ договора о капитуляціи значилось о признаніи Турціей друзовъ состоящими подъ покровительствомъ Россіи. Наша потеря подъ Бейрутомъ за все время—34 убитыхъ, 96 раненыхъ; 2 офицера умерло отъ ранъ. Въ половинѣ января 1774 года нашъ отрядъ, отозванный вслѣдствіе начавшихся переговоровъ о мирѣ, вернулся въ Архипелагъ, оставивъ Бейрутъ во владѣніи друзовъ.

Въ февралѣ 1774 года адмиралъ Спиридовъ, уволенный по его просьбѣ въ отставку, отправился въ Италію, сдавъ командованіе флотомъ Елманову, произведенному въ вице-адмиралы. 6 сентября этого года къ флоту прибыла изъ Кронштадта новая эскадра, контръ-адмирала Грейга, изъ 4 кораблей («Исидоръ», «Александръ Невскій», «Мироносицъ», «Дмитрій Донской») и 2 фрегатовъ («Павелъ» и «Наталія»).

Военныя дѣйствія въ 1774 году, когда уже опредѣленно приближалось заключеніе мира, ограничивались посылкой эскадръ въ крейсерство въ разные пункты Архипелага и разореніемъ прибрежій материка и острововъ. Изъ отдѣльныхъ эпизодовъ заслуживаютъ быть отмѣченными взятіе десантомъ съ фрегата «Слава» и 4-хъ мелкихъ судовъ батареи (4 пушки) въ Хіосскомъ проливѣ и взятіе десантомъ въ 160 человѣкъ съ фрегата «св. Павелъ» крѣпости на островѣ Имбросъ; намъ досталось 16 орудій, 4 бочки пороху и 4200 ядеръ.

22 іюля, когда эскадра вице-адмирала Елманова находилась у острова Тассо, русскій офицеръ, прибывшій на турецкой галерѣ отъ Румянцева, доставилъ Елманову извѣщеніе о заключеніи 10 іюля Кучукъ-Кайнарджійскаго мира.

По условіямъ мирнаго договора Россія обязалась возвратить Турціи всѣ архипелажскіе острова и очистить Архипелагъ отъ присутствія русскаго флота.

Архипелажская экспедиція закончилась.

И. Значеніе Архипелажской экспедиціи. Графъ Орловъ-Чесменскій и адмиралъ Спиридовъ.

Только въ слѣдующемъ, 1775 году, русскій флотъ вернулся въ Россію.

Императрица поручила графу Чернышеву написать Адмиралтействъ-Коллегіи, что «Она посылку флота своего въ Архипелагъ, преславное его тамо бытіе и счастливое возвращеніе въ свои порты, за наиблагополучнѣйшее происшествіе государствованія своего почитать изволитъ».

Въ 1776 году, во время Высочайшаго смотра флоту, участвовавшему въ Архипелажской экспедиціи, на шканцахъ корабля «Ростиславъ», въ присутствіи Императрицы съ блестящей свитой и иностранныхъ пословъ, былъ прочитанъ рескриптъ, въ которомъ флоту выражалась благодарность «за храбрость, искусство и усердные подвиги», «которыми пріобрѣли вѣчную славу морскія Россійскія силы». «Не исчисляемъ побѣдъ», говорилось въ рескриптѣ, «завоеваній и владычества въ Архипелагѣ, въ Мореѣ и при берегахъ Европы, Азіи и Африки,—свѣту оныя столько же извѣстны, какъ очевиднымъ свидѣтелямъ».

Такая лестная оцѣнка дѣятельности флота въ Архипелажской экспедиціи была, по справедливости, заслуженной.

Посланный въ качествѣ транспортнаго средства для дѣйствій нашихъ сухопутныхъ войскъ у береговъ Мореи, флотъ, послѣ неудачи



Адмиралъ Григорій Андреевичъ Спиридовъ.

Съ портрета въ музеѣ Морского Корпуса.

нашихъ десантовъ, самъ перешелъ въ дѣйствующую силу, и здѣсь превзошелъ самого себя. Чесма, заставившая говорить о себѣ Европу, покорила «подъ нози» Екатерины десятки Архипелажскихъ острововъ, и только политическая близорукость нашихъ дипломатовъ привела къ тому, что за Россіей ни одинъ изъ этихъ острововъ,—а изъ нихъ было много со всѣми качествами прекрасныхъ базъ для большого флота,—не остался.

Дѣйствія флота въ этой экспедиціи были широко учтены при заключеніи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира. Уничтоженіе турецкаго флота при Чесмѣ и постоянныя отвлеченія турецкихъ силъ къ Архипелагу отозвались ослабленіемъ турецкихъ силъ въ Черномъ морѣ, и въ необходимости, ведя борьбу на Дунаѣ, держать сухопутныя силы въ тылу Константинополя.

Политическая обстановка, въ которой пришлось дѣйствовать флоту, была болѣе благопріятной въ началѣ, чѣмъ въ концѣ. Посылка флота отдѣльными, разновременно выходившими изъ Балтійскаго моря эскадрами, давала возможность не дѣлать изъ экспедиціи шумихи, которая могла бы встревожить Европу; послѣдовавшая затѣмъ Чесма однимъ своимъ громкимъ именемъ открывала проходъ вокругъ Европы остальнымъ нашимъ эскадрамъ. Во вторую половину пребыванія въ Архипелагѣ дѣйствія флота значительно стѣснялись, какъ заключавшимися Румянцевымъ перемиріями, такъ и ограниченіями въ строгой блокадѣ Дарданеллъ, которыя предписывались изъ Петербурга.

Архипелажская экспедиція ввела Россію въ болѣе широкій кругъ внѣшней политики, чѣмъ это было когда-либо, и тѣмъ способствовала возвышенію и укрѣпленію русскаго престижа въ глазахъ не только европейскихъ державъ, но и странъ сѣверной Африки, завязавшихъ сношенія съ Россіей.

Вліяніе Архипелажской экспедиціи на европейскую политику Россіи особенно сильно сказалось впослѣдствіи, когда Императрица Екатерина II, опираясь на прогремѣвшее по всему свѣту имя Чесмы, съ такимъ гордымъ сознаніемъ своей силы продиктовала Европѣ начала морского вооруженнаго нейтралитета.

Архипелажская же экспедиція выяснила значеніе для Россіи Средиземнаго моря, какъ театра для воздѣйствій флота въ войнахъ противъ Турціи, и политическую цѣнность прилегающихъ къ этому морю странъ, изъ которыхъ многія (Греція, Черногорія, друзская Сирія, христіанское населеніе Алжира, отчасти Египта) видѣли въ Россіи покровительницу и заступницу, а нѣкоторыя вскорѣ же, при Екатеринѣ, искали съ Россіей сближенія (Марокко) и даже подданства (островъ Корсика).

Россіи должна быть особенно дорога память о двухъ высшихъ участникахъ экспедиціи, графѣ Орловѣ и адмиралѣ Спиридовѣ.

Графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, имѣвшій при вступленіи въ должность главнокомандующаго всего 32 года отъ роду, выказалъ, особенно въ періодъ долговременной блокады Дарданеллъ, несомнѣнныя достоинства въ верховномъ командованіи. Его ошибки за первый

періодъ войны (возложеніе главныхъ операцій на сухопутныя силы, недостаточная освѣдомленность о качествахъ грековъ, какъ боевого матеріала, нѣкоторая растерянность передъ Чесменскимъ сраженіемъ, оправдывающаяся, впрочемъ, новизною для него морского дѣла, неиспользованіе Чесмы и др.) искупаются той стойкостью, которую онъ обнаружилъ при вопросѣ о блокадѣ Дарданеллъ въ борьбѣ съ Петербургомъ, откуда гр. Панинъ всячески мѣшалъ ему «оголодить Константинополь». Большая заслуга гр. Орлова заключается также и въ прозорливомъ предвидѣніи разгаданнаго имъ турецкаго плана, слѣдствіемъ чего была Патрасская побѣда.

Въ адмиралѣ Григоріи Андреевичѣ Спиридовѣ необходимо отмѣтить, прежде всего, то, что онъ, единственный изъ участниковъ экспедиціи, былъ тѣмъ звеномъ, которое, черезъ печальный для флота періодъ ближайшихъ преемниковъ Петра Великаго, связало эпоху Великаго Основателя флота съ эпохой Екатерины II.

Относительно года рожденія Спиридова существуютъ разныя даты, приблизительно — 1713 годъ; но изъ того, что онъ началъ службу въ 1723 году и участвовалъ въ Персидскомъ походѣ, ясно, что эти даты не вѣрны. Въ 1761 году, командуя кораблемъ «св. Андрей Первозванный», Спиридовъ отличился при взятіи русской (Вуншевой) батареи подъ Кольбергомъ; въ 1762 году произведенъ въ контръ-адмиралы, въ 1764 г. въ вице-адмиралы и въ 1769, передъ назначеніемъ въ Архипелагъ, произведенъ въ адмиралы. Передъ принятіемъ назначенія Спиридовъ жаловался Императрицѣ на свою старость и дряхлость, но Екатерина не сочла возможнымъ замѣнить Спиридова, и онъ отправился въ Архипелагъ. Проходя Англійскимъ каналомъ, Спиридовъ впервые, съ основанія русскаго флота, не исполнилъ существовавшаго до него обычая салютовать англичанамъ въ знакъ уваженія къ ихъ морскому могуществу.

Въ Архипелагѣ Спиридовъ оказался въ подчиненіи у графа Орлова, въ сравненіи съ нимъ почти мальчика, и, по свойственной ему скромности, старался сглаживать недоразумѣнія, которыя иногда происходили между нимъ и молодымъ главнокомандующимъ. Относительно громкаго титула «Чесменскій» надо сказать, что и по личному участію, и по высшему руководству боемъ Спиридовъ имѣлъ на него больше права, чѣмъ гр. Орловъ, получившій титулъ по личному благоволенію къ нему Императрицы, хотя онъ тогда еще не вошелъ въ пониманіе обстановки морской войны, а за неудачи начатыхъ и брошенныхъ имъ дѣйствій въ Мореѣ заслуживалъ осужденія, особенно за то, что, выгораживая себя, въ донесеніяхъ Императрицѣ всю вину за неудачи перелагалъ на грековъ. «Здѣшніе народы», писалъ онъ, «льстивы, обманчивы, непостоянны, дерзки и трусливы»; «робость Грековъ и Майнотовъ лишаетъ меня совсѣмъ надежды».

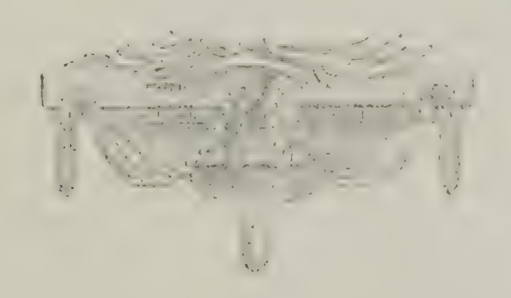
Въ оцѣнкѣ владѣнія нами островами Архипелага Спиридовъ выказалъ глубокое пониманіе ихъ стратегическаго значенія.

«За главную надобность», писалъ Спиридовъ графу Орлову, «содержать до миру въ подданствѣ (эти острова) признаваю: вопервыхъ славу

нашей Великой Государыни, что Она, Великая наша Государыня, владѣетъ въ Архипелагѣ Греческомъ отъ Негропонто до Анатоліи Архипелагскимъ Великимъ Княжествомъ, а во-вторыхъ, ежели при мирѣ останутся у ней Великой Государыни, или доставится вольность (имъ), то сіе также увеличитъ славу Ея Величества; въ третьихъ же, когда оные до миру острова за нами останутся, то по близости къ Негропонту, къ Мореѣ и Малой Азіи, затворяютъ, чрезъ нашихъ крейсеровъ, отъ Кандіи и Египта, къ Смирнѣ, Салоникѣ и Константинополю, также и отъ оныхъ мѣстъ въ Средиземное море, входъ непріятельскихъ военныхъ и съ ихъ турецкими грузами судовъ, такъ какъ бы обоими частьми Свѣта въ воротахъ... А четвертое, мы имѣемъ теперь надежное, военное, сборное у себя мѣсто—островъ Паросъ и портъ Аузу... и весьма сіе мѣсто нужно, чтобъ до миру его отнюдь не оставить, а укрѣпиться елико возможно... Ежели бы Англичанамъ или Французамъ сей островъ съ портомъ Аузэю и Анти-Паросомъ продать, то бъ, хотя и имѣютъ они у себя въ Медитераніи свои порты, не одинъ милліонъ червонныхъ съ радостію бъ дали».

Къ сожалѣнію ни графъ Орловъ, ни графъ Румянцевъ, заключившій миръ съ Турціей, не оцѣнили въ должной степени глубокой мысли Спиридова, осуществленіе которой дало бы Россіи въ послѣдующихъ войнахъ съ Турціей несомнѣнныя выгоды, упрочило бы наше вліяніе въ Средиземномъ морѣ и, быть можетъ, кореннымъ образомъ разрѣшило Восточный вопросъ.

Старость и дряхлость, въ связи съ несогласіями съ графомъ Орловымъ, все болѣе одолѣвали Спиридова, и въ 1773 году престарѣлый адмиралъ, служившій еще Петру Великому, ушелъ въ отставку, съ начала и до конца честно исполнивъ свой долгъ въ архипелажской экспедиціи, этомъ «благополучнѣйшемъ происшествіи государствованія» Екатерины Великой.





III. Созданіе флота на Черномъ морѣ. Вторая турецкая война.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. В. Новиновымъ.**

1. Дѣятельность Потемкина по созданію флота и по оборудованію южнаго театра войны.

Операціонное направленіе царствованія Императрицы Екатерины II, выразившееся въ рѣшительномъ стремленіи Россіи утвердиться на берегу Чернаго моря и тѣмъ закончить государственное географическое формированіе на югѣ, требовало съ окончаніемъ первой турецкой войны неослабной энергіи въ подготовкѣ средствъ для продолженія борьбы.

Послѣдняя была неизбѣжна. Турція не желала признавать обязательствъ Кучукъ Кайнарджійскаго трактата и, возбуждаемая интригами Европы, втайнѣ готовилась съ оружіемъ въ рукахъ вернуть себѣ утраченное значеніе въ Крыму и на Черномъ морѣ.

Съ другой стороны Россія, начавъ съ такимъ успѣхомъ дѣло утвержденія своего на Черномъ морѣ, уже не могла останавливаться на полпути.

Первая турецкая война, веденная въ большей своей части на сухопутномъ театрѣ, показала всю трудность достиженія рѣшительнаго успѣха только съ помощью арміи.

Едва была кончена война, какъ Россія поспѣшила приступить къ созданію флота на Черномъ морѣ. Теперь это было вполнѣ возможно: по Кучукъ-Кайнарджійскому миру Турція признавала независимость Крыма и тѣмъ отрекалась отъ него въ пользу Россіи. Это давало намъ береговую полосу съ удобнѣйшей гаванью Ахтіаромъ (будущій Севастополь). Вторымъ пріобрѣтеніемъ Россіи по тому же миру были устья Днѣпра до Лимана, что давало намъ здѣсь вторую базу для флота.

Здѣсь то и было рѣшено начать созданіе флота.

Сознавая всю сложность разрѣшенія цѣлаго ряда вопросовъ въ связи съ утвержденіемъ Россіи на Черномъ морѣ, Императрица Екатерина, разработавъ основную программу, возложила ея выполненіе на самое близкое ей лицо—своего любимца и ученика, Потемкина, таланты котораго и изумительная способность творить не могли не внушить ей полнаго довѣрія.

Въ 1775 г. Потемкинъ въ званіи намѣстника Новороссійскаго [illegible] вступилъ въ исполненіе своихъ обязанностей.

Геній Потемкина и его творчество проявили себя въ полномъ [illegible]. Облеченный полнымъ довѣріемъ Императрицы, не стѣсняемый въ

средствахъ, Потемкинъ въ короткое время сумѣлъ изъ пустынныхъ степей создать цвѣтущій край, заселенный осѣдлымъ русскимъ населеніемъ, возвелъ рядъ городовъ и крѣпостей, вызвалъ къ жизни рядъ отраслей промышленности, далъ области общегражданское управленіе, и тѣмъ подготовилъ почву для дальнѣйшихъ шаговъ Россіи къ Черному морю.

Онъ же явился создателемъ и военнаго обезпеченія Россіи на южномъ фронтѣ.

Особенное вниманіе было обращено Потемкинымъ на скорѣйшее созданіе морскихъ силъ для предстоящихъ дѣйствій на Черномъ морѣ. Вопросы о присоединеніи Крыма и овладѣніи свободнымъ выходомъ въ море черезъ Днѣпровскій лиманъ являлись первыми на очереди.

Въ 1775 г., по иниціативѣ Потемкина, Императрица предписала Адмиралтействъ-Коллегіи избрать на Днѣпровскомъ лиманѣ мѣсто для оборудованія морской базы. Произведенныя адмираломъ А. Сенявинымъ изслѣдованія лимана указали на лучшее для этой цѣли мѣсто около урочища Глубокая пристань, которое и было выбрано для будущаго военнаго порта.

Здѣсь было рѣшено немедленно создать портъ съ эллингами и магазинами на 20 большихъ судовъ. Годъ спустя въ этомъ мѣстѣ былъ заложенъ городъ Херсонъ, обнесенный укрѣпленіями. На берегу спѣшно возводилось адмиралтейство.

Дабы обезпечить новому адмиралтейству и флоту быстрое и самостоятельное развитіе, оно было изъято изъ вѣдѣнія Адмиралтействъ-Коллегіи, и получило свое собственное управленіе, во главѣ котораго былъ поставленъ по выбору самого Потемкина дѣятельный и знающій адмиралъ Клокачевъ.

Одновременно былъ намѣченъ и штатъ будущаго Черноморскаго флота. На первое время надлежало выстроить двѣнадцать линейныхъ кораблей 66-пушечнаго ранга, а число фрегатовъ, считая и имѣемые, довести до 20.

Не было оставлено судостроеніе и на Азовскомъ морѣ. Понимая всю трудность поставить судостроеніе въ Херсонѣ сразу на твердую почву, Потемкинъ распорядился, чтобы Азовскія верфи продолжали постройку фрегатовъ и мелкихъ судовъ, необходимыхъ для плаванія въ мирное время и для практики личнаго состава.

Въ 1783 г. съ окончательнымъ присоединеніемъ Крыма къ Россіи, было рѣшено основать новую морскую базу на Черномъ морѣ въ Ахтіарской бухтѣ, теперешнемъ Севастополѣ.

До сихъ поръ наличныя базы въ Таганрогѣ и Херсонѣ представляли изъ себя слишкомъ много неудобствъ. База въ Азовскомъ морѣ была слишкомъ удалена отъ театра военныхъ дѣйствій, а ея верфи могли строить только небольшія суда. База въ Херсонѣ, хотя и могла обслуживать нужды боевого морского флота, но являлась внутренней базой, которая могла быть въ случаѣ военныхъ дѣйствій закрыта Турціей, фактической владѣтельницей, съ помощью крѣпости Очакова, выхода изъ Днѣпровскаго лимана въ море.

Это и побудило Потемкина немедленно приступить къ оборудованію Ахтіара, какъ операціонной базы для флота.

Было рѣшено на первыхъ порахъ оборудовать этотъ портъ, получившій имя Севастополя, какъ портъ для сосредоточенія корабельнаго флота; въ Херсонѣ же и Таганрогѣ продолжать постройку судовъ, оставя за ними значеніе снабжающихъ базъ.

Въ 1783 г. въ Херсонѣ былъ спущенъ первый черноморскій линейный корабль «Слава Екатерины» (74-пуш.) и первый большой 50-пушечный фрегатъ «Св. Георгій Побѣдоносецъ», послѣ чего началось регулярное пополненіе молодого флота боевыми морскими судами.

Уже въ 1784 г. первая небольшая эскадра изъ нѣсколькихъ судовъ вышла изъ Днѣпровскаго лимана и подъ командой капитана графа Войновича крейсеровала около береговъ Крыма, а осенью вошла въ Севастопольскую бухту на зимовку.

Присоединеніе Крыма и появленіе нашихъ судовъ въ Черномъ морѣ сильно взволновали Турцію, которая едва не объявила войны. Дипломатическіе переговоры, начавшіеся по этому поводу, успѣли предотвратить столкновеніе, но въ то же время еще разъ показали, что скорый разрывъ неизбѣженъ.

Съ цѣлью скорѣйшаго и планомѣрнаго созданія флота, Императрица сочла необходимымъ подчинить его непосредственно Потемкину, который 13 августа 1785 г. вступилъ въ управленіе всѣмъ Черноморскимъ флотомъ съ его адмиралтействами и портами въ Черномъ, Азовскомъ моряхъ, на Днѣпрѣ и Дону. Одновременно ему былъ пожалованъ кейзеръ-флагъ, какъ намѣстнику Императрицы. Тогда же былъ окончательно утвержденъ и первый штатъ Черноморскаго флота, по которому было положено имѣть—12 линейныхъ кораблей 80-ти и 60-ти пушечнаго ранга, 20 большихъ фрегатовъ отъ 22 до 50 пушекъ и 23 мелкихъ судна съ общимъ числомъ 13.500 команды.

Столь значительное число кораблей требовало большого количества офицеровъ. Часть была переведена изъ Балтійскаго моря по выбору Потемкина, а часть была приглашена имъ на службу изъ иностранныхъ флотовъ, особенно англичанъ, которые шли на русскую службу съ большой охотой. Не мало было принято охотниковъ во флотъ и грековъ, занимавшихся корсарствомъ въ Архипелагѣ. Это были отличные опытные моряки, специализировавшіеся на борьбѣ съ турками на морѣ, которые охотно являлись къ Потемкину съ своими легкими хорошо вооруженными судами для несенія крейсерской службы.

Организованные изъ нихъ летучіе отряды впослѣдствіе отлично выполняли свое боевое и развѣдочное назначеніе, и наводили страхъ по всему турецкому побережью, уничтожая торговыя суда и безпокоя непріятеля.

Вступивъ въ непосредственное управленіе флотомъ, Потемкинъ, несмотря на все отсутствіе опыта въ столь сложномъ дѣлѣ, какъ управленіе морской силой, съ первыхъ же шаговъ выказалъ себя человѣкомъ геніальныхъ способностей, ясно понимающимъ главнѣйшія основы этого новаго сложнаго дѣла.

Проницательный отъ природы, онъ, не увлекаясь мелочами, съ рѣдкимъ предвидѣніемъ умѣлъ создавать благопріятныя условія для развитія ввѣреннаго его заботамъ флота.

Обладая даромъ удачнаго выбора своихъ помощниковъ, Потемкинъ управлялъ ихъ дѣятельностью точными, опредѣленными директивами, не вмѣшиваясь въ детали и не стѣсняя ничьей инипіативы, которую умѣлъ цѣнить и поддерживать.

Ближайшее знакомство съ дѣятельностью «великолѣпнаго князя Тавриды» совершенно уничтожаетъ создавшійся по немногимъ фактамъ миѳъ о распущенномъ самодурѣ, властолюбивомъ деспотѣ, подчинявшемъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ безудержному произволу и разнузданнымъ проявленіямъ честолюбія и эгоизма.

Напротивъ, это былъ замѣчательный государственный дѣятель, дѣйствовавшій по опредѣленной программѣ, человѣкъ, стоявшій въ культурномъ отношеніи на голову выше всѣхъ своихъ современниковъ, творившій великое дѣло государственнаго формированія во имя величія обожаемой Императрицы и родины.

Это былъ человѣкъ, влюбленный въ свое дѣло, гуманный и справедливый начальникъ, горячо заботящійся о благоденствіи своего края, своимъ простымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ окружавшимъ его и подчиненнымъ снискавшій всеобщую любовь.

2. Объявленіе войны Турціей.

Знаменитое путешествіе Императрицы Екатерины весной 1787 г. въ Тавриду дало возможность Потемкину представить Государынѣ плоды своего творчества и окончательно убѣдить ее въ необходимости закончить дѣло утвержденія Россіи на побережьѣ Чернаго моря.

Посѣтивъ Севастополь, гдѣ былъ собранъ молодой Черноморскій флотъ, Екатерина II, обсудивъ съ Потемкинымъ будущіе шаги Россіи, высказала совершенно опредѣленную мысль, которая должна была лечь въ основаніе плана дѣйствій.

Только что созданная операціонная база флота, Севастополь, была названа ею «путемъ въ Константинополь» и это совершенно опредѣленно говорило за характеръ надвигающагося будущаго.

Однако, ни Императрица, ни Потемкинъ не желали войны, находя ее преждевременной. Нашему послу въ Константинополѣ Булгакову были даны инструкціи всѣми мѣрами препятствовать инстинктамъ враждебныхъ державъ, чтобы отдалить разрывъ.

Незадолго до начала войны Императрица писала Потемкину о необходимости сохранить миръ: «весьма нужно протянуть два года, а то война прервëтъ построеніе флота .

Въ свою очередь Потемкинъ и Булгаковъ употребляли всѣ усилія къ тому же. Дѣйствительно, главный факторъ борьбы—флотъ—былъ еще слишкомъ слабъ, чтобы имѣть возможность вести интенсивную борьбу.

Больше всего опасался Потемкинъ за Севастополь, который былъ далеко не оборудованъ, какъ база и крѣпость.

Однако, и турки учитывали положеніе дѣлъ и потому уже искали предлога къ войнѣ.

Предъявивъ Булгакову рядъ недопустимыхъ требованій, въ родѣ возвращенія Крыма, и получивъ отказъ, Порта арестовала его, а нѣсколько дней спустя (21 августа) произвела отрядомъ своихъ судовъ нападеніе на наши суда: фрегатъ «Скорый» и ботъ «Битюгъ», стоявшія на брандвахтѣ въ Лиманѣ около Кинбурна.

Еще до этого турецкая эскадра приблизилась къ устьямъ лимана и выказывала совершенно опредѣленное стремленіе запереть выходъ нашимъ судамъ въ море.

3. Кампанія 1787 г. Подвиги Ломбарда и Веревкина.

Неожиданное начало военныхъ дѣйствій безъ объявленія войны застало наши морскія силы раздѣленными между двумя портами—Херсономъ и Севастополемъ.

Въ первомъ находилась эскадра подъ командой контръ-адмирала графа Войновича въ составѣ 3 кораблей, 7 фрегатовъ и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ. Во второмъ—3 корабля, 3 фрегата, 1 ботъ, 7 галеръ, 2 плавучихъ батареи и нѣсколькихъ мелкихъ судовъ, подъ командой начальника Черноморскаго флота и портовъ контръ-адмирала Н. С. Мордвинова. Кромѣ того нѣсколько большихъ судовъ спѣшно достраивались въ Херсонѣ.

Турецкая эскадра, сосредоточенная у Очакова, состояла изъ 3 кораблей, 1 фрегата и 15 мелкихъ парусныхъ судовъ, 15 гребныхъ галеръ и пр. Ею командовалъ извѣстный своей храбростью капуданъ-паша Эски-Гасанъ.

Одновременно были получены извѣстія, что въ различныхъ пунктахъ турецкаго побережья находятся отряды судовъ, которые будутъ постепенно стягиваться къ Очакову.

Планъ Турціи обозначился въ общихъ чертахъ—стремленіемъ запереть нашъ флотъ въ лиманѣ съ цѣлью не допустить его соединиться съ эскадрой Войновича; достигнувъ этого, турки намѣревались разбить нашъ флотъ по частямъ, броситься на Херсонъ, уничтожить тамъ базу, а затѣмъ, владѣя моремъ, перебросить сильный десантъ въ Крымъ и захватить послѣдній.

Раздѣленность нашихъ морскихъ силъ и ихъ слабость поставили Потемкина въ весьма тяжелое положеніе: главная причина войны — Крымъ былъ совершенно необезпеченъ съ наиболѣе уязвимой стороны —моря.

Не были готовы и сухопутныя войска. Съ началомъ войны они спѣшно стягивались къ пограничнымъ пунктамъ сосредоточенія, чтобы произвести развертываніе по линіи Днѣпръ-Бугъ.

Больше всего безпокоилъ Потемкина Крымъ. Опасаясь, что прибытіе непріятельскаго флота къ Очакову маскируетъ посылку десанта,

Потемкинъ немедленно распорядился о выходѣ флота изъ Севастополя навстрѣчу ожидаемому противнику.

«Подтверждаю вамъ,—писалъ Потемкинъ графу Войновичу 24 августа 1787 г.,—собрать всѣ корабли и фрегаты и стараться произвести дѣло, ожидаемое отъ храбрости и мужества вашего и подчиненныхъ вашихъ, хотя бъ всѣмъ погибнуть, но должно показать всю неустрашимость къ нападенію и истребленію непріятеля. Сіе объявите всѣмъ офицерамъ вашимъ. Гдѣ завидите флотъ турецкій, атакуйте его, во что бы то ни стало, хотя бъ всѣмъ пропасть».

Приведенная директива совершенно опредѣленно говоритъ намъ о серьезности момента и о томъ значеніи, которое ему придавалъ главнокомандующій.

Дѣйствительно, намѣренія противника угрожали судьбѣ всей кампаніи—въ ихъ рукахъ могло оказаться владѣніе моремъ съ перваго момента войны.

31 августа Войновичъ, спѣшно изготовивъ всѣ крупныя суда—3 корабля и 7 фрегатовъ, вышелъ въ море на поиски непріятеля по направленію къ турецкимъ берегамъ.

Походъ этотъ былъ страшно несчастливъ.

8 сентября, подойдя къ мысу Каліакрія, эскадра его была встрѣчена жестокимъ штормомъ съ сѣверо запада, во время котораго фрегатъ «Крымъ» пропалъ безъ вѣсти со всѣмъ экипажемъ, а корабль «Марія Магдалина» безъ мачтъ и руля былъ въ полузатонувшемъ состояніи занесенъ въ Константинополь и здѣсь взятъ въ плѣнъ. Остальныя суда эскадры, потерявъ много мачтъ съ поврежденнымъ рангоутомъ и парусами, съ трудомъ вернулись въ Севастополь, не встрѣтивъ непріятеля.

Эта неудача привела Потемкина въ отчаяніе. Всякая мысль о нападеніи на турецкій флотъ должна была быть оставлена до исправленія эскадры.

Обстоятельства вынуждали насъ теперь вести оборонительную войну, связанную съ значительной потерей времени, такъ какъ достиженіе господства на морѣ отдалялось на неопредѣленное время. Нужно было спѣшить закрывать наши сухопутныя границы отъ вторженія непріятеля, который могъ свободно доставлять свои войска къ любому пункту побережья.

Особенно опасался Потемкинъ за Крымъ и Севастополь, которые оставались беззащитными и могли сдѣлаться во всякую минуту легкой добычей турокъ вмѣстѣ съ эскадрой Войновича.

Однако, опасенія эти къ счастью не сбылись. Турки не предпринимали никакихъ шаговъ къ нападенію на Крымъ и сосредоточивали свои силы подъ Очаковымъ съ цѣлью произвести нападеніе на Херсонъ. Ихъ планъ, составленный при участіи французскихъ офицеровъ, во множествѣ находившихся на турецкой службѣ, ставилъ на первое мѣсто закрытіе лимана и уничтоженіе Херсона, какъ главной снабжающей базы.

Закрывъ лиманъ и разоривъ Херсонскія верфи, турки съ самаго начала войны уничтожали возможность усиленія нашего флота боевыми

судами, изъ коихъ нѣкоторые уже почти заканчивались постройкой; такимъ образомъ они разрывали нашу оборонительную линію въ самомъ опасномъ мѣстѣ.

Суворовъ, назначенный съ началомъ войны командующимъ нашими сухопутными силами въ южныхъ областяхъ Новороссіи, первымъ учелъ угрожающее положеніе и принялъ всѣ мѣры, чтобы предотвратить покушеніе турокъ на Херсонъ.

Прибывъ въ Кинбурнъ и оцѣнивъ все его стратегическое и тактическое значеніе въ предстоящей борьбѣ, какъ равносильнаго Очакову ключа къ лиману, Суворовъ спѣшно приступилъ къ укрѣпленію Кинбурнской косы.

Были возведены въ наиболѣе угрожаемыхъ мѣстахъ батареи, стянуты войска и организовано тщательное наблюденіе за непріятелемъ.

Суворовъ для своего усиленія съ стороны лимана привлекъ и суда флотиліи Мордвинова, которыя должны были усилить морской фасъ обороны.

Флотилія эта была далеко не готова, и, занятый дѣлами по организаціи и ускоренію ея готовности, Мордвиновъ не считалъ для себя возможнымъ начать активныя дѣйствія противъ турокъ, и ограничивался принятіемъ оборонительныхъ мѣръ.

Бездѣйствіе флота сильно возмущало личный составъ его, тѣмъ болѣе, что турки все болѣе и болѣе дѣлались увѣреннѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, и суда ихъ неоднократно появлялись у Кинбурна для бомбардировокъ.

Съ прибытіемъ Суворова пассивное состояніе нашего флота сразу измѣнилось.

Назначенныя въ его вѣдѣніе суда получили точчыя директивы: занять позицію у Кинбурнской косы, и не допускать непріятеля къ прорыву въ лиманъ для высадки у Кинбурна.

Это были фрегаты «Скорый», «Херсонъ», ботъ «Битюгъ» и 4 галеры.

Воодушевленные присутствіемъ Суворова, суда рвались въ бой. Учитывая это, Суворовъ предоставилъ командирамъ судовъ необходимую иниціативу.

16 сентября командиръ одной изъ галеръ, «Десны», юный мичманъ Ломбардъ, замѣтивъ подъ Очаковымъ отдѣлившійся отрядъ изъ 8 турецкихъ судовъ, рѣшилъ произвести на нихъ неожиданное нападеніе.

Придавъ своей галерѣ видъ брандера, Ломбардъ отдѣлился отъ своего отряда и, подойдя на пушечный выстрѣлъ, атаковалъ съ такой смѣлостью и натискомъ, что обратилъ турокъ въ бѣгство. Среди паники отступленія Ломбардомъ одно судно было пущено ко дну, другое сильно повреждено.

Лихой подвигъ Ломбарда былъ встрѣченъ общимъ восторгомъ. Донося о происшедшемъ, Суворовъ съ восторгомъ называлъ молодого мичмана «героемъ»[1]). Однако не такъ посмотрѣлъ на это Мордвиновъ,

[1]) Суворовъ писалъ: „Шевалье Ломбардъ атаковалъ весь турецкій флотъ до линейныхъ кораблей; бился со всѣми судами изъ пушекъ и ружей два часа съ половиной и по

которому смѣлость Ломбарда показалась вреднымъ примѣромъ ослушанія и недисциплинарности.

Сообщая Потемкину о сраженіи Ломбарда, Мордвиновъ заканчивалъ донесеніе слѣдующими словами:

«Хотя онъ поступилъ противъ непріятеля съ величайшей храбростью, но какъ онъ ушелъ ночью безъ всякаго повелѣнія, то я за долгъ почитаю его арестовать и отдать подъ военный судъ».

Однако, оцѣнившій подвигъ Ломбарда по достоинству, Потемкинъ отвѣчалъ Мордвинову: «Я прощаю вину офицера. Оправдавъ хорошо свой поступокъ, уже долженъ быть награжденъ. Объяви, мой другъ, чинъ, какой заблагоразсудишь».

Однако понадобилось еще разъ ходатайство Суворова, чтобы Ломбардъ былъ награжденъ.

29 сентября Потемкинъ приказомъ на имя Мордвинова произвелъ Ломбарда въ лейтенанты.

Дѣло Ломбарда понудило Потемкина требовать отъ Мордвинова рѣшительныхъ дѣйствій.

Это было тѣмъ необходимѣе, что къ турецкому флоту все время подходили подкрѣпленія и надо было ждать со дня на день нападенія на Кинбурнъ.

30 сентября турки, высадивъ около 6 тысячъ человѣкъ на Кинбурнскую косу, произвели рѣшительное нападеніе на крѣпость.

Кровопролитное сраженіе закончилось полной побѣдой Суворова. Изъ всего турецкаго отряда спаслось едва 500 человѣкъ [1]).

Нѣкоторую помощь въ этомъ дѣлѣ оказали и суда флотиліи. Тотъ же Ломбардъ со своей галерой смѣлой атакой на турокъ прогналъ своимъ огнемъ 17 мелкихъ непріятельскихъ судовъ, дѣйствовавшихъ своей артиллеріей во флангъ нашихъ войскъ.

Однако, на большую помощь Мордвиновъ не рѣшался.

Это возбудило сильное неудовольствіе Потемкина, не видѣвшаго никакой существенной пользы отъ флота.

Наконецъ, 3 октября Мордвиновъ, получивъ приказаніе произвести нападеніе на непріятеля подъ Очаковымъ, рѣшилъ предпринять наступательное движеніе.

Нашъ передовой отрядъ изъ одной плавучей батареи подъ командой кап. 2 ранга Веревкина и 2 галеръ долженъ былъ, подойдя ночью къ крѣпости, атаковать передовыя суда, а остальная флотилія, подойдя къ мѣсту боя, слѣдомъ должна была бомбардировать Очаковъ и прогнать турецкія суда въ море.

Однако, планъ этотъ, совершенно не разработанный и не отвѣчавшій обстановкѣ, выполненъ не былъ.

Передовой отрядъ, удалившись слишкомъ впередъ, энергично на-

учиненіи варварскому флоту знатнаго вреда, сей герой стоитъ нынѣ благополучно подъ Кинбурнскими стѣнами".

[1]) Подробности этого боя см. «Ист. Арм. и Фл.», т. II, стр. [illegible].

палъ на противника, но не поддержанный остальными судами Мордвинова, медлившаго наступленіемъ, попалъ въ критическое положеніе.

Выскочившая впередъ батарея Веревкина оказалась отрѣзанной отъ своихъ галеръ, одной изъ коихъ командовалъ Ломбардъ.

Послѣдній, видя тяжелое положеніе Веревкина, на шлюпкѣ бросился къ нему на помощь.

Очутившись одинъ, Веревкинъ яростно отбивался своими 6 пушками отъ насѣвшаго непріятеля. Послѣдній, окруживъ батарею, осыпалъ ее градомъ снарядовъ.

Вскорѣ всѣ паруса батареи были разстрѣлены, и судну грозила участь попасть въ плѣнъ. Одновременно разорвалось одно изъ орудій, перебивъ 15 человѣкъ команды.

Начавшаяся паника была быстро прекращена Ломбардомъ и прибывшимъ съ нимъ офицеромъ. Бой снова возгорѣлся.

Черезъ полчаса разорвалось еще одно орудіе, перебивъ снова до 15 человѣкъ.

Имѣя выбывшими изъ строя половину людей и сильныя поврежденія судна, Веревкинъ рѣшилъ прорваться въ море.

Быстро замѣнивъ разстрѣлянные паруса новыми, онъ направился къ выходу изъ лимана. Его преслѣдовало 6 непріятельскихъ судовъ. Продолжая отстрѣливаться, Веревкинъ надѣялся на выручку со стороны Мордвинова. Однако, послѣдній бездѣйствовалъ, наблюдая за боемъ издали.

Вскорѣ разорвалось третье орудіе, и команда, приведенная въ отчаяніе, прекратила стрѣльбу. Къ пушкамъ стали самъ Веревкинъ и Ломбардъ.

Прижимаемая вѣтромъ къ берегу, батарея вскорѣ была брошена на мель у Хаджи-Бея (мѣсто теперешней Одессы) и здѣсь взята въ плѣнъ.

Оба офицера, Веревкинъ и Ломбардъ, были отправлены въ Константинополь. Флотъ лишился двухъ храбрѣйшихъ офицеровъ и судна изъза нерѣшительности и нераспорядительности Мордвинова.

Узнавъ обстоятельства дѣла, Потемкинъ выразилъ крайнее свое неодобреніе Мордвинову, и рѣшилъ въ ближайшемъ времени замѣнить его болѣе активнымъ и способнымъ начальникомъ.

Наступившіе холода прервали военныя дѣйствія.

Въ октябрѣ весь турецкій флотъ оставилъ Очаковъ и ушелъ въ Варну.

Оба противника остались на своихъ прежнихъ позиціяхъ и дѣятельно готовились къ возобновленію войны весной.

4. Кампанія 1778 г. Нассау-Зигенъ и Поль Джонсъ. Подвигъ Сакена. Разгромъ турецкаго флота у Очакова. Сраженіе при Фидониси Адмиралъ Ѳ. Ѳ. Ушаковъ.

Зима 1787—88 г.г. прошла въ спѣшномъ усиленіи нашего флота. Подъ непосредственнымъ наблюденіемъ Потемкина въ Херсонѣ спѣшно достраивались заложенныя суда, въ Севастополѣ исправлялась эскадра Войновича.

Въ обоихъ портахъ спѣшно снаряжались отряды корсарскихъ судовъ для развѣдочной службы и уничтоженія турецкой торговли.

Въ Балтійскомъ морѣ готовилась сильная эскадра изъ 15 кораблей подъ командой адмирала Грейга для новой посылки въ Архипелагъ.

Къ веснѣ 1788 года численный составъ Черноморскаго флота былъ доведенъ до слѣдующихъ размѣровъ:

Севастопольская эскадра: 2 корабля, 14 фрегатовъ, 1 бомбарда и 10 мелкихъ судовъ для посыльной и сторожевой службы.

Флотилія въ лиманѣ: 2 корабля, 3 фрегата и 18 мелкихъ судовъ; 8 галеръ, 2 бомбарды, 6 плавучихъ батарей, 7 брандеровъ и 6 мелкихъ гребныхъ судовъ.

Послѣднія суда—галеры, батареи и пр. — принадлежали къ гребной флотиліи и предназначались исключительно для дѣйствій въ лиманѣ.

Кромѣ того, на Дону и Днѣпрѣ строилось до 60 судовъ различнаго ранга.

Перечисленныя наличныя силы флота въ значительной степени мѣняли условія борьбы на морѣ и потому Потемкинъ имѣлъ возможность разработать планъ военныхъ дѣйствій, болѣе активный и рѣшительный.

Кампанія 1787 г., позволившая Потемкину узнать противника и оцѣнить его качественную силу, показала съ полной очевидностью основное стремленіе Турціи завладѣть лиманомъ и тѣмъ запереть нашему флоту выходъ въ море.

При наличіи столь сильной крѣпости, какъ Очаковъ, являвшійся ключомъ къ лиману, турецкій флотъ могъ во всякое время выполнить свою задачу и парализовать успѣхи нашего оружія на сухопутномъ театрѣ.

Наши сухопутныя силы, назначенныя для дѣйствій противъ Турціи, подъ начальствомъ Румянцева уже двигались въ Бессарабію, гдѣ должны были произойти рѣшительныя столкновенія.

Оставлять Очаковъ въ тылу нашихъ армій признавалось невозможнымъ. Онъ мѣшалъ нашему движенію вдоль побережья Чернаго моря и угрожалъ спокойствію Херсона и лимана, какъ опорная база непріятельскаго флота.

Первой на очереди, такимъ образомъ, стратегической задачей являлось занятіе всего побережья лимана и устьевъ рѣкъ отъ Буга и Днѣстра до Дуная включительно. Такая задача требовала постепеннаго овладѣнія Очаковымъ, Хаджи-Беемъ и прочими прибрежными турецкими крѣпостями даннаго района.

Такимъ образомъ взятіе Очакова являлось главной цѣлью кампаніи 1788 г.

Стянувъ къ себѣ достаточное количество сухопутныхъ войскъ, Потемкинъ приступилъ къ обложенію Очакова. Для одновременнаго нападенія на него съ моря гребная флотилія была доведена до 70 судовъ. Начальствованіе надъ ней было изъято отъ Мордвинова и передано только что прибывшему изъ французской службы принцу Нассау-Зигенъ, человѣку испытанной рѣшительности и храбрости. Его

помощникомъ былъ назначенъ извѣстный своими военно-морскими подвигами въ войнѣ за независимость Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ шотландецъ Поль Джонсъ. Послѣднему было поручено командованіе парусными судами.

Мордвинову была оставлена хозяйственная и организаціонная часть.

Едва началась навигація, какъ турецкій флотъ подъ начальствомъ капудана-паши Эски-Гасана появился въ составѣ 10 кораблей, 6 фрегатовъ и 50 галеръ и канонерскихъ лодокъ у входа въ лиманъ.

За зиму турки при содѣйствіи французскихъ инженеровъ успѣли довести свой морской флотъ до 20 кораблей, 25 фрегатовъ, а гребную флотилію до 70 слишкомъ судовъ.

Военныя дѣйствія на морѣ открылись блестящимъ подвигомъ капитана 2 ранга Сакена, командовавшаго дубель-шлюпкой № 2.

Находясь съ небольшимъ отрядомъ у Кинбурна для поддержанія связи крѣпости съ флотиліей, Сакенъ при появленіи турецкаго флота въ лиманѣ получилъ приказаніе присоединиться къ эскадрѣ.

20 мая, отправивъ свой отрядъ впередъ, самъ Сакенъ остался подъ Кинбурномъ для наблюденія за дѣйствіями турокъ.

Около 12 часовъ дня турецкія суда, въ числѣ 30, внезапно снялись съ якоря и подъ парусами бросились на дубель-шлюпку Сакена.

Послѣдній, немедленно поставивъ паруса и выкинувъ весла, сталъ поспѣшно уходить по направленію къ Херсону.

Однако, болѣе легкія на ходу турецкія суда послѣ 4-часовой погони успѣли сблизиться на выстрѣлъ и открыли сильный огонь..

Видя всю невозможность уйти отъ погони, Сакенъ, посадивъ на имѣвшуюся у него шлюпку 8 человѣкъ команды, послалъ ее увѣдомить принца Нассау-Зигена о своемъ положеніи, и передать, что онъ живой въ руки враговъ не отдастся.

Между тѣмъ непріятель быстро нагонялъ. Такъ какъ крупныя орудія помѣщались на носу, то Сакенъ, не задумываясь, повернулъ на непріятеля и быстро бросился навстрѣчу, открывъ огонь.

Этотъ маневръ ошеломилъ противника. Однако, видя себя въ столь превосходящемъ числѣ, турки бросились на абордажъ.

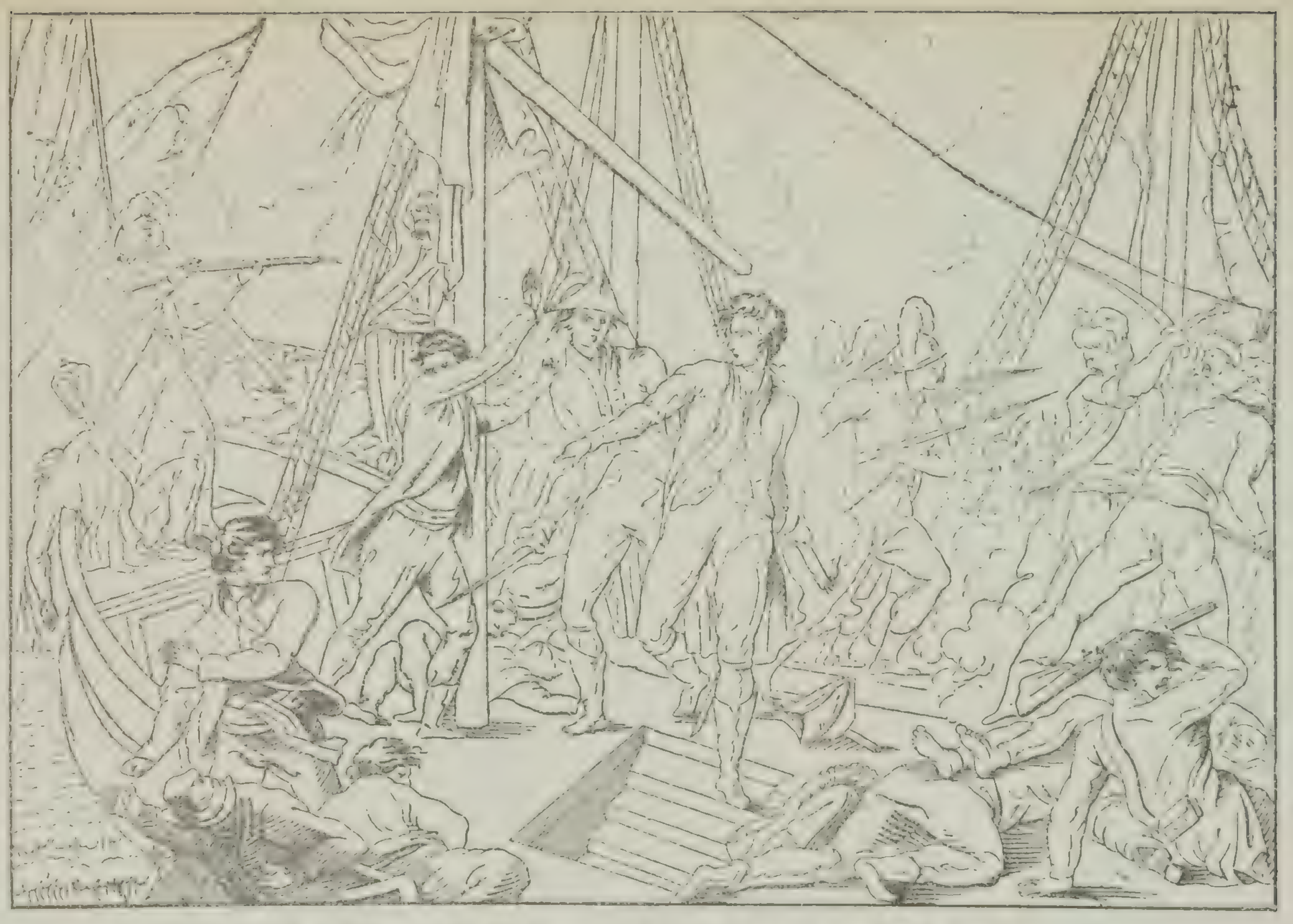
Минуту спустя двѣ большихъ галеры сцѣпились съ дубель-шлюпкой. Завязался горячій рукопашный бой. Къ мѣсту боя подошли еще двѣ турецкія галеры.

Вѣрный своему слову Сакенъ, видя послѣднія минуты боя, спустился въ крюйтъ-камеру. Минуту спустя страшный взрывъ потрясъ воздухъ..

Дубель-шлюпка взлетѣла на воздухъ, а вмѣстѣ съ ней взлетѣли сцѣпившіяся 4 непріятельскія галеры.

Остальныя турецкія суда поспѣшно отступили. Славное дѣло Сакена, помимо своего громаднаго моральнаго значенія для духа личнаго состава, [illegible] важныя послѣдствія въ дальнѣйшемъ.

Помня гибель своихъ галеръ и зная, на что способенъ русскій воинъ, турки [illegible] ція тщательно избѣгали абордажныхъ схватокъ съ на-



Подвигъ капитана 2 ранга Рейнгольда фонъ-деръ Остенъ Сакена 20 мая 1788 г.

Гравюра, сдѣланная по повелѣнію Императрицы Екатерины II.

Снимокъ сдѣланъ съ гравюры, принадлежащей И. Я. Д[illegible].

шими судами, поддерживая приличную дистанцію и поспѣшно отходя при попыткахъ къ сближенію.

Это давало намъ большой моральный перевѣсъ надъ противникомъ и значительную свободу дѣйствій во время сраженій.

Задача нашего флота при осадѣ Очакова состояла въ ослабленіи морскихъ ресурсовъ Очакова и отвлеченіи вниманія крѣпости отъ нашихъ приготовленій къ осадѣ.

Оба адмирала, Нассау и Джонсъ, отличавшіеся предпріимчивостью, рѣшительностью и соревновавшіе между собой, не замедлили приступить къ выполненію данной задачи.

Намѣренія Потемкина были разгаданы противникомъ, и Гассанъ-паша, съ цѣлью истребить нашъ флотъ въ лиманѣ до подхода русской арміи къ Очакову, два раза пытался уничтожить нашъ флотъ.

Обѣ попытки эти, 7 и 17 іюня, кончились полнѣйшей неудачей.

Получивъ въ начальники энергичныхъ вождей, личный составъ флота дѣлалъ чудеса, блистательно поддерживая славу Ломбарда и Сакена.

Достойнымъ сотрудникомъ Нассау и Джонса являлся храбрый грекъ бригадиръ Алексіано, отличавшійся неоднократно во время Архипелажской экспедиціи, и теперь командовавшій въ лиманѣ отрядомъ гребныхъ судовъ.

1 іюня нападавшая турецкая эскадра состояла изъ 4 линейныхъ кораблей, 6 фрегатовъ и 47 галеръ и мелкихъ судовъ. Отразивъ турокъ, русскіе перешли въ наступленіе и заставили противника въ полномъ безпорядкѣ скрыться подъ защиту очаковскихъ батарей. Турки потеряли при этомъ 3 судна—двѣ канонерскія лодки взорвались и сгорѣла одна шебека.

Слѣдующій бой уже былъ встрѣчный. 16 іюня наши адмиралы рѣшили сами напасть на турокъ и снялись съ якоря въ 4 ч. утра 17 іюня, но, не дойдя до Очакова, встрѣтили турокъ, предпринявшихъ въ этотъ день вторую попытку уничтожить нашъ флотъ, для чего они двинули очень большія силы—10 кораблей, 6 фрегатовъ, 44 галеръ и мелкихъ судовъ. Турки опять были разбиты и при отступленіи къ Очакову потеряли 2 линейныхъ корабля.

Потерявъ надежду не только на истребленіе нашей лиманской флотиліи, но даже на возможность удержаться у Очакова, турки въ ту же ночь, на 18-е іюня, сдѣлали попытку уйти въ море. Однако они были замѣчены съ батарей, выстроенныхъ Суворовымъ на оконечности Кинбурнской косы, и подъ обстрѣломъ ея пришли въ безпорядокъ, скучились, при чемъ много ихъ судовъ сѣли на мель. Вскорѣ ихъ окружила русская флотилія, и послѣ 4-часового боя было уничтожено 5 линейныхъ кораблей (2—60-пуш. и 3—50-пуш.), 2—34-пуш. фрегата, 2—28-пуш. шебеки, 1 бомбардирскій корабль, 1 галера и транспортное судно. Одинъ 50-пуш. корабль былъ взятъ въ плѣнъ. Потери въ людяхъ у турокъ были очень велики—около 6,000 чел. и 1,763 чел. было взято въ плѣнъ. Наши потери были—18 раненыхъ и 67 убитыхъ.

7-го іюня.

ab—Русская гребная эскадра, прикрывающая правый флангъ (*c*) парусной эскадры; гребная эскадра *ab* состояла изъ 4 батарей, 4 дубель шлюпокъ, 6 галеръ и 5 барказовъ.

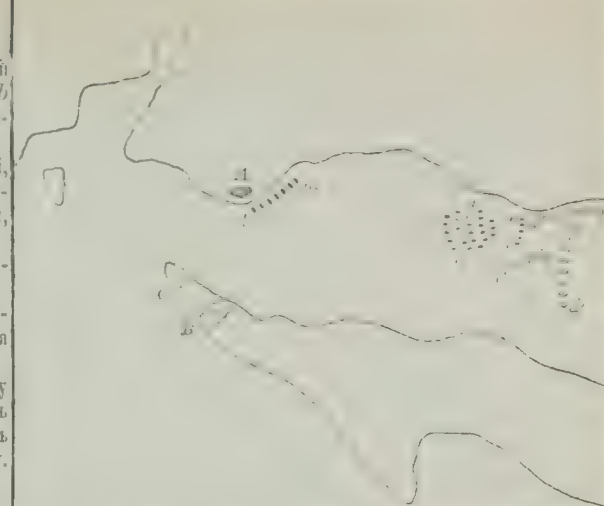
cd—Русская парусная эскадра въ составѣ 2 кораблей, 5 фрегатовъ и 1 бота; въ промежуткахъ между судами стояли остальныя гребныя суда: 2 галеры, 3 дубель шлюпки, 1 бомбарда и 3 батареи.

ef—Турецкій гребной отрядъ въ числѣ 5 галеръ, открывшій нападеніе на нашу эскадру *ab*.

gh—Турецкая гребная эскадра въ числѣ 36 судовъ, идущая на поддержку своего отряда *ef* и для нападенія на наши эскадры.

ik—Наши остальныя гребныя суда, собравшись къ лѣвому флангу (*d*) парусной эскадры *cd*, выстроились въ боевую линію, сдѣлали захожденіе, напали во флангъ турецкой линіи и тѣмъ рѣшили бой въ нашу пользу.

lm—Турецкая парусная эскадра



17-го іюня.

np—Положеніе русскаго флота въ ночь на 17-е іюня; на лѣвомъ флангѣ парусная эскадра, на правомъ—гребная.

oq—Положеніе русскаго флота въ 4 часа утра 17-го іюня.

rs—Положеніе русскаго флота послѣ сраженія.

tx—Положеніе турецкаго флота въ 2 часа ночи 17-го: на лѣвомъ флангѣ 44 гребныхъ судна.

vz—Положеніе турецкаго флота во время сраженія.

T—Взорваный турецкій корабль.

X—Взятый и сожженный турецкій корабль.



18-го іюня.

DE—Турецкая гребная эскадра, оставшаяся подъ Очаковымъ.

FG—Турецкая парусная эскадра, направившаяся въ море

HI—Русская парусная эскадра, преслѣдующая турецкую парусную эскадру.

KL—Русская гребная эскадра, преслѣдующая турецкія гребныя суда подъ Очаковымъ и Кинбурномъ.

⊃—Русскія суда. ⬬—Турецкія суда.

A—Крѣпость Очаковъ, *B*—Крѣпость Кинбурнъ, *C*—50-пушечная батарея.



Планы сраженій подъ Очаковымъ 7, 17 и 18-го іюня 1788 года.

Остальной турецкій парусный флотъ бѣжалъ въ море, но гребная ихъ флотилія была отрѣзана русскими и прижалась къ Очакову. Черезъ 4 дня Капуданъ-паша сдѣлалъ попытку съ моря выручить свою гребную флотилію, но былъ отбитъ нашими сухопутными батареями. Между тѣмъ подошелъ съ арміей Потемкинъ и обложилъ Очаковъ. Узнавъ объ этомъ, Капуданъ-паша ушелъ въ море и предоставилъ Очаковъ и турецкую гребную флотилію ихъ собственнымъ силамъ.

Такъ какъ послѣдняя могла препятствовать обложенію нашими войсками крѣпости, Потемкинъ приказалъ Нассау-Зигену, блокировавшему турецкую флотилію, уничтожить ее. Это было выполнено 1 іюля. Сраженіе продолжалось 8 часовъ, и въ результатѣ, несмотря на поддержку очаковскихъ турецкихъ батарей, было сожжено 2 фрегата, 4 галеры и 3 мелкихъ судна, и взяты въ плѣнъ 1 галера и 3 мелкихъ судна.

Медлительность Войновича въ изготовленіи эскадры къ выходу въ море сильно возмущала Потемкина. Опасаясь за Крымъ и предполагая, что турки не замедлятъ усилить Очаковъ присылкой десантовъ, Потемкинъ настойчиво требовалъ съ начала навигаціи 1788 г., чтобы эскадра вышла изъ Севастополя на пути сообщенія непріятеля и отвлекала его линейный флотъ отъ Лимана.

Однако всѣ побужденія не приводили къ желаемому результату. Недостатокъ въ средствахъ и матеріалахъ, а главное—отсутствіе энергіи и настойчивости у Войновича, привели къ тому, что флотъ его былъ готовъ только къ концу іюня.

18 числа Войновичъ, наконецъ, вышелъ въ море. Правой рукой Войновича, составителемъ всѣхъ его военныхъ плановъ и руководителемъ эскадры во всѣхъ ея дѣйствіяхъ являлся, уже извѣстный флоту своимъ боевымъ прошлымъ, бригадиръ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Ушаковъ, командующій авангардомъ севастопольской эскадры.

Здравый военный смыслъ, боевыя и личныя качества этого достойнаго начальника выдѣляли Ушакова изъ общаго уровня современниковъ.

Это былъ исключительный военно-морской талантъ, поражавшій оригинальностью и новизной своихъ тактическихъ пріемовъ въ морскомъ бою, всегда отвѣчавшихъ требованіямъ обстановки и потому сопровождавшихся неизмѣннымъ успѣхомъ.

Тактическіе пріемы веденія морского боя, перенятые въ то время всѣми флотами отъ англичанъ, страдали шаблонностью и рутиной.

Эскадренный бой по требованіямъ того времени сводился къ артиллерійскому состязанію двухъ флотовъ, двигавшихся въ кильватерныхъ колоннахъ параллельно другъ другу въ строго опредѣленномъ разстояніи.

Все искусство флотоводцевъ сводилось къ достиженію двухъ цѣлей—выигрышу вѣтра и распредѣленію своихъ кораблей такимъ образомъ, чтобы противъ каждаго непріятельскаго корабля дѣйствовалъ опредѣленный корабль своей линіи.

Морскія сраженія этой эпохи отличались своей нерѣшительностью именно изъ-за этой связанности дѣйствій отдѣльныхъ командировъ, не имѣвшихъ права ни выйти въ нужный моментъ изъ линіи для рѣшитель-

наго удара или охвата фланга противника, ни проявить свою иниціативу какъ-либо иначе согласно требованіямъ обстановки.

Въ то же время бой кильватерныхъ колоннъ, гдѣ нападающій оказывался связаннымъ своимъ негибкимъ строемъ, давалъ въ руки слабѣйшаго противника полную возможность при малѣйшемъ сомнѣніи въ благополучномъ исходѣ боя уклониться отъ рѣшительнаго столкновенія и оставить мѣсто боя, повернувъ и уйдя подъ вѣтеръ.

Никакое прорѣзаніе строя для постановки противника въ два огня, ни охватъ его фланговъ, ни сосредоточеніе силъ противъ одного изъ нихъ не признавались допустимыми.

И это было общимъ явленіемъ, котораго держались всѣ выдающіеся флотоводцы старой школы.

Иныхъ взглядовъ на веденіе морского боя былъ Ушаковъ. Онъ своимъ здравымъ умомъ осудилъ шаблонные пріемы боя и отказался отъ нихъ совершенно. Всѣ бои Ушакова типичны именно стремленіемъ сосредоточить свои силы въ рѣшительномъ мѣстѣ и въ первые же моменты боевого столкновенія.

Излюбленный пріемъ Ушакова заключался въ рѣшительномъ ударѣ на адмиральскіе непріятельскіе корабли, что имѣло особую важность при бояхъ съ турками, которые держались стойко только до тѣхъ поръ, пока держались ихъ адмиралы. Такимъ образомъ Ушаковъ, вырвавшись изъ рутины старыхъ пріемовъ и основывая свои способы атаки на правильныхъ принципахъ веденія боя, сообразовывалъ примѣненіе этихъ принциповъ къ обстановкѣ—къ свойствамъ своего противника. Глубокое же пониманіе неизмѣнныхъ основъ веденія войны и умѣнье примѣнять ихъ къ обстановкѣ—это яркіе признаки военнаго таланта.

Однако талантъ Ушакова могъ развернуться въ полной мѣрѣ только тогда, когда онъ достигъ самостоятельнаго командованія. Теперь же его сильно связывалъ нерѣшительный и малоталантливый Войновичъ.

Такъ было и въ бою у о. Фидониси 3 іюля 1788 г., черезъ двѣ недѣли послѣ выхода эскадры Войновича изъ Севастополя.

Бѣжавшій послѣ ряда неудачъ подъ Очаковомъ съ остатками своего флота къ Босфору, Гассанъ-паша получилъ здѣсь сильное подкрѣпленіе и вновь вышелъ въ море, имѣя подъ командой 17 линейныхъ кораблей, изъ коихъ 5 80-пуш. ранга, 8 фрегатовъ и 24 мелкихъ судна.

На этотъ разъ Гассанъ оставилъ мысль о нападеніи на Херсонъ и шелъ на поиски севастопольской эскадры, полагая, что въ открытомъ морѣ его флотъ будетъ имѣть всѣ преимущества сильнѣйшаго противника.

Наша эскадра въ составѣ 2 кораблей 66-пушечнаго ранга, 10 фрегатовъ (отъ 50 до 40 пушекъ) и 24 мелкихъ судовъ медленно двигалась къ острову Фидониси.

На разсвѣтѣ обѣ эскадры увидѣли другъ друга. Несоизмѣримость силъ сильно озадачила Войновича.

Вѣсъ турецкаго залпа на линейныхъ корабляхъ и фрегатахъ былъ 410 пудовъ, вѣсъ нашего едва достигалъ 100 изъ-за небольшого калибра фрегатскихъ орудій, т.-е. турки были сильнѣе въ $2\frac{1}{2}$ раза.

Однако, это мало кого смущало. Духъ на флотѣ былъ превосходный, и севастопольскіе моряки жаждали случая доказать, что умѣютъ драться не хуже своихъ лиманскихъ товарищей.

Утромъ 3 іюня оба флота стали сближаться. Находившійся на вѣтрѣ Гассанъ-паша, опираясь на явное свое превосходство въ силѣ, рѣшилъ немедленно атаковать эскадру, шедшую паралельнымъ курсомъ и занявшую выжидательное положеніе, чтобы выяснить способъ нападенія турокъ.

Вскорѣ весь непріятельскій флотъ сталъ спускаться на нашу линію съ намѣреніемъ атаковать нашъ авангардъ, гдѣ былъ Ушаковъ. Турецкія суда шли нестройной кучей.

Едва намѣреніе противника было обнаружено, Ушаковъ, съ цѣлью не оставлять идущихъ сзади судовъ въ бездѣйствіи во время боя, приказалъ переднимъ фрегатамъ прибавить парусовъ и, зайдя впередъ, обойти голову турецкаго флота съ другого борта, чтобы дѣйствовать въ два огня.

Замѣтивъ это, Гассанъ-паша также поспѣшилъ придержаться къ вѣтру и прибавить парусовъ, чтобы не дать себя обойти. Весь флотъ послѣдовалъ его примѣру, и такимъ образомъ задуманная Гассаномъ атака не удалась.

Едва флоты сошлись, руководство боемъ само собой перешло къ Ушакову. Прибавленіе парусовъ на турецкихъ судахъ, имѣвшихъ мало практики въ морѣ сдѣлало то, что вся ихъ эскадра слишкомъ разстянулась и корабли, находясь далеко одинъ отъ другого, не могли оказать взаимной поддержки въ нужную минуту. Въ то же время русская эскадра шла компактнымъ строемъ, сближаясь постепенно съ врагомъ.

Нисколько не заботясь о сохраненіи точнаго строя, Ушаковъ, выждавъ когда турецкій флотъ еще разъ спустится на него, съ своими четырьмя судами энергично обрушился на врага, имѣя противъ каждаго по три и четыре противника.

Особенно жаркая схватка произошла у переднихъ кораблей, гдѣ Ушаковъ на кораблѣ „Св. Павелъ" съ фрегатами „Бериславъ" и „Стрѣла" упорно стремился отрѣзать два головныхъ турецкихъ судна, засыпая ихъ градомъ снарядовъ.

Около 2 часовъ дня сраженіе разгорѣлось по всей линіи.

Отлично обученная команда, получившая строгое приказаніе стрѣлять только прицѣльно, разряжала свои борта съ необычайнымъ искусствомъ.

Слабость въ численности съ успѣхомъ заполнялась силой огня и его мѣткостью.

Растянутость турецкой линіи сыграла свою роль: многія суда ихъ за время всего боя не могли использовать за дальностью своей артиллеріи, тогда какъ наша эскадра дѣйствовала полной силой.

Энергичный натискъ авангарда Ушакова сдѣлалъ свое дѣло. Черезъ полчаса боя передніе корабли непріятеля, сильно потерпѣвъ отъ огня, повернули на другой галсъ и вышли изъ линіи.

Увидя это, Гассанъ-паша бросился впередъ и, осыпая ядрами отступающіе свои корабли, требовалъ возвращенія ихъ на свои мѣста, но напрасно.

Это внесло еще большее разстройство въ непріятельскій строй.

Успѣхъ воодушевилъ наши команды и сила огня была доведена до крайныхъ предѣловъ.

Теперь уже Ушаковъ схватился съ своимъ любимымъ противникомъ—адмиральскимъ кораблемъ, стремясь выбить его изъ строя.

Съ 2 до 5 продолжая бой. Въ концѣ 5-го часа успѣхъ явно склонился на нашу сторону.

Избитыя турецкія суда съ порванными парусами, поврежденнымъ рангоутомъ уже не могли держаться на своихъ мѣстахъ и склонялись за линію.

Упорнѣе другихъ держался корабль Гассана, сильно терпя отъ сосредоточеннаго огня фрегатовъ.

Всѣ попытки другихъ судовъ придти ему на помощь были немедлено отбиваемы нашими фрегатами.

Наконецъ, удачный залпъ въ корму, повредившій бизань-мачту и руль, рѣшилъ участь боя.

Быстро повернувъ, Гассанъ-паша вышелъ изъ линіи и этимъ далъ примѣръ къ общему бѣгству.

Успѣхъ былъ рѣшительный. Турецкій флотъ уже не имѣлъ неоспариваемаго владычества надъ моремъ; съ этого момента оно временно было въ нашемъ владѣніи. Крымъ не подвергался немедленной опасности высадки турецкаго десанта.

Турецкій флотъ ушелъ къ Румелійскимъ берегамъ, а эскадра Войновича вернулась для исправленій въ Севастополь.

Сраженіе при Фидониси имѣло большое значеніе на судьбу Ушакова. Весь успѣхъ этого дѣла принадлежалъ только ему и потому его заслуги требовали награды. Между тѣмъ, завистливый Войновичъ, приписывая побѣду исключительно себѣ и извративъ въ реляціи сущность боя, не пожелалъ представить указанныхъ Ушаковымъ командировъ и офицеровъ къ наградамъ. Былъ обойденъ въ представленіи и самъ Ушаковъ.

Обиженный за себя и своихъ соратниковъ, Ушаковъ изложилъ обстоятельства дѣла въ письмѣ къ Потемкину, который поспѣшилъ возстановить справедливость.

Инцидентъ этотъ заставилъ Потемкина внимательнѣе отнестись къ поведенію Войновича, показавшаго себя и ранѣе малоспособнымъ флотоводцемъ, и обратить вниманіе на Ушакова. Вскорѣ Потемкинъ рѣшилъ окончательно убрать Войновича изъ Севастополя.

Произошло это по слѣдующему поводу. Послѣ сраженія у Фидониси, Гассанъ-паша, спѣшно исправивъ поврежденныя суда, рѣшилъ идти на помощь къ осажденному съ суши и моря Очакову.

29 іюля турецкій флотъ въ составѣ 15 кораблей, 10 фрегатовъ и 45 гребныхъ судовъ появился въ лиманѣ передъ Очаковымъ.

Появленіе столь большой морской силы заставило отойти нашу лиманскую флотилію отъ Очакова и поспѣшить занять позиціи для прегражденія доступа непріятелю въ Лиманъ.

Командованіе этой флотиліей снова было въ рукахъ нерѣшительнаго Мордвинова, такъ какъ и принцъ Нассау и Поль Джонсъ, не поладивъ между собой и съ Потемкинымъ, были устранены отъ командованія и уѣхали въ Петербургъ.

Присутствіе флота Гассана-паши весьма затруднило и осложнило Потемкину дѣло осады.

„Капитанъ-паша дѣлаетъ большое препятствіе,—говорилъ онъ,—прилѣпился къ Очакову какъ шпанская муха".

Прогнать его силами флотиліи при нерѣшительности Мордвинова было мало надежды. Потемкинъ прибѣгъ къ попыткѣ отвлечь Гассана посылкой экспедиціи къ турецкимъ берегамъ, надѣясь, что произведенное опустошеніе городовъ и портовъ заставитъ его флотъ броситься на ловлю нашихъ крейсеровъ и корсаровъ.

Но хотя экспедиціи и возвращались съ поисковъ, „разнесши страхъ по берегамъ Анатольскимъ, сдѣлавъ довольныя пораженія непріятелю", тѣмъ не менѣе Гассанъ не оставлялъ Очакова.

Тогда Потемкинъ рѣшилъ снова использовать севастопольскую эскадру, только что закончившую свои исправленія послѣ боя 3 іюля.

Но вытянуть Войновича въ море оказалось еще труднѣе, чѣмъ отвлечь Гассана-пашу отъ Очакова.

Отговариваясь неготовностью судовъ и наступающей бурной погодой, Войновичъ всячески медлилъ.

Теперь, обидѣвъ Ушакова, указаніями и совѣтами коего до сихъ поръ руководился, Войновичъ не надѣялся на успѣхъ, и предпочиталъ оставаться въ порту, ограничиваясь посылкой крейсеровъ.

Наконецъ возмущенный Потемкинъ 6 августа послалъ Войновичу категорическій приказъ:

„Пребываніе флота, вамъ ввѣреннаго, въ гавани не принесетъ никакой пользы службѣ Ея Императорскаго Величества. Флотъ непріятельскій и крѣпость раздѣляютъ мое вниманіе, а Капитанъ-паша спокоенъ со стороны моря вмѣсто того, что ваше явленіе должно бы было его озаботить и сею диверсіею уничтожить дѣлаемое отъ него затрудненіе въ моихъ предпріятіяхъ. Вы сами изъ онаго видѣть можете, какой должно ожидать пользы отъ флота севастопольскаго, искусно и храбро предводимаго".

Войновичъ сдѣлалъ попытку выйти въ море, но, задержанный противными вѣтрами, вернулся въ Севастополь черезъ два дня.

Въ своихъ донесеніяхъ, жалуясь на неудачу, Войновичъ не упускалъ случая указать на ветхость судовъ и недостатки снабженія, которыя яко бы мѣшаютъ ему рисковать эскадрой для нападенія на непріятеля.

На это Потемкинъ, требуя выхода флота въ море, отвѣчалъ съ ироніей:

„Въ дѣлѣ съ непріятелемъ, особливо съ турками, много помогаетъ искусство; не всегда сраженіями побѣждаютъ непріятеля и часто

благоразумныя распоряженія сдѣлаютъ ему больше вреда, нежели храброе нападеніе. Наблюдайте движенія его, изыскивайте благопріятное время къ пораженію и пользуйтесь онымъ къ нанесенію чувствительнаго ему удара. Сіе можете вы сдѣлать безъ риску. Что же касается до представленія вашего о трудности атаковать непріятеля соединеннаго, то мудрено ожидать, чтобъ оный сталъ дѣлиться, не бывъ къ тому принужденъ. Движеніе флота, вамъ ввѣреннаго, можетъ повести его къ сему раздѣленію“.

Только 2 ноября Войновичъ, найдя погоду и вѣтеръ благопріятными, вышелъ въ море, но уже было поздно. Пока эскадра его двигалась по направленію къ Тендровской косѣ, Гассанъ-паша со всей эскадрой, отчаявшись въ спасеніи Очакова, снялся съ якоря и ушелъ къ румелійскимъ берегамъ.

6 декабря Очаковъ былъ взятъ штурмомъ, и такимъ образомъ главная цѣль кампаніи была достигнута.

Весь Лиманъ и оба его берега были въ нашихъ рукахъ, и Россія прочно утверждалась на побережьѣ Чернаго моря, имѣя теперь полную возможность безпрепятственно и свободно создавать необходимый флотъ.

5. Кампанія 1789 года.

Перерывъ въ военныхъ дѣйствіяхъ съ наступленіемъ зимы вернулъ Потемкина къ организаціонной дѣятельности.

Его первымъ дѣломъ по отношенію къ флоту было обезпеченіе послѣдняго способными руководителями.

Нерѣшительный Мордвиновъ былъ отпущенъ въ отпускъ, его мѣсто занялъ Войновичъ. Начальникомъ севастопольской эскадры, идя навстрѣчу общему желанію, Потемкинъ назначилъ только что произведеннаго въ адмиралы Ѳ. Ѳ. Ушакова.

Начавшаяся осенью 1788 г. война со Швеціей давала Турціи надежду, что борьба на два фронта ослабитъ Россію и дастъ возможность вернуть утраченное за послѣдніе два года.

Особенно сильно было желаніе взять обратно Очаковъ, съ потерей котораго Турція открывала дорогу для дальнѣйшаго движенія Россіи по побережью Чернаго моря.

Гассанъ-паша, коего обвиняли въ бездѣятельности и неоказаніи поддержки Очакову, былъ назначенъ сераскиромъ турецкихъ армій съ непремѣннымъ условіемъ добыть обратно Очаковъ. Флотъ былъ порученъ новому Капудану-пашѣ молодому Гуссейну.

Взятіе Очакова позволяло Потемкину начать движеніе нашихъ армій къ Дунаю. Продолжая состоять въ союзѣ съ Австріей, державшей свои войска на турецкой границѣ, Россія имѣла возможность выработать широкій планъ военныхъ дѣйствій.

Онъ заключался въ основныхъ чертахъ въ слѣдующемъ.

Лѣвый флангъ нашей арміи долженъ былъ двигаться черноморскимъ побережьемъ къ Днѣстру и занять все береговое пространство до Ду-

ная. На центръ и правый флангъ ложилась задача, при содѣйствіи австрійцевъ, отвлекать на себя главныя силы турецкихъ армій и такимъ образомъ способствовать наиболѣе быстрому движенію лѣваго фланга.

На лиманскую флотилію возлагалась задача по охранѣ Очаковскаго побережья отъ турецкихъ десантовъ, а севастопольская эскадра должна была при первомъ же движеніи непріятельскаго флота къ Лиману появиться у него въ тылу и угрожать нападеніемъ.

Такимъ образомъ, операціонная наша линія была проложена по берегу Чернаго моря отъ Очакова черезъ Хаджи-бей, Акерманъ на Дунай къ Измаилу, и всѣ наличныя средства борьбы были привлечены для наилучшаго достиженія поставленной цѣли.

Для наблюденія за турецкимъ флотомъ, зимовавшемъ въ Константинополѣ, съ ранней весны къ Босфору и къ Анатолійскому берегу были посланы отряды небольшихъ крейсерскихъ судовъ.

Одновременно, чтобы оттянуть часть непріятельскаго флота къ Архипелагу, въ Средиземномъ морѣ организовались посланными военными агентами отряды изъ корсарскихъ судовъ для уничтоженія турецкой торговли и прекращенія подвоза припасовъ къ Константинополю.

Начавшаяся шведская война, задержавшая эскадру Грейга въ Балтійскомъ морѣ, въ значительной степени помѣшала организаціи возстанія славянскихъ и греческихъ народовъ противъ Турціи.

Приходилось ограничиться широкой организаціей корсарскихъ операцій.

Снабжаемые средствами борьбы и деньгами, отряды греческихъ и славянскихъ моряковъ съ весны 1789 г. образовали двѣ сильныя корсарскія эскадры подъ командой извѣстныхъ своими подвигами грека Ламбро Качони и мальтійца Лоренцо Гильгельмо, бывшаго пирата.

Всѣ суда носили русскій военный флагъ и ихъ экипажи состояли на русской службѣ, получая соотвѣтствующіе чины и жалованье.

Въ мартѣ обѣ эскадры появились у входа въ Дарданеллы и приступили къ намѣченнымъ дѣйствіямъ.

Вскорѣ ихъ присутствіе почувствовалось по всему побережью.

Быстроходныя суда ихъ появлялись всюду, гдѣ только можно было нанести вредъ, разоряя торговые пункты по берегамъ и уничтожая торговлю. Не ограничиваясь нападеніемъ на коммерческія суда, эскадры эти не избѣгали борьбы и съ посылаемыми для ихъ поимки военными отрядами, нанося нерѣдко пораженія значительно сильнѣйшему врагу.

Храбрый Ламбро Качони помимо этой дѣятельности не останавливался даже передъ нападеніемъ на укрѣпленные пункты, и даже взялъ небольшую крѣпость Кастелль-Россо.

Все это заставляло турокъ посылать для охраненія своихъ береговъ отряды войскъ и судовъ, чѣмъ достигалось нѣкоторое ослабленіе ихъ силъ, дѣйствовавшихъ на черноморскомъ театрѣ.

Вопреки ожиданіямъ, кампанія 1789 г. на морѣ прошла безъ боевыхъ столкновеній.



Адмиралъ Өедоръ Өедоровичъ Ушаковъ.

Съ портрета въ музеѣ Морского Корпуса

Къ стр. 194.

Турецкій флотъ долго не выходилъ въ море, а показавшись въ іюнѣ, не обнаруживалъ никакого намѣренія начать военныя дѣйствія противъ Очакова или Крыма.

Зато на сухопутномъ театрѣ военныя дѣйствія шли энергично *).

21 іюля Суворовъ вмѣстѣ съ австрійцами разбилъ 30-тысячный корпусъ турокъ при Фокшанахъ, 7 сентября одержалъ знаменитую побѣду при Рымникѣ, 14 сентября былъ взятъ Хаджи-бей, затѣмъ Потемкинъ занялъ Кишиневъ, Акерманъ, а 3 ноября были взяты Бендеры.

Такимъ образомъ, къ наступленію холодовъ мы успѣли овладѣть почти всей теперешней Бессарабіей, немного не дойдя до Дуная и до его неприступнаго ключа—Измаила.

6. Кампанія 1790 г. Сраженіе при Керченскомъ проливѣ и у Тендры.

Начало навигаціи 1790 г. ознаменовалось событіемъ, имѣвшимъ большое значеніе на характеръ дѣятельности нашего флота въ предстоящей борьбѣ. Окончательно убѣдившись въ безталанности и неспособности Войновича въ дѣлѣ управленія флотомъ, Потемкинъ въ мартѣ приказалъ ему сдать должность Ушакову и отправиться немедленно въ Каспійское море и принять въ командованіе тамошнюю флотилію.

Одновременно на имя Ушакова былъ посланъ указъ о назначеніи его главнымъ начальникомъ флота „по военному употребленію“.

Вступленіе Ушакова въ должность начальника ознаменовалось рядомъ мѣръ по упорядоченію всего дѣла боевой подготовки флота.

Полная свобода дѣйствій, данная ему Потемкинымъ, позволяла Ушакову примѣнить въ крупномъ масштабѣ весь накопленный боевой опытъ.

Дѣятельность Ушакова началась съ тщательнаго подбора командировъ судовъ, уже зарекомендовавшихъ себя на дѣлѣ боевыми и умѣлыми начальниками. Впрочемъ въ этомъ отношеніи недостатка не было.

Условія самой борьбы, при которыхъ нарождался, росъ и крѣпъ молодой Черноморскій флотъ, создавали прекрасный кадръ командировъ.

Война—лучшая школа, и это особенно наглядно доказалъ юный флотъ.

Многочисленные иностранцы, приглашенные изъ-за недостатка въ офицерахъ на отвѣтственныя мѣста, почти исчезли.

Затѣмъ надо было привести въ порядокъ матеріальную часть.

Недостатокъ рабочихъ рукъ по всевозможнымъ отраслямъ судостроительной и портовой дѣятельности прежде всего отзывался на морякахъ, поставленныхъ въ необходимость выполнять большую часть работы своими руками и средствами.

Однако, недостатка въ рвеніи и въ горячемъ соревнованіи не было. Вліяніе Ушакова сказывалось во всемъ укладѣ жизни флота.

Еще не наступилъ май, какъ всѣ суда эскадры, прежде никогда не готовой ранѣе середины лѣта, уже были выведены на севастопольскій рейдъ въ полной боевой готовности.

Съ выходомъ на рейдъ Ушаковъ приступилъ къ серьезной практикѣ своего флота во всевозможныхъ экзерциціяхъ.

*) См. „Ист. Арм. и Фл.“ т. II. стр. 100.

Между тѣмъ, военныя событія надвигались. Отдѣленіе Австріи отъ союза съ нами и заключеніе ею мира съ Портой, война наша со Швеціей, отвлекавшая большую часть силъ Россіи на сѣверъ, давали Турціи сильную надежду на перемѣну результатовъ борьбы въ ея пользу.

Новый султанъ Селимъ III требовалъ отъ начальника флота Гуссейна самыхъ рѣшительныхъ дѣйствій на морѣ съ цѣлью возвращенія Крыма.

Въ Константинополѣ энергично готовилась экспедиція въ Крымъ, на которую не жалѣли средствъ.

Значительно увеличенный флотъ съ наступленіемъ весны долженъ былъ выйти изъ Босфора къ анатолійскимъ берегамъ, гдѣ въ различныхъ пунктахъ побережья принять уже приготовленныя малоазійскія войска, и идти съ ними къ Анапѣ для усиленія себя десантнымъ отрядомъ татаръ и абхазскихъ горцевъ. Отсюда флотъ долженъ былъ быстро перекинуться къ крымскимъ берегамъ и произвести высадку.

Извѣстіе это, полученное еще зимой въ главной квартирѣ Потемкина и подтвержденное неоднократно шпіонами, заставило озаботиться принятіемъ должныхъ мѣръ.

Вызвавъ Ушакова въ Яссы, Потемкинъ совмѣстно съ нимъ обсудилъ планъ дѣйствій. Прежде всего рѣшено было взять Анапу, какъ промежуточную базу непріятельской экспедиціи. Ея близость къ Крыму могла сыграть большую роль и потому необходимо было заранѣе овладѣть ею. Однако, посланный для нападенія на Анапу отрядъ Бибикова оказался слишкомъ недостаточнымъ и, потерпѣвъ неудачу, долженъ былъ отступить, не дождавшись прихода флота для совмѣстныхъ дѣйствій.

Одновременно съ цѣлью убѣдиться въ присутствіи на малоазійскомъ побережьѣ приготовленныхъ десантныхъ войскъ, Потемкинъ поручилъ Ушакову произвести крейсерами сильный поискъ, послѣ чего быть готовымъ къ встрѣчѣ ожидаемаго изъ Константинополя противника всѣмъ наличнымъ флотомъ.

Выполненіе поиска взялъ на себя самъ Ушаковъ. Выдѣливъ изъ состава флота наиболѣе сильные и быстроходные фрегаты, въ числѣ 7, и взявъ съ собой всѣ крейсерскія и корсарскія суда (около 40), онъ 16 мая вышелъ изъ Севастополя по направленію къ Синопу.

Разсѣявъ по всему побережью свои крейсера, онъ быстро появлялся съ главнымъ отрядомъ въ различныхъ пунктахъ побережья, нападая на укрѣпленные пункты и бомбардируя порта.

Всѣми своими дѣйствіями Ушаковъ старался показать туркамъ, что пришелъ сюда со всѣмъ своимъ флотомъ и не допустить произвести десантную экспедицію въ Крымъ.

Его крейсера не оставили безъ осмотра ни одного прибрежнаго пункта, уничтожая во множествѣ крейсерскія и коммерческія суда противника съ цѣлью затруднить перевозку войскъ и навести панику.

Самъ адмиралъ бомбардировалъ Синопъ и Самсунъ и, не встрѣчая никакихъ отрядовъ турецкаго флота, направился къ Анапѣ, которую сильно и успѣшно бомбардировалъ.

5 іюня, послѣ двадцатидневнаго похода, Ушаковъ вернулся съ отрядомъ и призами на севастопольскій рейдъ.

Поискъ этотъ оказалъ большое вліяніе на духъ севастопольскихъ моряковъ. 50 судовъ подъ руководствомъ энергичнаго вождя три недѣли господствовали въ непріятельскихъ водахъ, смѣло ища своего соперника. Это былъ первый походъ флота, образцово выполненный по правильно составленному плану, въ основу котораго была положена ясная военная мысль—провѣрить полученныя секретныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ Турціи на мѣстѣ и уничтожить все, что могло бы содѣйствовать успѣшному выполненію замысла противника.

Турецкій флотъ спѣшилъ закончить приготовленія и выйти изъ Константинополя на защиту своихъ береговъ и производства экспедиціи въ Крымъ.

Въ концѣ іюня онъ уже появился у кавказскихъ береговъ, направляясь къ Анапѣ.

Получивъ приказаніе Потемкина слѣдить за его движеніями и искать удобнаго случая для рѣшительнаго нападенія, Ушаковъ вышелъ ему навстрѣчу въ составѣ 5 кораблей, 4 большихъ фрегатовъ, 6 меньшихъ и 17 мелкихъ судовъ. Послѣдніе не входили въ составъ боевой линіи и держались отдѣльно.

Турецкій флотъ изъ 10 кораблей, 8 фрегатовъ и 36 мелкихъ судовъ приближался къ Керченскому проливу.

Встрѣча произошла 8 іюля.

Наша эскадра стояла на якорѣ недалеко отъ Бугазскаго протока. Пасмурная погода закрывала горизонтъ.

Имѣя свѣдѣнія о близости турокъ, Ушаковъ принялъ должныя мѣры и находился въ выжидательномъ положеніи.

Около 10 ч. утра изъ мглы со стороны Бугаза показались первыя непріятельскія суда, а за ними и весь его флотъ, спускавшійся полнымъ вѣтромъ.

Быстро снявшись съ якоря, Ушаковъ выстроилъ линію баталіи и пошелъ на сближеніе.

Гуссейнъ-паша спѣшилъ сдѣлать то же. Намѣреваясь обрушиться на нашъ авангардъ, онъ отрядилъ противъ него наиболѣе сильные свои корабли. Для усиленія своего огня Капуданъ-паша размѣстилъ въ интервалахъ большихъ судовъ меньшія, вооруженныя съ этой цѣлью крупной артиллеріей.

Около полудня оба флота, держась на разстояніи дѣйствительнаго огня, шли параллельными курсами, уводящими отъ Керченскаго пролива.

Первоначальная атака на нашъ авангардъ не удалась. Командующій имъ бригадиръ Голенкинъ искусно отразилъ нападеніе и своимъ огнемъ привелъ турецкія суда въ большое замѣшательство.

На помощь имъ были двинуты Гуссейномъ новые корабли. Видя это, Ушаковъ, отдѣливъ наиболѣе слабые фрегаты изъ линіи на фланги, сомкнулъ корабли кордебаталіи плотнѣе и устремился на поддержку своего авангарда.

Этимъ маневромъ Ушаковъ намѣревался отвлечь вниманіе противника на болѣе слабые фрегаты и тѣмъ раздѣлить его силы. Однако, Гуссейнъ-паша продолжалъ усилять атаку на авангардъ, привелъ нѣсколько смѣшавшуюся линію свою въ порядокъ, и усилилъ огонь, держа все время взятую имъ съ начала боя дистанцію.

Около трехъ часовъ дня вѣтеръ, измѣнившійся въ нашу пользу, позволилъ Ушакову приблизиться настолько, что въ дѣло могла быть пущена вся мелкая артиллерія.

Сокративъ дистанцію до минимума, наши суда по сигналу открыли необычайно сильный огонь, засыпавъ непріятеля картечью.

Превосходство нашей артиллеріи, отлично поставленной Ушаковымъ, дало себя знать немедленно.

Это была его сильная сторона, которая компенсировала въ бою общую слабость эскадры и позволяла небольшимъ фрегатамъ въ 40—50 пушекъ состязаться съ 80 пушечными двухдечными кораблями турокъ.

Сосредоточенный, прицѣльный и энергичный огонь картечи, рвавшей паруса и снасти и засыпавшей палубу обломками мачтъ и реевъ, привелъ непріятеля вторично въ замѣшательство.

Не давая опомниться, Ушаковъ съ ближайшими кораблями, выйдя изъ линіи, бросился на корабль Капудана-паши, угрожая абордажемъ. Не выдержавъ нашего огня, турецкіе корабли начали спускаться подъ вѣтеръ, и скоро бѣгство сдѣлалось всеобщимъ.

Напрасно Капуданъ-паша пробовалъ остановить бѣгущихъ и снова выстроить линію. Паника сдѣлалась общей. Суда ставили всѣ паруса и быстро спѣшили уйти изъ-подъ огня русской эскадры.

Не теряя времени, Ушаковъ, поднявъ сигналъ: «вступить по способности въ кильватеръ адмиралу и поставить всѣ паруса», началъ энергичную погоню. Но тутъ скоро сказалось несовершенство нашихъ кораблей. Турецкіе корабли съ лучшими обводами и обшитые мѣдью, легко оставили за собой русскихъ, и въ особенности, когда вѣтеръ началъ стихать, наши корабли отставали все больше.

Около 6 часовъ вечера стихли послѣдніе выстрѣлы, а на слѣдующій день непріятеля нигдѣ уже не было видно.

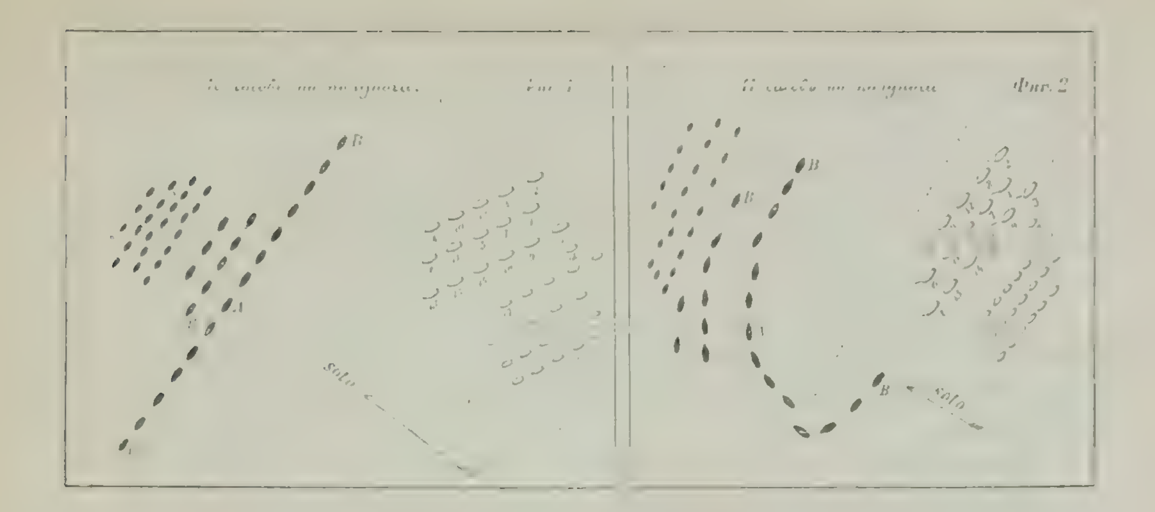
Итакъ, турецкій флотъ былъ отбитъ отъ крымскихъ береговъ и высадка его десантныхъ корпусовъ не состоялась.

Между тѣмъ Потемкинъ дѣятельно готовился къ дальнѣйшему наступленію къ Дунаю.

Теперь онъ ожидалъ готовности лиманской флотиліи, которая спѣшно пополнялась судами для предстоящихъ дѣйствій на Дунаѣ.

Какъ и раньше флотилія должна была обезпечивать лѣвый флангъ наступающей арміи. На севастопольскій флотъ ложилась задача поддерживать съ моря всѣ эти операціи и препятствовать непріятелю произвести высадку десанта гдѣ-либо въ тылу.

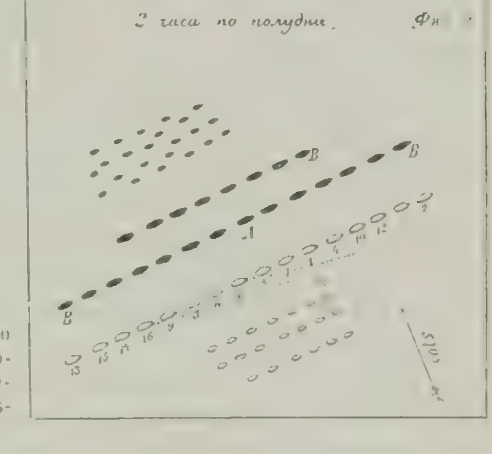
Іюль и августъ прошли въ приготовленіяхъ арміи и флота къ походу, и въ переговорахъ Потемкина съ визиремъ, склонявшагося къ заключенію предварительнаго перемирія.



Русскія суда.

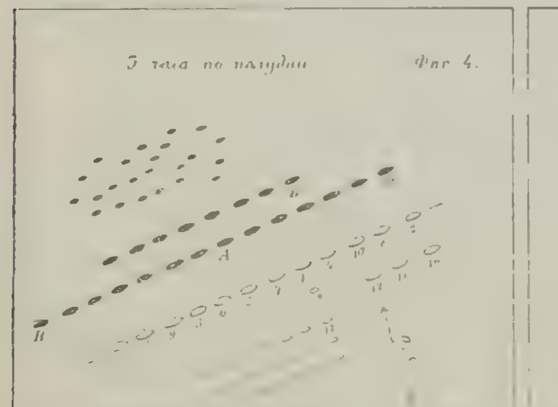
1) 84 пушеч. Рождество Христово.
2) 66 „ Марія Магдалина.
3) „ „ Св. Павелъ.
4) „ „ Преображеніе Господне.
5) „ „ Св. Владиміръ.
6) 50 „ Св. Андрей Первозванный.
7) „ „ Св. Александръ Невскій.
8) „ „ Св. Георгій.
9) „ „ Св. Петръ Апостолъ.
10) „ „ Св. Іоаннъ Богословъ.
11) „ „ Св. Іеронимъ.
12) „ „ Покровъ Св. Богородицы.
13) „ „ Кириллъ Бѣлозерскій.
14) „ „ Св. Несторъ Преподобный.
15) „ „ Амвросій Медіоланскій.
16) „ „ Іоаннъ Воинственникъ.

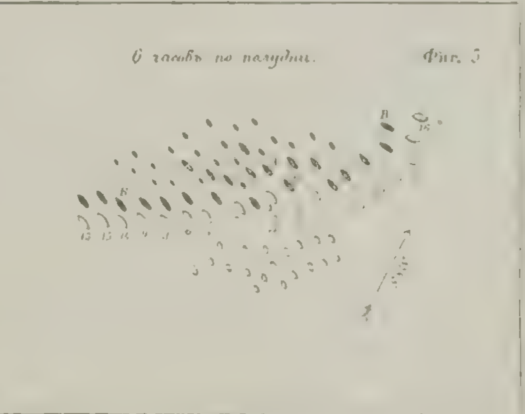
Примѣч. Во время сраженія судамъ этимъ назначено было составлять главную линію; фрегаты же: Покровъ Св. Богородицы, Іоаннъ Воинственникъ и Іеронимъ, должны были составить резервъ для подкрѣпленія авангарда.





А. Корабль Капуданъ Паша.
В. Корабли турецкихъ контръ-адмираловъ.





Сраженіе между Гаджибеемъ и Тендрою 28 августа 1790 года.

Между тѣмъ турецкій флотъ въ значительно усиленномъ составѣ снова появился въ морѣ и сталъ крейсеровать между Аккерманомъ и Тендрой, повидимому съ цѣлью преградить путь лиманской флотиліи къ Дунаю.

Находя, что теперь наступилъ удобный моментъ для генеральнаго сраженія, Ушаковъ просилъ разрѣшенія выйти навстрѣчу турецкому флоту, но Потемкинъ не хотѣлъ прерывать переговоровъ и задерживалъ начало военныхъ дѣйствій.

Переговоры успѣхомъ не увѣнчались, и 25 августа севастопольскій флотъ въ составѣ 5 кораблей, 11 фрегатовъ и 20 мелкихъ судовъ вышли по направленію къ Лиману для соединенія съ уже готовой флотиліей Де-Рибаса.

Турецкій флотъ изъ 14 кораблей, 8 фрегатовъ и 14 мелкихъ судовъ находился, по донесеніямъ развѣдчиковъ, между Хаджи-беемъ и Тендрой, какъ бы закрывая выходъ изъ лимана.

28 августа утромъ нашъ флотъ внезапно появился передъ непріятелемъ, безпечно стоявшимъ на якорѣ въ упомянутомъ мѣстѣ, не обезпечивъ себя развѣдчиками.

Желая использовать всю выгоду внезапнаго нападенія, Ушаковъ, приказавъ поставить всѣ возможные паруса, спускался на непріятеля въ походномъ порядкѣ, не теряя времени на перестроеніе въ боевой порядокъ.

Увидавъ русскихъ, турки въ суматохѣ рубили канаты и, въ безпорядкѣ вступая подъ паруса, старались уйти къ сторонѣ Дуная.

Начавъ погоню, Ушаковъ устремился на наиболѣе отставшіе суда съ цѣлью отрѣзать имъ отступленіе.

Это побудило Капудана-пашу съ ближайшими кораблями повернуть для спасенія отсталыхъ товарищей и спѣшно выстроить линію баталіи на обратномъ курсѣ.

Разъ турки были принуждены принять бой, и не было опасности что они уйдутъ, и Ушаковъ имѣлъ время выстроить боевой порядокъ. Выдѣливъ три фрегата въ резервъ авангарда, Ушаковъ энергично ударилъ на непріятеля, подойдя къ нему на картечный выстрѣлъ.

Вся тяжесть его атаки была направлена на переднюю половину непріятельскаго строя, такъ какъ тутъ находился и Капуданъ-паша и большинство турецкихъ адмираловъ.

Послѣ горячаго часового боя противникъ принужденъ былъ ослабить огонь и постепенно сталъ уклоняться отъ продолженія сраженія.

Введя въ дѣйствіе резервные фрегаты, Ушаковъ окончательно разстроилъ турецкую линію. Наиболѣе пострадавшій авангардъ спѣшно поворачивалъ подъ вѣтеръ и уходилъ къ дунайскимъ берегамъ. Его примѣру слѣдовала вся эскадра.

Не давая опомниться бѣгущему врагу, Ушаковъ, поставивъ всѣ паруса, кинулся въ гущу непріятельскихъ судовъ, поражая ихъ съ обоихъ бортовъ.

Перемѣшавшись съ разбросанными въ безпорядкѣ турецкими судами, наша эскадра продолжала преслѣдованіе до поздняго вечера.

Ночь и усилившійся вѣтеръ заставили Ушакова собрать свою эскадру и стать на якорь.

Съ наступленіемъ утра 29 августа турецкій флотъ оказался раскиданнымъ по всему горизонту. Большая часть его старалась уйти на югъ; нѣсколько кораблей, снесенныхъ за ночь къ Хаджи-Бею, находились подъ вѣтромъ у нашей эскадры.

Одинъ изъ нихъ, вице-адмиральскій корабль трехбунчужнаго паши Сеидъ-Бея, пытался присоединиться къ своему флоту, другой—66-пушечный корабль, сильно поврежденный, уходилъ подъ берегъ.

Отдѣливъ часть судовъ для овладѣнія этими кораблями, Ушаковъ съ остальными бросился въ погоню за уходившимъ флотомъ.

Вице-адмиральскій корабль «Капуданіе», догнанный фрегатомъ «Св. Андрей» и двумя кораблями, послѣ трехчасовой упорной схватки, принужденъ былъ сдаться. Храбрый Сеидъ-Бей, надѣясь на помощь своего флота, сражался до послѣдней возможности. Со сбитыми мачтами, разбитымъ бортомъ «Капуданіе» продолжалъ отстрѣливаться обоими бортами.

Наконецъ, попавшій въ корму брандскугель произвелъ сильный пожаръ, вскорѣ охватившій все судно.

Посланныя наши шлюпки поспѣли спасти только Сеидъ-Бея, командира корабля и 18 офицеровъ. Объятый пламенемъ «Капуданіе» вскорѣ взлетѣлъ на воздухъ.

Другой корабль, 66-пушечный «Мелеки Бахри» сдался безъ сопротивленія съ 560 человѣками экипажа.

Кромѣ этихъ судовъ, еще три меньшихъ было захвачено во время погони, а одинъ 77-пушечный корабль, сильно поврежденный въ бою, затонулъ со всѣмъ экипажемъ во время шторма, не доходя Варны.

Общія потери турокъ превышали 2 тысячи человѣкъ. Наша потеря была 21 человѣкъ убитыхъ и 25 раненыхъ.

Столь громадная разница въ потеряхъ объяснялась прежде всего исключительной смѣлостью и рѣшительностью атакъ нашихъ кораблей, чѣмъ нестойкіе противники наши быстро приводились въ смущеніе и начинали безпорядочный огонь безъ необходимой наводки и выдержки.

Наоборотъ, постановка стрѣльбы на эскадрѣ Ушакова была доведена до высокой степени совершенства, позволившей Ушакову форсировать своими судами во всѣхъ случаяхъ безъ сомнѣнія.

Дистанція ружейнаго, даже пистолетнаго, выстрѣла и въ картечь!— вотъ тактическій пріемъ Ушакова, дѣйствовавшій всегда съ одинаковымъ успѣхомъ.

Побѣда при Тендрѣ была встрѣчена общимъ восторгомъ. Она очищала море отъ непріятельскаго флота, мѣшавшаго пройти къ Дунаю для содѣйствія нашей арміи въ овладѣніи крѣпостями: Тульчей, Измаиломъ, Галацемъ, Браиловомъ.

Теперь составленный Потемкинымъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій арміи и флотиліи могъ быть приведенъ въ исполненіе, и это не могло

не радовать Потемкина, стремившагося нанести рѣшительный ударъ упорному врагу.

«Наши, благодаря Богу,—писалъ онъ,—такого перца задали туркамъ, что [illegible]. Спасибо Өедору Өедоровичу. Коли бъ трусъ Войновичъ былъ, то бы онъ с.....ъ у Тарханова Кута, либо въ гавани».

Ушаковъ получилъ орденъ Св. Георгія 2 степени.

До конца кампаніи непріятель уже не показывался въ морѣ.

Наши крейсера безпрепятственно дѣлали поиски у турецкихъ береговъ, нигдѣ не встрѣчая военныхъ судовъ.

18 октября флотилія Де-Рибаса изъ 70 военныхъ транспортныхъ судовъ и казачьихъ лодокъ благополучно вошла въ Дунай, и при помощи привезеннаго десанта овладѣла входными Сулинскими батареями.

Севастопольскій флотъ, стоя на якорѣ у Дунайскихъ гирлъ, охранялъ флотилію съ моря.

Заключеніе мира со Швеціей (6 августа 1790 г.) позволяло теперь Россіи обратить всѣ силы противъ Турціи.

Въ свою очередь и Турція напрягала всѣ силы удержаться на Дунаѣ. Сюда были стянуты значительныя войска, усилившія гарнизоны крѣпостей: Тульчи, Браилова, Киліи и Измаила.

Началась страдная боевая пора.

Подъ руководствомъ храбраго своего начальника Де-Рибаса и при содѣйствіи отряда черноморскихъ лодокъ полковника Головатаго, флотилія дѣятельно работала надъ очищеніемъ Дуная отъ непріятеля.

Перевозя десантные отряды, бомбардируя крѣпости, организуя переправы и подвозъ снабженія для всей арміи Потемкина, она оказала огромныя услуги арміи.

6-го ноября отрядомъ ея судовъ подъ начальствомъ капитана 1 р. Ахматова была уничтожена послѣ жаркаго боя Тульчинская флотилія изъ 20 судовъ.

На слѣдующій день совмѣстными силами десанта и флотиліи была взята крѣпость Тульча, являвшаяся главнымъ складомъ турецкой арміи. Отсюда снабжался всѣми средствами борьбы и неприступный Измаилъ.

18 ноября флотилія подошла къ Измаилу и послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ судами непріятеля отрѣзала городъ и крѣпость съ рѣки.

Всѣ штурмы Измаила дѣятельно были поддержаны флотиліей съ рѣки бомбардировками, разрушившими часть батарей и стѣнъ и производившими постоянные пожары.

Наконецъ, 11 декабря, послѣ кровопролитнѣйшаго штурма Измаила Суворовымъ, онъ былъ взятъ *).

Наступившіе холода пріостановили военныя дѣйствія, и флотилія обосновалась въ Дунаѣ на зимовку.

*) [illegible] см. Ист. Арм. и Фл., т. II, стр. [illegible]



Сраженіе у мыса Калiакрія 31 іюля 1791 г.

Съ акварели того времени, изображающей послѣдній моментъ боя. (Изъ собранія библіотеки Морского Министерства)

Къ стр. 114

7. Кампанія 1791 года. Сраженіе при Каліакріи.

Всю зиму флотъ провелъ въ дѣятельной подготовкѣ къ началу ранней весенней кампаніи.

Наступалъ уже пятый годъ войны, а Турція, несмотря на всѣ свои пораженія, упорно надѣялась на перемѣну боевого счастья.

Между тѣмъ наши военные успѣхи послѣдняго года сильно взволновали Европу, не желавшую столь значительнаго усиленія Россіи.

Паденіе Измаила и владѣніе Чернымъ моремъ ставило Потемкина въ полную возможность внести войну въ непосредственные предѣлы Турціи и нанести ударъ въ самый Константинополь.

Послѣднее сильно тревожило нашихъ политическихъ враговъ, которые съ минуты на минуту намѣревались вмѣшаться въ эту борьбу.

Англія угрожала послать свой флотъ въ Балтійское море, Пруссія стягивала войска на границы Россіи, Франція оказывала всяческую помощь Турціи для продолженія борьбы.

Бывшій всегда противникомъ войны, мѣшавшей вести работу внутренняго устроенія огромнаго Новороссійскаго края, Потемкинъ еще разъ предложилъ правительству Порты начать переговоры о мирѣ.

Однако, Турція рѣшилась продолжать борьбу въ надеждѣ на помощь Англіи и Пруссіи.

Военныя дѣйствія начались продолженіемъ наступленія нашихъ войскъ по Дунаю.

Поддерживаемая со стороны рѣки флотиліей Де-Рибаса, наша армія подъ начальствомъ кн. Репнина послѣ недолговременной осады взяла приступомъ Браиловъ, а 28 іюня войска Репнина разбили у Мачина 80.000 армію турокъ подъ начальствомъ Верховнаго Визиря Юссуфа-паши.

Это былъ послѣдній военный рессурсъ Турціи.

Одновременно съ наступленіемъ нашей арміи вышелъ въ море и Ушаковъ.

11 мая Потемкинъ послалъ ему приказаніе о выходѣ:

„Считая флотъ готовымъ къ выходу въ море, я симъ предписываю Вамъ тотчасъ выступить по прошествіи весеннихъ штормовъ".

„Испрося помощь Божію, направьте плаваніе къ румелійскимъ берегамъ, и если гдѣ найдете непріятеля, атакуйте съ Богомъ".

„Я вамъ препоручаю искать непріятеля, гдѣ онъ въ Черномъ морѣ случится, и господствовать (на морѣ) такъ, чтобы наши берега были ему неприкосновенны".

Въ началѣ іюля турецкій флотъ въ составѣ 18 кораблей, 17 фрегатовъ и множества мелкихъ судовъ вышелъ въ Черное море изъ Босфора.

Предполагая задавить Ушакова численностью, турки собирали и строили суда гдѣ только было можно.

Приглашенные французскіе инженеры руководили созданіемъ крупныхъ боевыхъ судовъ по послѣднему слову морской техники.

Въ составъ флота вошли многочисленныя алжирскія суда. Лучшіе командиры были отобраны съ особенной тщательностью. На многихъ су-

дахъ для управленія артиллеріей находились англійскіе и французскіе офицеры.

Задержанный противными вѣтрами, Ушаковъ только 29 іюля въ составѣ 6 кораблей, 10 большихъ и 2 меньшихъ фрегатовъ, 2 бомбардирскихъ судовъ и 17 мелкихъ судовъ вышелъ въ море.

За это время турки потерпѣли еще одно сильное пораженіе на сушѣ: 21 іюня ихъ сильный укрѣпленный опорный пунктъ на кавказскомъ побережьи Анапа былъ взятъ приступомъ. Турецкій флотъ, шедшій на ея поддержку и пришедшій туда 5 іюля, нашелъ ее уже въ нашихъ рукахъ.

Разгромъ турецкой арміи у Мачина и взятіе Анапы произвели самое сильное впечатлѣніе на турецкое правительство, которое не замедлило начать въ Галацѣ переговоры о перемиріи для выработки условій мира.

Между тѣмъ Ушаковъ, не зная о начавшихся переговорахъ, искалъ турецкій флотъ, и, разославъ по всѣмъ направленіямъ крейсера, шелъ къ Румелійскимъ берегамъ.

31 іюля днемъ неподалеку отъ мыса Каліакріи весь флотъ противника былъ обнаруженъ стоящимъ на якорѣ подъ прикрытіемъ береговыхъ батарей.

Хорошій попутный вѣтеръ быстро несъ эскадру Ушакова на непріятеля въ строѣ трехъ колоннъ.

Съ цѣлью оттѣснить непріятеля въ море, Ушаковъ направилъ эскадру между берегомъ и непріятелемъ, приказавъ развернуться въ линію баталіи при приближеніи къ нему.

Появленіе нашего флота оказалось полной неожиданностью для турокъ: ихъ корабли спѣшно, обрубая канаты, ставили паруса и спѣшили уйти въ море.

Съ большимъ трудомъ турецкимъ адмираламъ удалось возстановить порядокъ и выстроить флотъ въ линію.

Впереди находился вице-адмиральскій корабль Алжирскаго-паши Саитъ-Али, извѣстнаго своей храбростью и боевымъ опытомъ.

Пройдя подъ огнемъ батарей, впрочемъ мало нанесшихъ вреда, Ушаковъ стремительно атаковалъ непріятеля.

Саитъ-Али, разсчитывая на превосходство въ силѣ, рѣшилъ отвѣтить контръ-атакой, и, показывая примѣръ остальнымъ, вышелъ на вѣтеръ. За нимъ послѣдовало еще два ближайшихъ корабля.

Увидѣвъ намѣреніе поставить русскій авангардъ въ два огня, Ушаковъ на кораблѣ „Рождество Христово“ стремительно бросился на корабль Саитъ-Али, какъ бы принимая вызовъ послѣдняго.

Нужно замѣтить, что передъ своимъ отправленіемъ въ Черное море Саитъ-Али поклялся Султану привезти Ушакова плѣнникомъ въ Константинополь. Это сильно сердило Ушакова, который рѣшилъ лично проучить хвастливаго пашу.

Сдѣлавъ сигналъ флоту „атаковать соотвѣтствующіе непріятельскіе корабли“, Ушаковъ налетѣлъ на своего противника, засыпавъ его картечнымъ залпомъ всего борта.

Не давая опомниться, адмиралъ прошелъ подъ его кормой, и новый

залпъ разбилъ корму и сбилъ бизань-мачту со всѣми парусами. Проходя подъ кормой, разсерженный Ушаковъ кричалъ: „Саитъ бездѣльникъ! Я отучу тебя давать такія обѣщанія". Противникъ его, оглушенный и исковерканный, удалился подъ вѣтеръ и былъ спасенъ отъ новаго удара только слѣдовавшими за нимъ двумя кораблями, заслонившими его отъ Ушакова.

Раздѣлавшись съ этимъ противникомъ, уже выведеннымъ изъ строя, Ушаковъ уклонился подъ вѣтеръ и врѣзался въ середину турецкаго флота, громя ближайшіе суда обоими бортами.

Уже и безъ того сильно тѣснимые нашими судами корабли непріятеля постепенно теряли строй. Теперь же линія была окончательно сбита и турецкіе корабли, тѣсня другъ друга, образовали смѣшавшуюся кучу. Нашъ флотъ окружилъ турокъ и билъ по густому лѣсу мачтъ и парусовъ безъ промаха.

Отстрѣливаясь на удачу и поражая по большей части своихъ сосѣдей, турецкія суда думали только о скорѣйшемъ уходѣ изъ этой бойни.

Въ дыму, въ общей сумятицѣ, наваливаясь другъ на друга, спѣшно поворачивали они подъ вѣтеръ, не думая ни о чемъ, кромѣ спасенія.

За часъ боя былъ достигнутъ полнѣйшій разгромъ врага.

Начавшаяся въ 5 часовъ погоня продолжалась до полной темноты, когда наступившій штиль остановилъ наши суда.

Турки продолжали уходить на буксирахъ гребныхъ шлюпокъ.

Явившіеся впослѣдствіи въ Константинополь разгромленныя суда Капудана-паши, принеся съ собой извѣстіе о пораженіи, однимъ видомъ своимъ вызвали всеобщее желаніе немедленнаго заключенія мира.

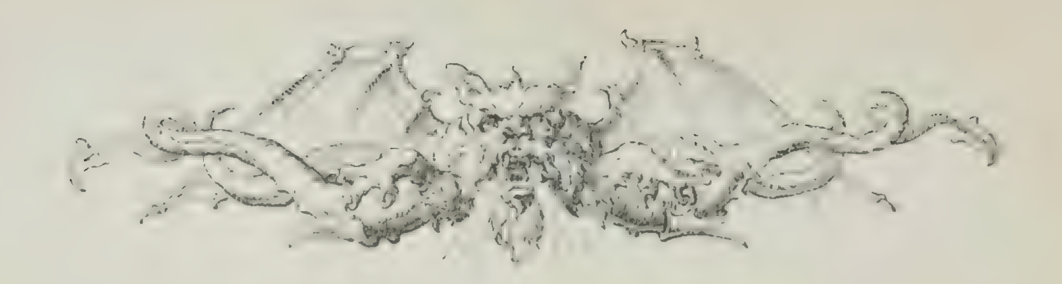
Корабль Саитъ-Али, войдя ночью въ Босфоръ, уже не могъ держаться на водѣ, началъ тонуть и пушечными выстрѣлами требовалъ помощи. Участь многихъ судовъ осталась неизвѣстной.

Одновременно разнеслись слухи о приближеніи Ушакова къ Константинополю.

Это окончательно рѣшило участь войны. Спѣшно посланный гонецъ везъ приказаніе султана о скорѣйшемъ заключеніи мира и просьбу о пріостановленіи дѣйствій флота. Наши потери въ сраженіи у Каліакріи были ничтожны—17 убитыхъ и 28 раненыхъ. Потери турокъ превышали, не считая плѣнныхъ, полторы тысячи. Одинъ корабль Саитъ-Али имѣлъ 450 убитыхъ и раненыхъ.

Потемкину не суждено было дождаться окончанія переговоровъ. Тяжко болѣя послѣднее время, онъ 5 октября скончался, а 29 декабря въ Яссахъ былъ заключенъ миръ, по которому мы пріобрѣтали часть Молдавіи между Днѣстромъ и Бугомъ, возстанавливали во всѣхъ пунктахъ дѣйствіе Кучукъ-Кайнарджійскаго трактата, и такимъ образомъ окончательно утверждались на черноморскомъ побережьѣ между Днѣстромъ и Кубанью. Четырехлѣтняя война была кончена. Турція была обезсилена. Ея арміи были разбиты, флотъ приведенъ въ ничтожество.

Мы безраздѣльно владѣли водами Чернаго моря.



Шведская война 1788—90 гг.

Очеркъ, составленный лейтенантомъ флота **Н. В. Новиковымъ.**

1. Кампанія 1788 г.

А. Политическая и стратегическая обстановка кампаніи.

Едва началась вторая турецкая война, какъ въ Петербургѣ сдѣлалось извѣстно о широкихъ военныхъ приготовленіяхъ Швеціи.

Съ момента своего вступленія на престолъ въ 1771 году шведскій король Густавъ III возлелѣялъ мечту о возстановленіи Швеціи въ томъ размѣрѣ, въ какомъ она была при Густавѣ Адольфѣ и Карлѣ XII, и энергично началъ возсозданіе военныхъ и морскихъ силъ своего государства, ожидая наиболѣе удобнаго момента для нападенія на Россію.

Недостатка въ сочувствіи своимъ намѣреніямъ со стороны Европы Густавъ не встрѣчалъ. Франція, Англія и Пруссія, видя чрезмѣрное усиленіе Россіи, ея крѣпнущее внутреннее благоустройство и постоянные военные успѣхи въ борьбѣ съ Турціей, не могли не опасаться за существующее политическое равновѣсіе Европы, и потому оказывали самую энергичную поддержку каждому активному противнику Россіи въ надеждѣ достичь ея ослабленія.

Швеція, низведенная побѣдами Петра въ ряды второстепенныхъ государствъ, естественно являлась наиболѣе возбудимымъ противникомъ и потому Стокгольмскій дворъ являлся, подобно Константинопольскому, центромъ политическихъ интригъ противъ Россіи.

Большихъ трудовъ стоило Императрицѣ парализовать происки европейскихъ дипломатовъ. Громадныя суммы денегъ были затрачены на образованіе въ Сенатѣ и Сеймѣ русофильской партіи противодѣйствовавшей королю въ его намѣреніи начать борьбу съ Россіей.

Какъ ни ясны были намѣренія Густава, Императрица Екатерина сильно надѣялась, что онъ ограничится бряцаніемъ оружія и не рискнетъ пойти на разрывъ. Былъ принятъ рядъ мѣръ сохранить миръ на сѣверѣ, но искусная политическая интрига, во власти которой находился шведскій король, помѣшала на этотъ разъ предупредить столкновеніе, и послѣ безрезультатныхъ попытокъ со стороны Россіи прійти къ соглашенію, Густавъ III предъявилъ русскому правительству рядъ требованій, превышавшихъ самыя невѣроятныя предположенія.

Видя желанiе Россiи избѣгнуть войны, король, выславъ нашего посланника графа Разумовскаго изъ Стокгольма, заявилъ, что 1) Россiя должна уступить Швецiи всю часть Финляндiи, прiобрѣтенную ею по Ништадскому и Абовскому трактатамъ, т.-е. Императоромъ Петромъ I и Императрицей Елизаветой; 2) Россiя должна уступить Турцiи Крымъ и прекратить военныя дѣйствiя противъ нея.

«Сумасшедшая» нота эта, какъ называла ее Императрица Екатерина, показала всю неизбѣжность войны, тѣмъ болѣе, что шведскiй флотъ уже шелъ по направленiю къ Финскому заливу и на сушѣ шведы уже начали военныя дѣйствiя [1]).

Сознавая значительную неподготовленность Россiи къ борьбѣ на Балтiйскомъ морѣ и на Финляндскомъ театрѣ, Густавъ III задался широкимъ планомъ дѣйствiй. За время своего царствованiя съ 1771 г. король успѣлъ довести силы своего линейнаго флота до 23 линейныхъ кораблей и 11 большихъ фрегатовъ, въ помощь которымъ имѣлся значительный гребной (или шхерный) флотъ, исчислявшiй въ своемъ составѣ болѣе 140 судовъ. Сухопутная армiя была доведена къ 1788 году до 50 тысячъ человѣкъ, не считая резервовъ и финляндской милицiи.

Силы Россiи въ Балтiйскомъ морѣ, хотя и превышали силы Швецiи численностью, но были разбросаны и далеко уступали качествомъ. Къ началу войны мы имѣли въ различныхъ портахъ около 49 кораблей и 25 фрегатовъ, но половина этихъ судовъ за ветхостью и устарѣлостью типовъ не могла быть выслана въ море.

Почти всѣ пригодные къ бою корабли этого флота было предположено послать въ Архипелагъ, чтобы отвлечь турецкiя морскiя силы отъ Чернаго моря. Корабли для этой экспедицiи готовились еще съ осени 1787 г., и 5 iюня 1788 г. вышелъ въ море первый отрядъ, состоявшiй изъ трехъ 100-пушечныхъ кораблей, фрегата и 5 транспортовъ, нагруженныхъ войсками (500 ч.) и боевыми припасами, подъ начальствомъ вице-адмирала В. П. Фондезина. Этотъ отрядъ былъ высланъ впередъ именно потому, что его составляли самые большiе корабли, которые не могли пройти Зундъ безъ разгрузки, на что требовалось значительное время, за которое предполагалось, что остальная эскадра успѣетъ догнать передовой отрядъ, который 24 iюня сталъ на якорь около Копенгагена

Планъ нападенiя на Россiю, составленный Густавомъ III, заключался въ слѣдующемъ:

Первымъ его шагомъ должно было быть сосредоточенiе всѣхъ сухопутныхъ силъ въ Финляндiи, чтобы оттянуть на себя отъ Петербурга всѣ русскiя наличныя войска и тѣмъ обнажить наше побережье.

Вторымъ его шагомъ должно было быть генеральное сраженiе съ главными нашими силами на морѣ, разбитiе ихъ и блокада Кронштадта, гдѣ должны были укрыться остатки русскаго флота. Послѣ этого онъ отдѣлялъ 20-тысячный корпусъ своихъ войскъ, сажалъ его на суда гребного флота и безпрепятственно перевозилъ его къ Петербургу,

---

[1]) См. «Ист. Арм. и Фл.,» вып. V, стр. 31.

произведя высадку у Ораніенбаума или у Красной горки. Съ этимъ корпусомъ, быстро переброшеннымъ черезъ Финскій заливъ, онъ долженъ былъ овладѣть Петербургомъ и отсюда диктовать условія мира.

Будучи хорошо освѣдомленнымъ о неготовности Россіи къ борьбѣ на сѣверѣ, Густавъ III не сомнѣвался въ успѣхѣ.

Но при выполненіи этого плана онъ совершилъ крупную ошибку. Хотя весь успѣхъ его плана зависѣлъ отъ владѣнія моремъ и ему было точно извѣстно, что почти вся боеспособная часть русскаго флота выходитъ изъ Балтійскаго моря, но изъ-за нетерпѣнія скорѣй начать войну, и изъ-за переоцѣнки своихъ силъ, онъ не дождался ухода всей русской архипелажской экспедиціи и въ серединѣ іюня двинулъ свой флотъ въ Финскій заливъ.

Нападеніе Швеціи произвело сильный переполохъ въ Петербургѣ. Ни флотъ, ни армія не были подготовлены къ борьбѣ, и это сознавалось какъ Императрицей, такъ и всѣми слоями общества. Дворъ готовился ежеминутно покинуть столицу.

Вся надежда была на кронштадтскую эскадру адмирала Грейга, которая, спѣшно закончивъ приготовленія къ походу, уже готова была къ выходу въ составѣ 17 кораблей.

Посланные на развѣдку крейсера 19 іюня донесли, что шведскій флотъ въ составѣ 23 судовъ уже виденъ у входа въ Финскій заливъ.

26 іюня Грейгъ получилъ рѣшительный указъ: «Слѣдовать съ Божіею помощію впередъ, искать флота непріятельскаго и оный атаковать».

Одновременно было приказано употребить всѣ силы для приведенія Кронштадта и оставшихся въ порту годныхъ судовъ въ боевую готовность, на случай неудачи перваго морского столкновенія.

28 іюня эскадра адмирала Грейга, раздѣленная на три отряда, вышла въ море. Авангардомъ командовалъ адмиралъ Мартынъ Фондезинъ, арьергардомъ—адмиралъ Козляниновъ, кардебаталіей—самъ Грейгъ.

Въ матеріальномъ отношеніи эскадра Грейга, предназначавшаяся къ дальнему плаванію въ Средиземное море, была снабжена хорошо. Но въ отношеніи личнаго состава она оставляла желать очень многаго. Именно въ виду предстоящаго ей дальняго плаванія, въ разсчетѣ на возможность командамъ напрактиковаться во время этого плаванія, эти команды имѣли огромный процентъ новобранцевъ.

Б. Гогландское сраженіе.

Слабые вѣтры медленно подвигали русскую эскадру навстрѣчу непріятелю. Пользуясь небольшой отсрочкой, Грейгъ употреблялъ всѣ силы и время, чтобы успѣть подготовить личный составъ къ энергичнымъ и умѣлымъ дѣйствіямъ въ бою. Весь походъ былъ употребленъ на обученіе командъ дѣйствію у орудій, такъ какъ на судахъ было громадное число рекрутъ, еще не видавшихъ моря и кораблей. Одновременно отряды занимались экзерцированіемъ и эволюціями на ходу, чтобы пріучить командный составъ къ управленію во время боя.

Старый, опытный морякъ, Грейгъ, герой Чесмы и Архипелажскихъ кампаній, пользовался полнымъ довѣріемъ и любовью своихъ подчиненныхъ, почему духъ на эскадрѣ былъ отличный. Подъ его неослабнымъ руководствомъ время не было потрачено даромъ, и, по мѣрѣ приближенія эскадры къ непріятелю, крѣпла увѣренность въ успѣхѣ.

Вечеромъ 5 іюля эскадра подошла къ острову Гогланду, гдѣ отъ развѣдчиковъ было получено извѣстіе о близости шведскаго флота.

Утромъ 6-го при легкомъ вѣтрѣ отъ OSO на эскадрѣ были замѣчены на западѣ непріятельскія суда.

Тотчасъ, по сигналу Грейга съ корабля «Ростиславъ» «приготовиться къ бою», эскадра выстроилась въ линію баталіи на правый галсъ, и стала спускаться по вѣтру, чтобы сблизиться съ непріятелемъ.

Шведская эскадра состояла изъ 16 кораблей и 7 фрегатовъ подъ начальствомъ родного брата короля герцога Карла Зюдерманландскаго.

Силы обоихъ противниковъ по числу кораблей были почти одинаковы, но въ силѣ артиллеріи шведы имѣли превосходство почти въ полтора раза. Вѣсъ шведскаго залпа изъ 1400 орудій былъ около 700 пудовъ; вѣсъ залпа русской эскадры изъ 1200 (съ мелкими калибрами)—всего 450; кромѣ того, личный составъ шведскаго флота былъ отлично обученъ, такъ какъ уже два мѣсяца находился въ непрерывномъ плаваніи.

Сознавая, съ одной стороны, всю тяжесть возложенной задачи «атаковать» шведскій флотъ, а съ другой—всю отвѣтственность за судьбу столицы и всей войны, Грейгъ остановился на рѣшеніи дать шведамъ генеральное сраженіе.

Шведскій флотъ, бывшій подъ вѣтромъ въ линіи баталіи, медленно двигался, не измѣняя курса и какъ бы выжидая русскую эскадру, которая подъ всѣми парусами спускалась на него.

Тихій вѣтеръ и неумѣніе нѣкоторыхъ командировъ удерживать свои суда въ положенныхъ мѣстахъ линіи баталіи привели къ тому, что часть судовъ арьергардіи Фондезина отстала и, несмотря на всѣ понудительные сигналы Грейга, держалась далеко сзади.

Между тѣмъ авангардъ Козлянинова и центръ Грейга уже подошли на картечный выстрѣлъ къ непріятелю, при чемъ «Ростиславъ» поравнялся съ шведскимъ генералъ-адмиральскимъ кораблемъ.

Несмотря на то, что въ этомъ мѣстѣ противъ 12 шведскихъ кораблей было всего 7 русскихъ, Грейгъ первый открылъ огонь—и тотчасъ же сраженіе сдѣлалось общимъ.

Пользуясь тѣмъ, что часть русскихъ судовъ не вступила еще въ бой, шведы сосредоточили весь свой огонь на корабли «Ростиславъ» и «Владиславъ». Вскорѣ каждый корабль выбралъ себѣ противника, и бой разгорѣлся по всей шведской линіи.

Сознавая всю важность деморализовать врага и лишить его связности дѣйствій, Грейгъ самолично обрушился на корабль герцога Зюдерманландскаго, надѣясь заставить его выйти изъ строя. Примѣру Грейга послѣдовалъ и мужественный Козляниновъ, который съ 3 кораблями авангарда смѣло обрушился на шведскіе передовые корабли

съ такой энергіей, что тѣ, понеся сильныя поврежденія и потери въ личномъ составѣ, склонились и вышли изъ линіи.

Однако и наши корабли, на которыхъ шведы сосредоточивали свой огонь, сильно терпѣли. Оба флота, медленно подвигаясь на юго-западъ, яростно сражались, закутанные дымомъ. Порядокъ судовъ спутался; каждый стремился нанести своему противнику возможно большій вредъ и выбить его изъ строя.

Главный ударъ Грейга былъ направленъ на переднюю половину шведскаго флота и, нужно думать, если бы Грейгъ былъ поддержанъ во-время отрядомъ Фондезина, шведскій флотъ былъ бы разбитъ въ первый періодъ боя.

Упорство и энергія, съ какой нападалъ Грейгъ и бывшіе около него корабли, сильно озадачили шведовъ. Русская картечь бороздила шведскіе паруса, ломая рангоутъ и перебивая снасти. Избитый «Ростиславомъ» шведскій генералъ-адмиральскій корабль послѣ полуторачасового сопротивленія, лишившись половины парусовъ, долженъ былъ выйти изъ боя на буксирѣ; той же участи подверглись вскорѣ еще три корабля.

Около половины седьмого шведы пришли въ явное замѣшательство и, слѣдуя за передовыми, стали спускаться и уходить изъ-подъ выстрѣловъ нашихъ судовъ.

Видя это, Грейгъ тотчасъ послѣдовалъ за ними. Прибавивъ парусовъ, ободренныя удачей, наши суда быстро догнали непріятеля. Бой возгорѣлся снова.

Побуждаемый сигналами Грейга, арьергардъ Фондезина, наконецъ, приблизился къ мѣсту боя и усилилъ огонь русскихъ судовъ. Оправившіеся шведы съ яростью возобновили бой, который продолжался до 9 часовъ вечера.

Около этого времени избитый непріятельскій флотъ снова спустился подъ вѣтеръ и пытался выстроиться въ линію баталіи на другомъ галсѣ.

Съ цѣлью помѣшать шведамъ оправиться, Грейгъ, поддерживая самый сильный огонь, погнался за уходящими. Слабый вѣтеръ обѣщалъ превратиться въ штиль. По приказанію адмирала наши суда спустили шлюпки и начали буксироваться къ непріятелю. Видя это, шведы прибѣгли къ тѣмъ же мѣрамъ, поддерживая разстояніе.

Наконецъ наступилъ полный штиль. Густой пороховой дымъ окуталъ обѣ эскадры. Наступившія іюльскія сумерки позволяли еще вести бой. Сквозь мглу и дымъ отъ выстрѣловъ оба противника продолжали упорную канонаду. Въ центрѣ, который былъ ближе къ врагу, канонада была въ полномъ разгарѣ.

Доблестный «Ростиславъ», бывшій все время впереди, подойдя почти вплотную къ вице-адмиральскому кораблю «Принцъ Густавъ», осыпалъ его картечью и ядрами, сбивъ почти весь рангоутъ и уложивъ около трети экипажа.

Около 10 час. избитый «Принцъ Густавъ» спустилъ передъ Грейгомъ свой флагъ и сдался. Нами были взяты въ плѣнъ вице-адмиралъ графъ Вахтмейстеръ и 539 человѣкъ офицеровъ и команды.



Адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ.





Адмиралъ Самуилъ Карловичъ Грейгъ.

Но и русская эскадра съ своей стороны потеряла одинъ корабль («Владиславъ»), который, попавъ въ дыму въ середину шведскаго флота и не получая ни откуда помощи, принужденъ былъ сдаться. Узнавъ объ этомъ поздно ночью, Грейгъ хотѣлъ идти на выручку, но окружавшія его суда центра и авангарда были такъ избиты, что не могли послѣдовать за удалявшимся шведскимъ флотомъ, а арьергардъ, который почти не принималъ участія въ бою, былъ такъ далеко отставши, что воспользоваться имъ для преслѣдованія не представлялось возможности. Такимъ образомъ въ тактическомъ отношеніи Гогландское сраженіе нельзя назвать рѣшительнымъ. Побѣда была, конечно, на сторонѣ русскаго флота, такъ какъ шведы отступили. Но стратегическій успѣхъ нашего флота былъ огромный.

Наскоро подготовленный, слабо организованный флотъ доблестью своего адмирала и личнаго состава грудью встрѣтилъ подготовленнаго врага и, отразивъ его при первой же встрѣчѣ, сразу измѣнилъ судьбу всей кампаніи.

Побережье Финскаго залива, сама столица оказались въ безопасности. Россія получила достаточное время приготовиться для дальнѣйшихъ военныхъ шаговъ. Это было тѣмъ необходимѣе, что противъ 50-тысячной шведской арміи, готовящейся перейти въ наступленіе въ Финляндіи, мы могли на первыхъ порахъ выставить всего около 10 тысячъ.

Спѣшно формировались новые полки, вызывались подкрѣпленія изъ внутреннихъ губерній; укрѣплялось побережье и порта.

Для всего этого нужна была отсрочка, которую и далъ успѣхъ нашего флота въ Гогландскомъ сраженіи.

Это было достаточно оцѣнено Императрицей; Грейгъ былъ награжденъ царскимъ орденомъ св. Андрея Первозваннаго; не менѣе щедро были награждены командиры и команда.

Какъ ни было удачно первое боевое крещеніе флота, все же нужно признать, Грейгъ могъ сразу покончить съ врагомъ. Ученикъ старой англійской школы, онъ атаковалъ шведовъ самымъ малодѣйствительнымъ способомъ—ставя свой флотъ въ линію корабль противъ корабля вмѣсто того, чтобы напасть всѣми силами на часть противника. Въ первомъ случаѣ флотъ нападающій разбрасывалъ свои силы, тогда какъ во второмъ—сосредоточивалъ ихъ на слабѣйшемъ противникѣ. Вторымъ факторомъ, сильно повліявшимъ на нерѣшительные результаты боя, было постыдное поведеніе нѣкоторыхъ командировъ арьергарда Фондезина, державшихся далеко отъ мѣста боя. По настоянію Грейга трое изъ нихъ были отданы подъ судъ. Капитаны Коковцевъ, Вальрондъ и Барановъ за уклоненіе отъ боя и неоказаніе помощи «Владиславу» были разжалованы въ матросы. Командующій арьергардомъ адмиралъ Мартынъ Фондезинъ былъ отчисленъ отъ командованія.

Несмотря на то, что Густавъ III, пользуясь фактомъ плѣненія «Владислава», отпраздновалъ Гогландскій бой, какъ побѣду шведскаго флота, послѣдній пришелъ въ Свеаборгъ съ такими поврежденіями, что думать о новыхъ попыткахъ нападенія на Кронштадтъ было невозможно.

Шведскій флотъ заперся въ Свеаборгѣ и больше выходить въ море не рисковалъ.

Въ свою очередь Грейгъ, починивъ поврежденныя суда, немедленно поспѣшилъ со всей эскадрой къ Свеаборгу съ цѣлью окончательно запереть шведовъ и лишить ихъ возможности усилить себя судами изъ Швеціи. Все море было во владѣніи нашихъ крейсеровъ, истреблявшихъ транспорты и суда шведовъ, старавшіяся подвезти въ Финляндію провизію, боевые запасы и личный составъ.

Сознавая всю безвыходность положенія шведовъ какъ на морѣ, такъ и на сушѣ, гдѣ результаты Гогландскаго сраженія породили возмущеніе въ финскихъ войскахъ, Грейгъ немедленно разработалъ планъ нападенія на Свеаборгъ съ цѣлью уничтоженія шведскаго флота и этой сильной опорной базы его въ Финскомъ заливѣ.

Однако, Военный Совѣтъ не рисковалъ идти на этотъ шагъ и медлилъ рѣшеніемъ.

Наконецъ, Грейгъ, представивъ еще разъ свои соображенія, настойчиво указалъ на невозможность медлить выполненіемъ и предложилъ поручить это дѣло ему.

Побѣдителю при Гогландѣ отказать было неудобно! Согласіе было получено, но здѣсь Россію постигла тяжелая утрата.

Простудившись въ безпрерывной тяжелой работѣ во время осеннихъ бурныхъ непогодъ, адмиралъ Грейгъ 15 октября скончался, оставя свой планъ безъ исполнителя.

Его болѣзнь и смерть самымъ гибельнымъ образомъ отразились на энергіи нашихъ дѣйствій на морѣ. Блокада Свеаборга была ослаблена, и 10 ноября шведскій флотъ ушелъ оттуда въ Карлскрону. Тамъ долженъ былъ его стеречь адмиралъ В. Фондезинъ, къ тремъ кораблямъ котораго присоединились еще 4 нашихъ корабля изъ Архангельска и три датскихъ корабля. И еще было послано къ нему 18 октября изъ Ревеля 3 корабля. Но онъ, не дождавшись и этихъ кораблей и шведскаго флота, ушелъ въ Копенгагенъ, за что былъ смѣненъ и на его мѣсто былъ назначенъ адмиралъ Козляниновъ. Такимъ образомъ шведскій флотъ благополучно добрался до Карлскроны, и кампанія 1778 г. имѣла единственный результатъ—неудачу плана шведовъ, но использовать послѣдствія этой неудачи мы оказались не въ состояніи.

2. Кампанія 1789 года.

А. Задачи линейнаго флота. Эландское сраженіе.

Всю зиму 1788—1789 гг. шли усиленные переговоры съ Даніей, обѣщавшей свою помощь для удара на Швецію съ западнаго фронта. Участіе Даніи обѣщало оттянуть значительную часть шведскаго флота на нее, что развязывало Россіи руки для дѣйствія въ Финляндіи. За зиму мы уже успѣли стянуть въ Финляндію значительное количество войскъ, коими и намѣревались оперировать въ районѣ Гельсингфорсъ—Ваза—Тавастгусъ.

На линейный флотъ ложилась задача удерживать владѣніе моремъ и препятствовать подвозу подкрѣпленій на Финскіе берега.

Новымъ командующимъ флотомъ былъ адмиралъ Василій Яковлевичъ Чичаговъ.

Такъ какъ планъ кампаніи 1789 года предусматривалъ развитіе сухопутныхъ операцій, а у шведовъ въ Свеаборгѣ и по побережью имѣлся значительный гребной (шхерный) флотъ, предназначавшійся для перевозки десанта и помощи войскамъ, то и у насъ усиленно работали надъ созданіемъ сильной гребной флотиліи, могущей противодѣйствовать шведамъ въ шхерахъ, куда доступъ большимъ линейнымъ судамъ былъ закрытъ.

Созданный Петромъ I шхерный флотъ—галеры—со временемъ пришелъ въ полный упадокъ, почему съ началомъ настоящей войны нужно было возсоздать его сызнова и спѣшно. Шведскій гребной флотъ являлся солидной силой и былъ неуязвимъ, базируясь на Свеаборгъ. Можно было ожидать, что шведы используютъ эту силу съ большой выгодой для себя, и потому въ маѣ 1789 г. указомъ Императрицы было приказано приступить къ немедленному сооруженію шхерной флотиліи.

Командованіе имъ было поручено принцу Нассау-Зигенъ, уже зарекомендовавшему себя дѣятельнымъ начальникомъ гребного флота въ войнѣ съ турками.

Что касается до линейнаго флота, то новый командующій адмиралъ Чичаговъ, соединивши ревельскую и кронштадтскую эскадры, вышелъ изъ Финскаго залива и двинулся къ югу по направленію къ острову Готландъ. Цѣлью этого похода было соединеніе его съ эскадрой Козлянинова, находившейся у Копенгагена.

Соединенію эскадръ Чичагова и Козлянинова придавалось большое значеніе. Въ случаѣ удачи въ Балтійскомъ морѣ, появлялась крупная сила изъ 30 кораблей и 12 фрегатовъ, которая могла при искусномъ веденіи операцій овладѣть всѣмъ моремъ. Шведы могли противъ этой силы выставить только 22 корабля и 9 фрегатовъ.

Допустивъ соединеніе ревельской и кронштадтской эскадръ, шведы, сознавая всю опасность новаго усиленія русскаго флота, въ началѣ іюля вышли въ упомянутомъ составѣ и заняли позицію у острова Эланда на пути русской эскадры къ Копенгагену.

Силы обоихъ противниковъ были почти равны. 14 іюля утромъ флоты пришли въ соприкосновеніе и заняли выжидательное положеніе. Несмотря на полученныя инструкціи „принудить непріятеля къ бою и стараться учинить оный рѣшительнымъ со всемѣрнымъ истребленіемъ шведскаго флота“, Чичаговъ не хотѣлъ нападать первымъ и ждалъ перваго шага со стороны шведовъ. Оба флота въ линіяхъ баталіи медленно двигались на разстояніи 3 миль, не рѣшаясь начать бой. Шведы понимали значеніе результата этого боя и потому старались угадать намѣренія Чичагова. Послѣдній не предпринималъ ничего.

Наконецъ, по сигналу своего генералъ-адмирала шведскіе корабли стали сближаться и открыли огонь, но на такой дистанціи, что снаряды

не долетали. Русскіе корабли даже не отвѣчали. Около 6 часовъ шведы рѣшили проявить себя болѣе энергично. Ихъ авангардъ, сблизившись на среднюю дистанцію, открылъ бѣглый огонь, перешедшій въ жестокую канонаду. Эта частичная схватка продолжалась около часу, послѣ чего стихающій вѣтеръ заставилъ шведскій флотъ уйти изъ-подъ выстрѣловъ нашихъ судовъ. Два его судна во время боя были выведены изъ линіи на буксирѣ.

Во время этой „лѣнивой" баталіи, когда ни одинъ изъ противниковъ не предпринялъ никакихъ рѣшительныхъ шаговъ, мы имѣли 32 убитыхъ и 185 раненыхъ на всѣхъ 20 судахъ, изъ этого числа около 140 человѣкъ выбыло изъ строя отъ разрыва своихъ же пушекъ.

Императрица была очень недовольна дѣйствіемъ Чичагова и предписала Военному Совѣту разобрать это дѣло:

„. . . . изъ вчера полученныхъ реляцій адмирала Чичагова видно, что шведы атаковали его, а не онъ ихъ,—писала императрица Совѣту,—что онъ съ ними имѣлъ перестрѣлку, что на оной потерянъ капитанъ бригадирскаго ранга и нѣсколько сотъ прочихъ воиновъ безъ всякой пользы Имперіи, что, наконецъ, онъ возвратился къ здѣшнимъ водамъ будто ради прикрытія залива Финскаго. Я требую, чтобъ поведеніе адмирала Чичагова въ Совѣтѣ сличено было съ данной ему инструкціей и мнѣ рапортовано было за подписаніемъ Совѣта: выполнилъ ли вышеупомянутый адмиралъ инструкцію ему данную за моимъ подписаніемъ или нѣтъ? Дабы я посему могла взять надлежащія мѣры: ибо примѣчательно становится въ шведской войнѣ, что недѣйствіе аки бы предметъ былъ всѣхъ начальниковъ, тогда какъ живое и согласное дѣйствіе вездѣ надъ врагомъ имъ поверхность дать могло, а Имперіи доставило бы всѣми желанный миръ".

Однако, несмотря на справедливое негодованіе Императрицы, Совѣтъ призналъ дѣйствія Чичагова соотвѣтствующими требованіямъ инструкціи.

Вскорѣ эскадры Чичагова и Козлянинова соединились почти на глазахъ шведскаго флота, который, не предпринявъ никакихъ мѣръ противодѣйствія, поспѣшилъ отойти къ Карлскронѣ, чтобы не попасть между двухъ огней.

Б. Подвиги капитана 2 ранга Кроуна.

Съ началомъ навигаціи 1789 г. было рѣшено организовать въ Балтійскихъ водахъ крейсерство для уничтоженія шведской морской торговли и наблюденія за непріятельскимъ флотомъ.

Лучшимъ развѣдчикомъ являлся быстроходный коттеръ „Меркурій" только что пришедшій въ Копенгагенъ изъ Англіи, гдѣ былъ выстроенъ по чертежамъ покойнаго адмирала Грейга. Командиромъ его былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ Романъ Васильевичъ Кроунъ.

Лихой морякъ, англійской школы, Кроунъ еще прежней своей службой зарекомендовалъ себя искуснымъ и умнымъ боевымъ командиромъ,

съ успѣхомъ исполнявшимъ наиболѣе трудныя и рискованныя порученія.

Получивъ въ командованіе „Меркурій“, Кроунъ прежде всего замѣнилъ имѣвшіяся на суднѣ мелкія 12 фунтовыя пушки 22-мя 24-фунтовыми каронадами, что сдѣлало небольшой коттеръ сразу сильнымъ крейсеромъ, могущимъ вступить въ бой съ значительно сильнѣйшимъ противникомъ.

Едва Балтійское море очистилось отъ льда „Меркурій“ былъ посланъ изъ Копенгагена въ крейсерство для развѣдки о силахъ и намѣреніяхъ шведовъ и для ловли коммерческихъ судовъ.

Передъ выходомъ предусмотрительный Кроунъ привелъ свой щеголеватый коттеръ въ безпорядокъ, чтобы имѣть видъ обыкновеннаго коммерческаго судна.

Всѣ пушечные порта были затянуты черной парусиной, пушки закрыты брезентами, палуба и бортъ запачканы, рангоутъ и паруса были приведены въ безпорядокъ. Словомъ, судно было замаскировано безобиднымъ купеческимъ бригомъ.

19 апрѣля „Меркурій“ вышелъ въ море по направленію къ Карлскронѣ, гдѣ былъ сосредоточенъ шведскій флотъ. Одновременно отъ шведовъ съ той же цѣлью былъ высланъ въ море коттеръ „Снаппупъ“, съ которымъ „Меркурій“ 29 апрѣля встрѣтился около острова Борнгольма.

Обманутый внѣшнимъ видомъ „Меркурія“, „Снаппупъ“ продолжалъ свой путь къ датскимъ берегамъ. Давъ ему отойти отъ Карлскроны, Кроунъ быстро его нагналъ и послѣ небольшого боя принудилъ пораженнаго непріятеля къ сдачѣ.

Отъ плѣнныхъ были получены нужныя свѣдѣнія о намѣреніяхъ шведовъ, послѣ чего призъ былъ приведенъ въ Копенгагенъ.

Въ маѣ Кроунъ на томъ же „Меркуріи“ снова былъ посланъ въ крейсерство, вмѣстѣ съ отрядомъ другихъ судовъ.

Опять замаскировавъ себя, отважный Кроунъ подошелъ на этотъ разъ къ самому шведскому порту Готеборгу, гдѣ находилось три шведскихъ фрегата для крейсерской службы.

Нуждаясь въ лоцманахъ для хожденія въ шхерахъ у шведскихъ береговъ, изобрѣтательный Кроунъ рѣшилъ запастись мѣстными лоцманами—шведами. Нужно было только ихъ достать. Но у смѣлаго и хитраго командира не было недостатка въ изобрѣтательности.

Подойдя къ Готеборгу, Кроунъ поднялъ шведскій флагъ и сигналомъ потребовалъ съ одного изъ острововъ лоцмана, яко бы для проводки въ портъ. Обманутые мирнымъ видомъ замаскированнаго „Меркурія“, лоцманы немедленно вышли къ нему на своей шлюпкѣ. Подойдя ближе, лоцманы, заподозрѣвъ подлинность судна и флага, стали поворачивать къ берегу. Но Кроуна провести было трудно. Сквозь небольшую дыру въ брезентѣ, закрывавшемъ портъ, онъ все время наводилъ орудіе и какъ только увидѣлъ, что лоцманы раскрыли его замыселъ, онъ мѣткимъ выстрѣломъ пробилъ шлюпкѣ корму. Лодка стала тонуть; приготовленная шлюпка съ „Меркурія“ быстро была спущена на воду и спасла двухъ лоцмановъ.

Запасясь проводниками и держа ихъ подъ своимъ строгимъ надзоромъ, Кроунъ имѣлъ возможность посѣтить и осмотрѣть все шведское побережье, куда раньше суда наши за незнаніемъ фарватеровъ ходить не могли. Отъ тѣхъ же лоцмановъ Кроунъ узналъ и о мѣстонахожденій шведскихъ крейсеровъ, изъ коихъ одинъ, 40-пушечный „Венусъ" и былъ избранъ Кроуномъ своей жертвой.

Отправившись за нимъ въ поиски, Кроунъ вскорѣ увидѣлъ своего противника, крейсерующаго у Марстранда. Два дня неотступно слѣдилъ онъ за „Венусомъ", который какъ и „Снаппупъ" былъ введенъ въ обманъ внѣшнимъ видомъ „Меркурія".

Получивъ, наконецъ, выгодный для себя вѣтеръ, Кроунъ сталъ преслѣдовать шведскій фрегатъ, стараясь навести его на отрядъ нашихъ судовъ, бывшій въ морѣ.

Этого сдѣлать не удалось. Тогда лихой Кроунъ рѣшилъ самъ расправиться съ противникомъ, не считаясь ни съ его величиной, ни съ силой.

21 мая, пользуясь штилемъ, Кроунъ выкинулъ весла и сталъ приближаться къ заштилѣвшему „Венусу". Послѣдній только теперь понялъ, кто было его спутникъ, но было поздно.

Подойдя на близкую дистанцію и помѣстившись за его кормой, Кроунъ открылъ огонь всѣмъ бортомъ, сбивая рангоутъ и снасти.

Расчетъ Кроуна былъ совершенно правиленъ: шведскій фрегатъ, имѣя вдвое сильнѣйшую артиллерію, на ходу былъ весьма опаснымъ противникомъ; здѣсь же, помѣстившись у него за кормой и дѣйствуя всѣмъ бортомъ, Кроунъ зналъ, что фрегатъ можетъ отвѣчать только изъ немногихъ кормовыхъ пушекъ.

Такъ оно и было. Когда же „Венусъ" пробовалъ повернуться бортомъ къ своему назойливому врагу, Кроунъ на веслахъ тотчасъ занималъ снова у него положеніе за кормой, осыпая его ядрами изъ своихъ каронадъ въ упоръ.

Вскорѣ у „Венуса" были сбиты стеньги, передніе паруса и рядъ сильныхъ поврежденій лишилъ шведовъ всякой надежды на возможность спасенія. Въ это же время на выстрѣлы подходили суда русскаго отряда.

Увидѣвъ это, маленькій „Меркурій" усилилъ огонь и, минуту спустя, громадный фрегатъ, отдавъ марса-фалы, спустилъ флагъ.

Едва ли въ морскихъ лѣтописяхъ можно найти другой подобный подвигъ, гдѣ 40-пушечный фрегатъ съ командой въ 310 человѣкъ въ бою одинъ на одинъ съ небольшимъ развѣдчикомъ, вооруженномъ 22 пушками и командой въ 84 человѣка, сдался, обезкураженный безумной отвагой и рѣшимостью своего противника.

Нужно замѣтить, что за время боя на „Венусѣ", вслѣдствіе приказанія Кроуна стрѣлять по рангоуту, былъ убитъ только одинъ человѣкъ и нѣсколько ранено, тогда какъ на „Меркуріи" выбыло 15%.

За свой исключительный подвигъ Кроунъ былъ награжденъ чиномъ капитана 2 ранга, орденомъ св. Георгія 4 ст. и пенсіономъ по смерть.

Кромѣ того, онъ былъ назначенъ командиромъ взятаго фрегата, коему было оставлено его имя «Венусъ» [1]).

Вступивъ въ командованіе фрегатомъ, Кроунъ продолжалъ свою лихую боевую службу съ тѣмъ же успѣхомъ. Войдя въ составъ линейной эскадры, Кроунъ принималъ участіе во всѣхъ бояхъ за время кампаній 1789 и 1890 гг., особенно отличившись во время блокады шведскаго флота въ Выборгскомъ заливѣ въ 1790 году.

В. 1-е Роченсальмское сраженіе.

Съ переходомъ въ 1789 г. нашихъ войскъ въ Финляндіи въ наступленіе чувствовалась насушная необходимость поддержать нашъ лѣвый флангъ сильной шхерной флотиліей.

Гребной флотъ шведовъ, хозяйничая въ шхерахъ, оставался неуязвимымъ для нашего линейнаго флота и въ то же время оказывалъ значительную поддержку своей арміи, укрѣпляя ея правый флангъ и подвозя ей припасы и подкрѣпленія.

Всю зиму въ Кронштадтѣ и Петербургѣ шли спѣшныя приготовленія гребного флота, но недостатокъ рабочихъ рукъ и отсутствіе заблаговременно приготовленныхъ матеріаловъ для постройки и вооруженія сильно задерживали готовность судовъ.

Только 8 іюня гребной флотъ подъ начальствомъ, принца Нассау-Зигенъ въ составѣ 75 судовъ (галеръ, канонерскихъ лодокъ, дубель-шлюпокъ и проч.) вышелъ изъ Кронштадта по направленію къ Фридрихсгамскому заливу, гдѣ были сосредоточены главныя силы шведскаго гребного флота подъ начальствомъ адмирала Эренсверда.

Присоединивъ къ себѣ небольшой отрядъ гребныхъ судовъ подъ командой бригадира Слизова и дождавшись прихода изъ Кронштадта вспомогательной резервной эскадры адмирала Круза, принцъ Нассау-Зигенъ сталъ готовиться къ нападенію на шведовъ.

Послѣдніе находились на Роченсальмскомъ рейдѣ, на отлично защищенной позиціи, на которую можно было проникнуть черезъ два прохода— съ юга между островами Муссала и Кутцала, шириною около 400 саженъ, и съ сѣвера, болѣе узкимъ, такъ называемыми Королевскими воротами.

Оба прохода были защищены батареями. Кромѣ этого Королевскія ворота были преграждены затопленными судами. Такимъ образомъ, для прорыва русскихъ на рейдъ былъ доступенъ только одинъ южный проходъ.

Занявъ столь выгодную позицію, шведы спокойно ожидали нашихъ первыхъ шаговъ. Эскадра Эренсверда состояла изъ 62 боевыхъ судовъ и 24 трансп.; послѣдніе были поставлены на маломъ Роченсальмскомъ рейдѣ.

Несогласія, возникшія между принцемъ Нассау и адмираломъ Крузомъ по вопросу о способѣ нападенія на шведовъ, сильно замедляли подготовительныя наши дѣйствія.

---

[1]) Въ этомъ бою принимала участіе, какъ сестра милосердія, и жена Кроуна, неразлучно сопутствовавшая мужу въ его походахъ. Узнавъ объ этомъ, Императрица наградила ее орденомъ св. Екатерины.

Это побудило Императрицу смѣнить Круза и назначить вмѣсто него генералъ-маіора Балле, исполнявшаго обязанности оберъ-интендапта флота.

Къ ночи на 13 августа всѣ приготовленія были закончены. Планъ нападенія состоялъ въ слѣдующемъ: отрядъ Балле изъ 11 большихъ и 9 малыхъ судовъ, находясь въ центрѣ, долженъ былъ, войдя черезъ южный проходъ, завязать сраженіе и оттянуть на себя всѣ главныя силы шведовъ для того, чтобы дать время остальнымъ отрядамъ прорваться на рейдъ черезъ Королевскія ворота и напасть на непріятеля съ тыла.

Съ утра 13 августа отрядъ Балле, снявшись съ якоря, двинулся на непріятеля и тотчасъ же завязалъ бой. Эренсвердъ, отдѣливъ противъ него превосходныя силы, сосредоточилъ весь огонь на передовыхъ судахъ, стараясь помѣшать выстроиться въ боевой порядокъ. Съ большимъ трудомъ подвигаясь впередъ, отряду Балле удалось къ полудню подойти на картечный выстрѣлъ и выстроить линію баталіи.

Сознавая всю отвѣтственность своей задачи, Балле, несмотря на превосходство непріятельскихъ силъ и на значительныя поврежденія своихъ судовъ во время подхода къ позиціи, принялъ всѣ мѣры, чтобы привлечь на себя все вниманіе шведовъ.

Особенно терпѣли передовыя суда линіи. На нихъ то и дѣло вспыхивали пожары. Черезъ два часа боя на нихъ не оставалось ни одной цѣлой мачты, всѣ снасти были перебиты. Несмотря на это, команды судовъ сражались съ необыкновеннымъ мужествомъ и упорствомъ.

Не легко приходилось и шведамъ. Мѣткій огонь судовъ Балле не разъ уже заставлялъ ихъ отходить за линію, при чемъ двѣ канонерскія лодки были утоплены, а часть, наиболѣе пострадавшихъ, спѣшила скрыться за острова.

Увѣренный въ поддержкѣ Нассау, Балле упорно продолжалъ бой. Однако, по непонятнымъ причинамъ, Нассау медлилъ вступленіемъ въ бой, оставаясь на прежней позиціи и не начиная своего обходнаго движенія. Наконецъ, почти черезъ два часа боя, когда положеніе отряда Балле стало явно угрожающимъ, такъ какъ шведы вводили въ свою линію свѣжія суда, Нассау рѣшилъ вступить въ бой.

Посланный первымъ отрядъ графа Литта, подойдя къ Королевскимъ воротамъ, наткнулся на непреодолимое препятствіе—затопленныя суда. Это было полной неожиданностью для Нассау. Суда разсыпались между сосѣдними островками, ища прохода на рейдъ между камнями, но безрезультатно.

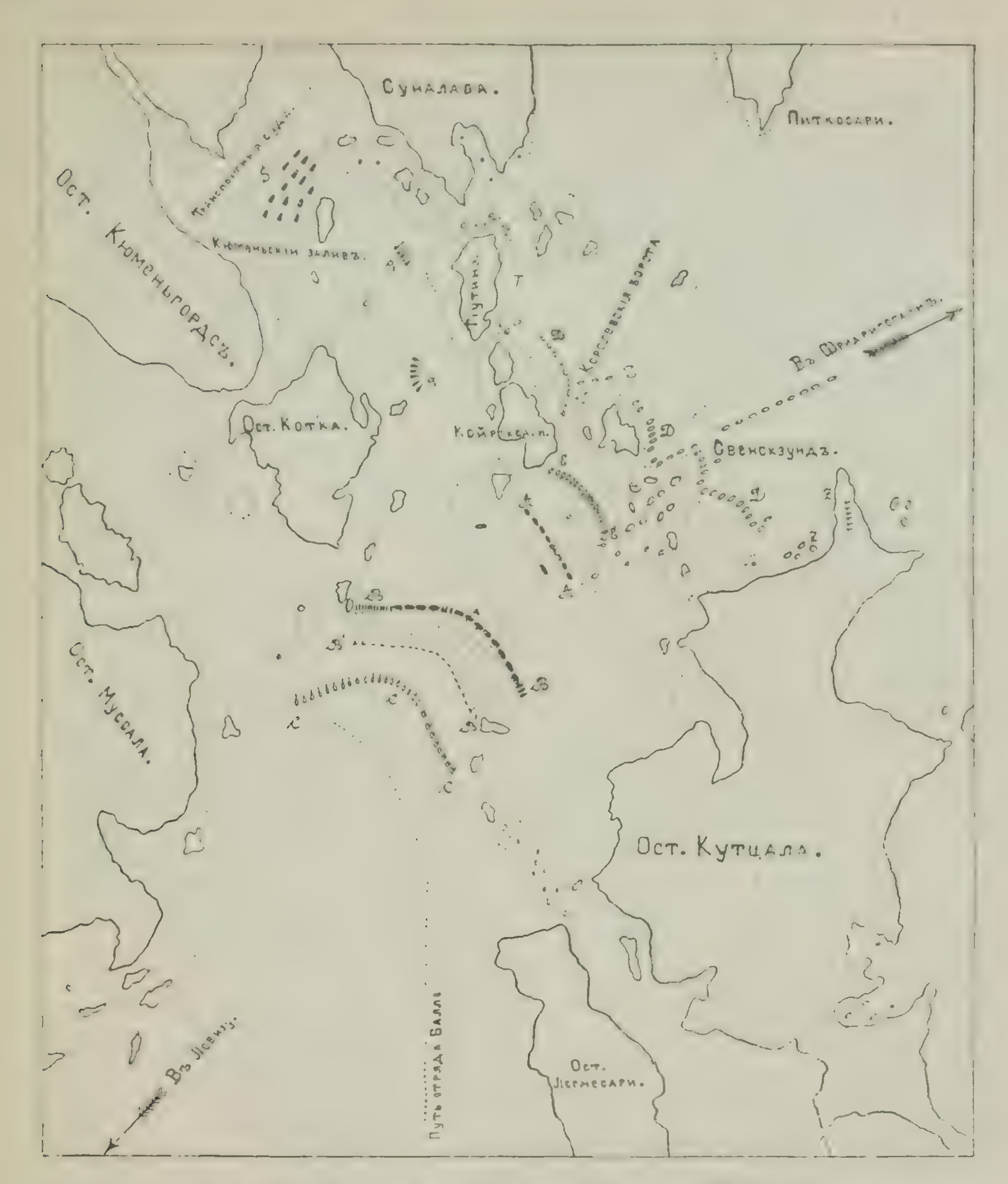
Оставалось одно—попытаться очистить проходъ отъ затопленныхъ судовъ. Это былъ почти безумный, но единственный выходъ, и отрядъ Литта принялся за него съ необычайной отвагой.

Осыпаемый градомъ снарядовъ съ пловучихъ батарей, защищающихъ проходъ, отрядъ топорами, ломами, гандшпугами прочищалъ себѣ дорогу, растаскивая борта и днища затопленныхъ судовъ.

Офицеры, нижніе чины, матросы и гвардейскіе солдаты по поясъ въ водѣ съ необычайнымъ упорствомъ и храбростью работали, сознавая,



Взятіе шведскаго фрегата „Венусъ“ россійскимъ коттеромъ „Меркурій“.
подъ командой капитанъ-лейтенанта Кроуна, 21 мая 1789 г. у Христіансъ-фіорда



Планъ 1-го Роченсальмскаго сраженія 13 августа 1789 года.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ПЛАНУ.

А А—Линія шведскаго передового гребного отряда, охранявшаго проходъ черезъ Свенскзундъ и Королевскія ворота.

В В—Главныя силы шведскаго гребного флота. Лѣвое крыло—12 канонерскихъ лодокъ, 5 барказовъ. Центръ—3 турумы, 1 фрегатъ, 3 галеры. Правое крыло—2 турумы, 1 гемамма, 2 удемы, 1 паяма и 3 барказа. Всего 35 судовъ.

В′ В′—Тотъ же флотъ, но въ сомкнутой позиціи во время боя.

С С—Русскій отрядъ ген.-майора Балле въ составѣ 28 судовъ, сражавшійся съ 10 час. утра до 6 час. вечера.

Д Д Д—Русскій гребной флотъ принца Нассау-Зигенъ—отряды графа Литта, Слизова и Хвостова (78 судовъ), старающіеся расчистить проходъ черезъ Свенскзундъ (Королевскія ворота) и прорваться на Роченсальмскій рейдъ.

Е Е—Линія русскихъ судовъ послѣ прорыва на рейдъ.

Z—Русская батарея на мысу Сандудденъ.

S—Шведскія транспортныя суда въ Кюменьскомъ заливѣ.

q q—Отряды мелкихъ шведскихъ судовъ для защиты шверныхъ проходовъ на рейдъ.

что отъ успѣха прорыва зависитъ участь отряда Балле и результатъ всего боя.

Болѣе четырехъ часовъ уже продолжалась работа. Шведскія ядра то и дѣло вырывали группы работниковъ, падая на всемъ протяженіи прохода, но на смѣну выбывшимъ появлялись новые и новые охотники, спѣшившіе продолжать начатую работу.

Между тѣмъ, отрядъ Балле послѣ четырехчасового боя уже изнемогалъ; на многихъ судахъ нехватало снарядовъ, сильная убыль у орудій оставляла послѣднія въ бездѣйствіи; избитыя суда, держась изъ послѣднихъ силъ, готовы уже были покинуть мѣсто боя.

Шведы, видя тяжелое положеніе русскихъ судовъ, стали уменьшать разстояніе и готовились къ абордажу. Видя это, Балле приказалъ начать отступленіе сперва наиболѣе пострадавшимъ судамъ, а затѣмъ и остальнымъ, коимъ было приказано прикрывать и всячески маскировать отступленіе избитыхъ товарищей.

Это не укрылось отъ шведовъ, которые бросились впредъ и вскорѣ овладѣли двумя наиболѣе пострадавшими нашими судами—бомбардой «Перунъ» и пакетботомъ «Поспѣшный».

Было уже начало седьмого часа. Не получая поддержки отъ Нассау, Балле уже занималъ новую позицію у островов, чтобы не подвергнуться нападенію шведовъ на отступленіи, какъ вдругъ рейдъ огласился бѣшенымъ крикомъ «ура»! Судамъ отряда графа Литта, послѣ безумныхъ усилій, удалось растащить затопленныя суда и прорваться на рейдъ.

Одна за другой, вытягиваясь изъ прохода, спѣшили къ мѣсту боя большія галеры, оглашая воздухъ могучимъ «ура» и быстрымъ огнемъ своихъ орудій. Къ нимъ присоединились канонерскія лодки, коимъ еще нѣсколько раньше удалось попасть на рейдъ по мелководью между островками и каменьями.

Сраженіе сразу измѣнило свой видъ. Измученные 6-часовымъ боемъ съ упорнымъ Балле, шведы, уже предвкушавшіе побѣду, оказались лицомъ къ лицу съ новымъ свѣжимъ противникомъ, такъ неожиданно появившимся оттуда, гдѣ, казалось, природа и замыселъ человѣка преградили всякую возможность прохода.

Посланныя навстрѣчу новому врагу шведскія суда спѣшно отступили подъ натискомъ галеръ и канонерскихъ лодокъ къ главнымъ силамъ. Новый натискъ—и шведы въ безпорядкѣ стали отступать.

Эренсвердъ, понеся сильныя потери въ бою съ Балле, съ появленіемъ на рейдѣ русскихъ галеръ, понялъ всю невозможность сопротивленія и отдалъ приказъ объ отступленіи юго-западнымъ проходомъ къ Ловизѣ.

Однако, отступить было не такъ легко.

Поврежденныя гребныя шведскія суда съ уменьшившимся экипажемъ не могли двигаться быстро.

Наши суда, разсыпавшись по рейду лавой, не давали скрыться ни одному противнику. Весь рейдъ снова наполнился гуломъ выстрѣловъ и дымомъ. Окруженные шведы, потерявшіе руководство, пробовали про-

рываться. Тѣ, коимъ это удавалось подъ прикрытіемъ наступившей темноты, бѣжали за острова и изъ послѣднихъ силъ уходили въ Ловизу. Болѣе избитыя сдавались.

Первыми были отбиты «Перунъ» и «Поспѣшный». Затѣмъ были взяты: фрегатъ «Ав-Трооле», 5 большихъ гребныхъ судовъ, изъ коихъ два адмиральскихъ, 4 мелкихъ судна. Кромѣ того три канонерскія лодки были утоплены въ самомъ сраженіи. Взято въ плѣнъ 37 офицеровъ и 1100 н. ч. Мы потеряли отъ взрывовъ 1 галеру и 1 лодку; потери въ личномъ составѣ были около 1000 человѣкъ ранеными и убитыми. Кромѣ того, шведами были сожжены всѣ транспортныя суда, коимъ грозила участь быть захваченными.

Побѣда была полная. Упорство Балле и отвага графа Литта вписали славную страницу въ морскую исторію.

Нассау, едва не потерпѣвшій серьезнаго пораженія, благодаря неосвѣдомленности о закрытіи Королевскаго прохода, сдѣлался побѣдителемъ и, донося о своемъ успѣхѣ Императрицѣ, писалъ: «Надѣюсь скоро прислать Вамъ извѣстіе о вторичной побѣдѣ».

Роченсальмское пораженіе сильно подѣйствовало на разсчеты шведовъ. Бѣгство гребной флотиліи, потерявшей около половины судовъ и личнаго состава, гибель транспортовъ, необходимыхъ для арміи, сразу обнажало правый ея флангъ, почему при первой же нашей попыткѣ перейти въ наступленіе на сушѣ, шведы поспѣшно оставили свои позиціи и ретировались за Кюмень, очистивъ наши предѣлы.

Наступали холода и, военныя дѣйствія были пріостановлены.

3. Кампанія 1790 года.

А. Планы кампаніи.

Зима 1789 года прошла въ обоюдныхъ приготовленіяхъ къ военнымъ дѣйствіямъ.

Почти два года войны на морѣ и сушѣ не дали особенно ощутительныхъ результатовъ. Правда, Густавъ III потерпѣлъ полное крушеніе своихъ плановъ, среди его войскъ, недовольныхъ начатой войной, началось броженіе, но тѣмъ не менѣе Густавъ не намѣревался складывать оружія, надѣясь на перемѣну къ лучшему и на возможность получить отъ Россіи почетный миръ.

Эту надежду поддерживало въ немъ общее тяжелое политическое положеніе Россіи, которой, кромѣ одновременной борьбы на два фронта, приходилось бдительно смотрѣть за поведеніемъ безпокойной Польши и парализовать непріязненные шаги прусской дипломатіи, всѣми силами стремившейся ввязать Россію въ борьбу и на западѣ.

Неудачи предыдущей кампаніи на морѣ и на сушѣ ни мало не безпокоили короля. Его линейный флотъ былъ увеличенъ новыми судами, а бездѣятельность главнокомандующаго русской арміей въ Финляндіи гр. Мусина-Пушкина давала королю увѣренность, что въ предстоящей кампаніи русскіе на сушѣ не выйдутъ изъ пассивнаго состоянія.

Линейный флотъ шведовъ состоялъ изъ 25 кораблей, 15 фрегатовъ и 20 мелкихъ судовъ; галерный флотъ, пополненный вновь выстроенными судами, доходилъ до почтенной цифры 350 судовъ. Къ этому ко всему необходимо добавить, что наша союзница Данія подъ вліяніемъ угрозъ Англіи и Пруссіи отдѣлилась отъ союза и заключила со Швеціей миръ, а король Густавъ III получилъ отъ этихъ же державъ значительныя субсидіи и былъ обезпеченъ средствами по крайней мѣрѣ на годъ войны.

Наши морскія силы состояли изъ 29 кораблей, 13 фрегатовъ и 50 меньшихъ судовъ, галерный флотъ исчислялъ въ своемъ составѣ около 200 судовъ различныхъ типовъ.

Бездѣятельность нашихъ сухопутныхъ силъ въ прошлую кампанію сильно раздражала Императрицу, что не замедлило выразиться въ отзывѣ гр. Мусина-Пушкина и въ назначеніи главнокомандующимъ гр. Салтыкова.

Было рѣшено прежде всего обратить особенное вниманіе на очищеніе Финскаго залива отъ шведскаго флота, какъ главнаго фактора неуязвимости противника, имѣвшаго возможность всѣми средствами поддерживать сухопутныя силы, подвозя подкрѣпленія и снабженіе въ Финляндію.

Въ рескриптѣ на имя новаго главнокомандующаго были изложены слѣдующія стратегическія соображенія, которыя должны были быть осуществлены на дѣлѣ и привести къ успѣху.

1. Корабельный флотъ подъ начальствомъ Чичагова, усиливъ себя резервной эскадрой вице-адмирала Круза, имѣетъ задачей запереть Финскій заливъ и отражать всѣми силами покушенія непріятельскаго флота войти въ него и оказывать какое-либо воздѣйствіе на ходъ военныхъ дѣйствій по побережью. Цѣль закрытія Финскаго залива—обезпечить нашему гребному флоту свободу дѣйствій въ шхерахъ.

2. Галерный флотъ (шхерный) подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенъ дѣйствуетъ противъ шхерной флотиліи шведовъ и стремится разбить ее и тѣмъ отрѣзать сухопутныя войска шведовъ отъ сообщенія съ моремъ.

3. Сухопутная армія, перейдя въ наступленіе, стремится завладѣть Финляндіей, при чемъ, при содѣйствіи корабельнаго и гребного флотовъ, должна овладѣть Свеаборгомъ и Гельсингфорсомъ, какъ главной опорной базой шведовъ.

«Сіи главныя части—говорилось въ рескриптѣ,—долженствуютъ почитаемы быть за единое вооруженіе, на трое раздѣляемое, изъ коихъ армія сухопутная составляетъ—правое крыло, галерный флотъ—середину, а флотъ корабельный—лѣвое крыло». Начальникамъ этихъ частей предписывалось доброе согласіе и взаимное содѣйствіе.

Вмѣстѣ съ тѣмъ рескриптъ подчеркивалъ, что главныя военныя операціи предназначаются на долю арміи и гребного флота, какъ силъ, необходимыхъ для очищенія Финляндіи и ея побережья отъ непріятеля.

Флоту же корабельному предназначалась вначалѣ роль заслона Финскаго залива, отъ диверсіи шведскаго линейнаго флота.

Во исполненіе данныхъ указаній съ началомъ навигаціи наша эскадра, отдѣливъ отъ себя отряды для крейсерства, должна была занять посты у Паркалауда, Барезунда и Гангута, чтобы лишить шведовъ возможности безпрепятственнаго сообщенія шхерами.

Въ случаѣ успѣховъ нашихъ въ шхерахъ и въ Финляндіи корабельному флоту предстояло начать борьбу за обладаніе Балтійскимъ моремъ, а по достиженіи послѣдняго перекинуть наши войска на шведскіе берега уже подъ самый Стокгольмъ.

Такимъ образомъ, Императрица намѣревалась внести войну въ шведскіе предѣлы непосредственно.

Въ свою очередь и Густавъ не терялъ надежды осуществить свой неудавшійся планъ нападенія на Петербургъ.

Въ общихъ чертахъ онъ состоялъ въ слѣдующемъ: зная, что нашъ линейный флотъ раздѣленъ въ своихъ силахъ между Ревелемъ и Кронштадтомъ, и едва ли будетъ готовъ къ выходу въ море ранѣе конца мая, Густавъ намѣревался тотчасъ же съ началомъ навигаціи войти въ Финскій заливъ и, предупредивъ соединеніе обѣихъ частей русскаго флота, разбить его, послѣдовательно, у Ревеля и запереть въ Кронштадтѣ. Достигнувъ, такимъ образомъ обладанія моремъ, Густавъ III отрѣзалъ нашъ шхерный флотъ и могъ легко уничтожить его совмѣстными силами корабельнаго и шхернаго флотовъ, а затѣмъ безпрепятственно идти съ сильнымъ десантомъ къ Петербургу.

Военныя дѣйствія начались раннимъ наступленіемъ шведскихъ войскъ въ Финляндіи, при чемъ, благодаря неожиданности, наши передовыя части должны были отступить, что позволило королю занять рядъ сильныхъ позицій, на которыхъ онъ прочно и укрѣпился.

Одновременно, въ началѣ марта, въ Финскомъ заливѣ показались шведскіе крейсеры-развѣдчики, которые, подойдя къ Ревелю и произведя развѣдку, сдѣлали нападеніе на Балтійскій портъ, заставъ гарнизонъ послѣдняго врасплохъ. Свезенный со шведскихъ судовъ десантъ изъ 50 человѣкъ, послѣ предварительной бомбардировки, напалъ на наши батареи и портъ и, не встрѣтивъ никакого сопротивленія со стороны растерявшагося гарнизона, заклепалъ всѣ орудія, выжегъ портовые магазины и взялъ съ жителей 4.000 рублей контрибуціи.

Столь смѣлое нападеніе на портъ, столь близкій къ Ревелю, гдѣ находилась наша эскадра, было первымъ предостереженіемъ. Дѣйствительно, мѣсяцъ спустя были получены извѣстія, что шведскій флотъ въ составѣ 40 вымпеловъ, подъ командой герцога Зюдерманландскаго, вышелъ въ море по направленію къ Финскому заливу.

Посланныя въ крейсерство суда вскорѣ донесли, что шведская эскадра, повидимому, направляется къ Ревелю.

Это побудило Чичагова спѣшить съ окончательнымъ приведеніемъ эскадры въ боевое состояніе, и къ концу апрѣля всѣ наличные корабли ревельской эскадры были въ состояніи выйти въ море.

Б. Ревельское сраженіе.

1 мая шведы показались въ виду Ревеля.

Сознавая, что шведы не упустятъ случая напасть съ превосходными силами на русскую эскадру, состоявшую изъ 11 кораблей, 6 фрегатовъ и бомбардирскихъ судовъ, Чичаговъ рѣшилъ принять бой на якорѣ, расположившись такимъ образомъ, чтобы какъ можно выгоднѣе использовать свою артиллерію.

Наличіе 27 линейныхъ кораблей у шведовъ давало имъ значительное преимущество въ огнѣ, и потому бой на ходу и въ морѣ не давалъ Чичагову никакой увѣренности въ успѣхѣ.

Вѣсъ выбрасываемаго металла у шведовъ при единовременномъ залпѣ орудій доходилъ до 800 пудвъ, тогда какъ у насъ не превышалъ и 400. Такимъ образомъ, шведы были больше чѣмъ вдвое сильнѣе насъ.

Эскадра наша была выведена на рейдъ и расположена въ трехъ линіяхъ: въ первой—11 кораблей, во второй—фрегаты и бомбардирскія суда, въ третьей, ближе къ берегу,—мелкія суда.

Линіи судовъ упирались своими флангами въ прибрежныя отмели и примыкали къ гавани такъ, чтобы предотвратить всякую возможность обхода. Всѣ суда имѣли съ кормы завезенными верпы съ двойнымъ шпрингомъ для свободнаго поворачиванія къ противнику бортомъ, а самое расположеніе судовъ было сдѣлано съ такимъ расчетомъ, чтобы имѣть полную возможность дѣйствія сосредоточеннымъ огнемъ. Кромѣ того огонь былъ усиленъ нѣсколькими береговыми батареями.

Къ вечеру 1 мая эскадра совершенно приготовилась къ встрѣчѣ непріятеля.

Около 5 часовъ утра 2 мая шведскій флотъ показался съ запада, со стороны острова Наргена, въ разстояніи 15 миль. Всѣ суда шли въ разсыпную, избѣгая мелей, повидимому намѣреваясь выстроиться въ строй баталіи при подходѣ къ самому рейду. Выйдя на свободную воду, непріятельскія суда убавляли паруса и ложились въ дрейфъ, поджидая подхода отставшихъ.

Около 7 часовъ напріятель, выстроивъ линію, тронулся по направленію къ Ревелю, при чемъ одинъ изъ кораблей его приткнулся къ мели. Остальные, постепенно прибавляя паруса, широкой бѣлой полосой двигались къ сѣверному входу на Ревельскій рейдъ.

Около $9^1/_2$ часовъ утра Чичаговъ, закончивъ послѣднія распоряженія, приказалъ дать командамъ обѣдъ, а въ 10 часовъ съ его корабля былъ поднятъ сигналъ: «приготовиться къ бою». Все уже было готово. Свѣжій вѣтеръ отъ N порывами быстро гналъ непріятеля на эскадру, накреняя его суда на правый бортъ.

Тотчасъ появились сигналы и на шведскихъ судахъ. Ихъ передовые корабли, подойдя на двѣ мили къ эскадрѣ, быстро стали спускаться по вѣтру, держа приблизительно, на ея средину. Остальные послѣдовали за ними. Приблизившись на дальній пушечный выстрѣлъ, шведскія суда поворачивали вдоль линіи нашихъ судовъ и завязывали бой. Около

10 часовъ передніе суда шведовъ, поравнявшись съ нашими судами, открыли огонь. Первый ихъ залпъ всѣмъ бортомъ, плохо расчитанный благодаря крену, дававшему орудіямъ меньшій уголъ возвышенія, легъ значительно впереди нашихъ судовъ. Зато нашъ первый залпъ сразу изрѣшетилъ паруса передового корабля и заставилъ его быстро проскочить всю нашу линію и выйти на вѣтеръ.

Способъ нападенія шведовъ сразу давалъ намъ значительныя преимущества, несмотря на сравнительную слабость въ силѣ. Спускаясь по вѣтру, всѣ шведскіе корабли, раздѣленные интервалами, должны были по очереди проходить мимо всей нашей линіи, подвергаясь сосредоточенному огню всѣхъ судовъ на всемъ протяженіи занятой нами позиціи. Стоя неподвижно, наши суда могли спокойно выбирать и цѣлить въ противника, который изъ-за частыхъ порывовъ вѣтра былъ лишенъ правильной и точной наводки. Почти половина ихъ залповъ легла, благодаря этому обстоятельству, въ воду на большихъ недолетахъ, что не могло не отразиться самымъ благопріятнымъ образомъ на нашихъ командахъ, видѣвшихъ столь затруднительное положеніе противника.

Первые четыре корабля прошли, не нанеся намъ никакихъ поврежденій. Пятый корабль шведовъ «Адольфъ-Фридрихъ», шедшій подъ флагомъ вице-адмирала Модее, съ цѣлью сблизиться съ противникомъ и подать примѣръ остальнымъ кораблямъ, бросился на нашъ лѣвый флангъ и, уменьшивъ ходъ и кренъ, далъ залпъ, нанесшій весьма слабый вредъ нашимъ судамъ, но, получивъ въ отвѣтъ полные залпы изъ нижнихъ дековъ нашихъ кораблей, съ перебитыми реями и разбитымъ бортомъ, тотчасъ положилъ руль и поспѣшилъ выскочить изъ обстрѣла. Остальныя суда не пожелали подвергнуться участи своего начальника и попытокъ къ атакѣ не дѣлали, проходя на разстояніи дальняго выстрѣла. Такъ продолжалось около часу.

Всѣ наши выстрѣлы были направлены въ рангоутъ и паруса непріятеля и, дѣйствительно, рѣдкій корабль уходилъ отъ огня эскадры, не потерявъ реевъ и безъ изорванныхъ въ клочья парусовъ.

Въ началѣ двѣнадцатаго часа стали подходить корабли непріятельскаго центра. Одинъ изъ нихъ «Форзигтикхетенъ» попытался повторить попытку Модее, подойти ближе остальныхъ, но долженъ былъ тотчасъ же выйти изъ линіи со счищенными нашей картечью палубами и избитыми парусами. Слѣдомъ за нимъ шелъ генералъ-адмиральскій корабль «Густавъ III», который едва не попалъ въ плѣнъ и спасся съ большимъ трудомъ. Проходя мимо корабля «Ярославъ» и, получивъ залпъ по рангоуту, «Густавъ III» принужденъ былъ выйти нѣсколько на вѣтеръ, почему долженъ былъ повернуть свои реи. Въ этотъ моментъ новымъ ядромъ съ «Ярослава» на гротъ-мачтѣ былъ убитъ матросъ, который падая попалъ платьемъ въ блокъ и тѣмъ лишилъ корабль возможности дать рею необходимое направленіе. Бросившіеся, для отвода рея въ обратное положеніе матросы, были уничтожены удачно упавшимъ ядромъ съ «Ростислава». Парусъ заполоскалъ въ воздухѣ и корабль стало нажимать вѣтромъ къ нашей линіи. Только на разстояніи 20 саженей отъ

«Ростилава» шведскому кораблю послѣ большихъ усилій удалось выправить паруса и забрать ходъ, но и здѣсь, пройдя вплотную подъ выстрѣлами остальныхъ нашихъ судовъ, онъ потерялъ гротъ-стеньгу, часть верхнихъ парусовъ и былъ весь засыпанъ обломками рангоута.

Между тѣмъ, какъ ни явно неудаченъ былъ выбранный маневръ для атаки, шведы все еще продолжали его. Усилившійся вѣтеръ еще больше мѣшалъ имъ стрѣлять, увеличивая кренъ.

Особенно тяжело пришлось 14-му и 15-му кораблямъ шведской линіи—«Принцу Карлу» и «Софіи Магдалинѣ». Снесенные волной ближе другихъ къ русской линіи, они были буквально засыпаны нашими снарядами, при чемъ на «Принцѣ Карлѣ» одновременно повалились на правую сторону гротъ и форъ-стеньги. Нижніе паруса также сильно пострадали. «Принцъ Карлъ» тщетно пытался выбраться изъ огня и, наконецъ, потерявъ ходъ, отдалъ якорь и, спустивъ свой флагъ, сдался въ плѣнъ. Его участь едва не раздѣлилъ корабль «Софія Магдалина», который, только воспользовавшись минутнымъ затишьемъ боя, спѣшно вышелъ изъ сферы огня.

Сдача корабля, а также аварія одного изъ наиболѣе пострадавшихъ переднихъ судовъ, попавшаго на мель, заставили герцога Зюдерманландскаго отказаться отъ продолженія сраженія и поднять остальнымъ судамъ, спускавшимся на нашу эскадру, сигналъ повернуть обратно. Около 1 часу дня бой прекратился и шведы удалились за островъ Вульфъ.

Итоги боя: шведы потеряли одинъ корабль взятымъ, одинъ выкинутымъ на мель, который былъ ими же сожженъ; около 670 человѣкъ убитыми, ранеными и плѣнными. Всѣ бывшіе въ бою корабли сильно пострадали. Мы неимѣли никакихъ серьезныхъ поврежденій въ судахъ и 8 убитыхъ и 27 раненыхъ.

Какъ ни благопріятенъ былъ для насъ результатъ боя съ вдвое сильнѣйшимъ противникомъ, но надо сказать, что при столь счастливо сложившихся обстоятельствахъ, Чичаговъ могъ бы достигнуть значительно большихъ успѣховъ. И вѣтеръ, и волна, и мели и, наконецъ, сама тактика непріятеля, шедшаго по собственному желанію въ мышеловку подъ очередной разстрѣлъ своихъ судовъ всѣми судами нашей эскадры давали начальнику эскадры полную возможность заставить врага заплатить за свой неоправдываемый рискъ и не двумя судами.

В. Стирсуденскія сраженія (Сраженія при Красной Горкѣ).

Извѣстіе о появленіи шведскаго флота у Ревеля и затѣмъ сраженіе 2 мая, несмотря на его благопріятный результатъ, сильно озаботили Петербургскій Дворъ. Слабость Ревельской эскадры была очевидна, и шведы, несмотря на постигшую ихъ неудачу, оставались фактическими обладателями моря и, слѣдовательно, имѣли полную возможность, исправивъ свои поврежденія, повторить свою попытку напасть на раздѣленныя морскія силы Россіи въ Ревелѣ и Кронштадтѣ.

Ревельское сраженіе 2 мая 1790 г.

Съ нѣмецкой акварели того времени. (Изъ собранія плановъ и гравюръ Исторической части Морского Генеральнаго Штаба).

Къ стр. 136.



Объясненіе.

C—песчаная мель.
DE—путь шведскаго флота къ Ревелю.
Fg—линія, по которой шведскій флотъ дефилировалъ мимо русскаго.
H—шведскій корабль, ставшій на мель у острова Вульфъ.
I—шведскіе корабли, которые повернули, не дойдя до русской линіи, и потому въ бою не участвовали.
K—шведскій корабль «Принцъ Карлъ», навалившій на русскую линію и спустившій флагъ.
L—мѣсто этого корабля послѣ сдачи.
MN—линія русскаго флота.
O—русскій редутъ на о-вѣ Карлусъ.
P, Q, R, T, U—русскія батареи.
S—гавань.
V-W—городъ Ревель.



Ревельское сраженіе 2 мая 1790 г. (Моментъ сдачи шведскаго корабля „Принцъ-Карлъ")

С[illegible] картины въ [illegible] М[illegible] К[illegible]

Особенно опасались за послѣдній. Здѣсь спѣшно готовилась эскадра изъ 11 кораблей и 2 фрегатовъ, которымъ предстояло съ проходомъ льда идти въ Ревель на усиленіе эскадры Чичагова. Кромѣ этихъ судовъ для непосредственной защиты Кронштадта готовилась еще резервная эскадра подъ командой вице-адмирала Александра Ивановича Круза, въ составѣ 8 кораблей, 6 фрегатовъ и 15 мелкихъ судовъ.

Когда было получено извѣстіе, что шведы послѣ ухода своего отъ Ревеля продолжаютъ находиться въ Финскомъ заливѣ и держаться на пути соединенія нашей Кронштадтской и Ревельской эскадръ, съ цѣлью не допустить этого соединенія—явилось вполнѣ логичное опасеніе, что шведы не замедлятъ явиться къ самому Кронштадту и произведутъ на него рѣшительное нападеніе совмѣстно съ шхернымъ флотомъ. Было приказано спѣшно выводить суда на рейдъ и заканчивать ихъ вооруженіе для выступленія въ море.

7 мая суда обоихъ эскадръ—кронштадтской и резервной—были на рейдѣ. Общее начальство было поручено Крузу, который пользовался особенной любовью и довѣріемъ среди флотской молодежи и командъ. Это былъ храбрый, умный и искусный адмиралъ, съ отличнымъ боевымъ прошлымъ, много плававшій и умѣвшій своей заботливостью о подчиненныхъ, безпристрастіемъ и неуклоннымъ исполненіемъ долга внушить вообще уваженіе. Популярность его среди моряковъ была настолько велика, что общій голосъ указывалъ на него, какъ на достойнѣйшаго преемника покойнаго Грейга. Однако, прямота и чувство личнаго достоинства Круза, не позволявшаго наступать себѣ на ногу, часто создавали ему сильныхъ противниковъ среди лицъ приближенныхъ къ Императрицѣ, и послѣдняя, считая Круза человѣкомъ неуживчивымъ и строптивымъ, избѣгала ставить его во главѣ флота.

Оба года войны Крузъ находился безъ дѣла въ Кронштадтѣ, командуя небольшой резервной эскадрой для охраненія этой крѣпости. Наконецъ, въ 1790 г. общественное мнѣніе одержало верхъ и флотъ получилъ въ начальники своего любимца. Дѣло закипѣло. Готовящаяся эскадра зажила новой жизнью. Не было недостатка ни въ ревностныхъ исполнителяхъ, ни въ желаніи какъ можно скорѣе выйти въ море. Молодежь, соревнуя своимъ ревельскимъ товарищамъ, рвалась въ бой подъ начальствомъ любимаго адмирала, которому давно опротивѣла вынужденная бездѣятельность и который самъ рвался навстрѣчу непріятеля.

11 мая эскадра Круза была приведена въ полную боевую готовность, а на слѣдующій день былъ полученъ указъ о выходѣ эскадры въ море. Чувствовалось, что эскадра находится въ опытныхъ боевыхъ рукахъ. Всѣ распоряженія говорили о твердомъ намѣреніи адмирала начать упорную борьбу за обладаніе моремъ.

Шведскій флотъ въ составѣ 22 кораблей и 18 развѣдочныхъ судовъ находился около Гогланда и, повидимому, зналъ уже о выходѣ эскадры Круза. Оба противника шли другъ къ другу на встрѣчу. Приближеніе шведскаго флота къ Петербургу вызвало сильныя опасенія Императрицы и двора. Кронштадтъ былъ плохо укрѣпленъ и на его защиту раз-

считывать было трудно. Всѣ надежды возлагались на Круза, но и здѣсь, по мнѣнію многихъ, успѣхъ былъ подъ сомнѣніемъ. Противъ 30 боевыхъ судовъ (22 линейныхъ корабля и 8 большихъ фрегатовъ) шведовъ Крузъ имѣлъ только 17; личный составъ шведскаго флота былъ уже обстрѣлянный и его командиры представляли цвѣтъ командпаго состава, тогда какъ суда Круза были спѣшно укомплектованы рекрутами и ластовыми командами, а часть командировъ только что была вызвана изъ отставокъ и запаса. Вѣсъ залпа шведовъ былъ 1100 пудовъ, вѣсъ нашего залпа едва достигалъ 600 пудовъ.

22 мая флоты завидѣли другъ друга у острова Сескаря почти на равномъ разстояніи между Долгимъ Носомъ и Стирсудденомъ. Нашъ флотъ уже находился въ боевомъ порядкѣ и былъ готовъ къ бою. Авангардіей командовалъ доблестный вице-адмиралъ Сухотинъ, личный другъ Круза, аріергардіей контръ-адмиралъ Повалишинъ. Самъ Крузъ командовалъ центромъ. Кромѣ того имѣлся отрядъ изъ 8 небольшихъ гребныхъ фрегатовъ подъ командой капитана Деннисона, шедшій въ замкѣ.

Съ ночи на 23 мая оба флота въ линіяхъ баталіи стали сближаться.

Едва разсвѣло и противникъ обозначился вполнѣ ясно, какъ нашъ флотъ, весь до верху одѣтый парусами, полнымъ ходомъ устремился на непріятеля, правымъ крыломъ впередъ, въ строѣ пеленга. Сбоку слѣдовали фрегаты, коимъ было поставлено задачей подкрѣплять своимъ огнемъ слабыя мѣста и оказывать помощь наиболѣе пострадавшимъ кораблямъ. Около 3 часовъ утра на адмиральскомъ кораблѣ взвивается сигналъ „атаковать непріятеля на ружейный выстрѣлъ“ и вся эскадра начинаетъ быстро спускаться на противника.

Первыми вступаютъ въ бой корабли авангардіи Сухотина. Подойдя на разстояніе двухъ кабельтовыхъ, передніе корабли дѣлаютъ первые пристрѣлочные выстрѣлы и затѣмъ сразу, окутавшись дымомъ, начинаютъ засыпать шведовъ градомъ снарядовъ.

Вскорѣ бой сдѣлался общимъ. Особенно жарка была схватка авангарда и центра. Весь закутанный пороховымъ дымомъ, адмиральскій корабль Круза все время находился нѣсколько впереди линіи, сражаясь съ нѣсколькими противниками одновременно и показывая примѣръ остальнымъ.

Видя свое преимущество въ силѣ, шведы яростно громятъ нашъ авангардъ, стараясь поставить противъ каждаго корабля два своихъ. Ихъ большіе фрегаты, державшіеся во второй линіи, мало-по-малу вступаютъ въ интервалы между кораблями.

Видя это, капитанъ Деннисонъ съ своимъ отрядомъ фрегатовъ устремляется на помощь нашей авангардіи, гдѣ бой достигаетъ наивысшаго напряженія.

Несовершенство нашей матеріальной стороны значительно отражается на силѣ нашего огня. На нѣсколькихъ судахъ послѣ первыхъ же выстрѣловъ разорвалось нѣсколько орудій, перебивъ прислугу и нанеся судамъ поврежденія. Приходится охлаждать орудія водой, стрѣлять

уменьшенными зарядами, однако, эти случаи не отражаются на духѣ личнаго состава. Съ подходомъ арьергардіи бой идетъ по всей линіи.

Около 5 часовъ ядромъ оторвало ногу вице-адмиралу Сухотину, и онъ замертво падаетъ на палубу. Придя въ чувство, онъ передаетъ командиру корабля Федорову командованіе авангардіей и приказываетъ ни въ какомъ случаѣ не ослаблять атаки на авангардъ непріятеля.

Рядъ поврежденій въ рангоутѣ и парусахъ не ослабляетъ силы боя. Напротивъ, подбодряемые сигналами Круза, отставшіе корабли спѣшно занимаютъ мѣста и громятъ противника на самомъ близкомъ разстояніи.

Около 6 часовъ избитый шведскій авангардъ началъ явно ослабѣвать и его корабли одинъ за другимъ стали уклоняться отъ боя. Вѣтеръ стихалъ и шведы спѣшили отойти изъ опасенія быть застигнутыми штилемъ.

Около 8 часовъ наступаетъ полный штиль, и бой окончательно стихаетъ.

На обѣихъ эскадрахъ идутъ дѣятельныя работы по исправленію поврежденій. У шведовъ сбито 10 стеньгъ, много поврежденнаго рангоута, пробитыхъ парусовъ. У насъ поврежденій немного, но зато изъ строя выбыло разорвавшимися и треснувшими 23 пушки.

Мѣсто боя осталось за нами. Бой законченъ со славой. Люди хотя измучены всей тяжестью боя подъ парусами и ночнымъ бдѣніемъ, но духъ великолѣпенъ и вѣра въ начальника непоколебима.

Около 9 часовъ легкій вѣтерокъ съ моря позволяетъ выстроить немного разбросавшіяся во время боя суда въ линію. Шведы дѣлаютъ то же. Одновременно Крузъ на шлюпкѣ объѣзжаетъ всѣ суда, поздравляя съ побѣдой и осматривая поврежденія. Посѣщаетъ онъ и смертельно раненаго Сухотина, съ которымъ хочетъ проститься.

Около 11 часовъ, когда флотъ нашъ немного приблизился къ островамъ Біорк-э, оттуда показалось около 20 шведскихъ гребныхъ судовъ, которыя съ дальняго разстоянія открыли безвредный огонь по эскадрѣ, но тотчасъ были прогнаны отрядомъ фрегатовъ Деннисона. Около 1 часу дня на шведскомъ флотѣ было замѣчено движеніе, а немного спустя сдѣлалось ясно, что шведы намѣреваются произвести новую атаку на нашу эскадру.

Поставивъ всѣ паруса, шведская эскадра быстро спускалась на нашъ центръ. Снова разгорѣлся бой. Особенно упорно былъ атакованъ нашъ центръ, гдѣ на кораблѣ «Іоаннъ Креститель» держалъ свой флагъ Крузъ.

Нападеніе было встрѣчено яростнымъ огнемъ всѣхъ судовъ, причемъ во время самой упорной схватки съ флагманскимъ кораблемъ браваго Круза, къ великому удивленію шведовъ, оттуда неслись звуки оркестра музыки. Это былъ любимый пріемъ Круза, дравшагося подъ музыку и въ Хіосскомъ сраженіи, гдѣ онъ, свалившись съ загорѣвшимся кораблемъ Капудана-паши, взлетѣлъ на воздухъ съ своимъ судномъ и только чудомъ спасся.

Однако, на этотъ разъ схватка продолжалась недолго.

Воодушевленныя команды развили такой бѣшеный огонь, что шведы, продержавшись около получаса, стали спѣшно отступать и затѣмъ, повернувъ, удалились изъ сферы огня.

Третья атака шведовъ, около 6 часовъ вечера, также была отражена, послѣ чего шведы отступили къ Біорк-э.

Итогъ всего дня—полная удача Круза, всѣ три раза удержавшаго за собой мѣсто боя, хотя и безъ нанесенія особеннаго ущерба врагу, кромѣ нравственнаго.

Мы потеряли 94 человѣка убитыми и 246 ранеными, шведы по свидѣтельству ихъ историковъ—84 убитыхъ и 283 раненыхъ.

Не обошлось дѣло и безъ печальныхъ происшествій. Корабль «Іоаннъ Богословъ», получившій рядъ поврежденій въ первомъ бою, былъ выведенъ его командиромъ, капитаномъ Одинцовымъ, за линію, хотя и могъ оставаться въ строю. Отъ второго боя Одинцовъ, несмотря на протесты офицеровъ, уклонился совершенно и, несмотря на всѣ сигналы Круза «вступить въ линію», не только не исполнилъ приказанія, но осмѣлился совершенно уйти съ мѣста боя и удалиться въ Кронштадтъ, яко бы не имѣя возможности починиться своими средствами. Такимъ образомъ, эскадра была ослаблена на одинъ корабль. Одинцовъ былъ отданъ подъ судъ и разжалованъ въ матросы.

На слѣдующій день оба флота оставались на виду другъ у друга и готовились къ новой схваткѣ.

Имѣя поврежденные корабли, Крузъ считалъ неблагоразумнымъ повторять вчерашне нападеніе противъ значительно превосходящаго въ силахъ непріятеля. Дѣйствительно, шведы хотя и были три раза отбиты, но перевѣсъ въ силѣ былъ на ихъ сторонѣ.

Въ свою очередь, сами шведы не отказывались отъ намѣренія попытаться разбить Круза, понимая, что съ прорывомъ его въ Ревель, русскій флотъ усилится настолько, что бороться съ нимъ будетъ неизмѣримо труднѣе. Впрочемъ, борьба съ каждой изъ частей этого флота отдѣльно подъ Ревелемъ и у Стирсудена ясно говорила за то, что надежды на успѣхъ очень мало. Поэтому, пока не произошло соединеніе эскадръ, герцогъ Зюдерманландскій рѣшилъ еще разъ попытать счастья. Въ свою очередь, Крузъ, готовый къ новому бою, рѣшилъ держать шведовъ подъ своимъ наблюденіемъ, надѣясь, что спѣшно вышедшая изъ Ревеля эскадра Чичагова дастъ ему возможность поставить шведовъ въ два огня.

24 мая около 2 часовъ пополудни шведскій флотъ, выстроившись въ линію баталіи, сталъ приближаться къ нашей эскадрѣ. Его авангардъ, приблизившись на дистанцію выстрѣла, завязалъ горячій бой, усилившійся по мѣрѣ подхода центра и арьергарда. На этотъ разъ рѣшительность удара и сила огня шведовъ на время нарушили строй нашего авангарда, который потерпѣлъ поврежденія въ такелажѣ, не смогъ хорошо управиться съ парусами и сбился на нѣкоторое время въ кучу. Это произвело разрывъ въ линіи строя, чѣмъ шведы не замедлили воспользоваться. Тотчасъ въ образовавшійся интервалъ бросились ближайшіе суда шве-

довъ—2 корабля и 4 фрегата—съ цѣлью обойти наши заднiе авангардные корабли и поставить ихъ въ два огня. Имъ уже почти удалось прорѣзать строй нашей эскадры, какъ Крузъ, внимательно слѣдившiй за всѣмъ боемъ, спѣшно послалъ на помощь авангарду отрядъ Денисона со всѣми фрегатами. Послѣднiй, выполнивъ лихо свой маневръ, поспѣлъ какъ разъ во-время. Шведы, увѣренные уже въ успѣхѣ кратковременной атаки, быстро должны были ретироваться, чтобы не быть отрѣзанными въ свою очередь.

Одновременно авангардъ успѣлъ исправить свою линiю и Крузъ рѣшилъ произвести нападенiе съ навѣтра, для чего началъ уже дѣлать поворотъ на противника. Во время боя внимательный Крузъ замѣтилъ одно явленiе, наведшее его на вполнѣ опредѣленную мысль, которую онъ захотѣлъ немедленно использовать. Было замѣчено, что шведы въ послѣднемъ бою, даже на самомъ близкомъ разстоянiи дѣлали часто холостые выстрѣлы, примѣрно, три холостыхъ на одинъ боевой. Это явленiе дало Крузу право думать, что шведы, не желая ослабить внѣшняго впечатлѣнiя горячаго боя, берегли снаряды изъ-за ихъ недостатка. Это предположенiе перешло въ увѣренность, когда, сдѣлавъ поворотъ, чтобы сблизиться съ непрiятелемъ, Крузъ увидѣлъ, что послѣднiй поспѣшно началъ отступать всей линiей.

Наступилъ вечеръ. Видя отступленiе противника, Крузъ сдѣлалъ сигналъ гнаться за непрiятелемъ, тѣмъ болѣе, что ночь должна была быть свѣтлая.

Около 9 часовъ вечера на горизонтѣ показались непрiятельскiе крейсеры, державшiе сигналы о приближенiе нашей ревельской эскадры. Шведы немедленно прибавили парусовъ и стали удаляться на западъ. Всю ночь Крузъ, также получившiй извѣстiе о близости Чичагова, гнался за непрiятелемъ, а около 7 часовъ увидѣлъ, наконецъ, ревельскую эскадру, стоящую на якорѣ у острова Пени, гдѣ и произошло соединенiе

Шведы поспѣшили удалиться къ Выборгу, пользуясь тѣмъ, что неразсчетливый Чичаговъ даже не попытался преградить имъ дорогу.

Итакъ, благодаря Крузу и его доблестнымъ соратникамъ, шведы еще разъ были вынуждены отказаться отъ осуществленiя своихъ плановъ. Петербургъ былъ въ безопасности, а шведы рисковали поплатиться флотомъ, теперь запертымъ въ Выборгскомъ заливѣ.

Г. Выборгское сраженiе.

Императрица предписала употребить всѣ усилiя, чтобы использовать столь выгодное для насъ положенiе и нанести рѣшительный ударъ шведскому преобладанiю на морѣ.

Положенiе шведовъ было почти безнадежно. Съ суши они были отрѣзаны нашей армiей, со стороны Транзунда всѣ проходы были закрыты гребной флотилiей адмирала Козлянинова въ числѣ 52 судовъ, со стороны же моря всѣ выходы охранялись сильными отрядами корабельнаго флота подъ начальствомъ Чичагова. Всѣ попытки шведовъ овладѣть

берегами Транзунда и очистить здѣсь себѣ проходъ были безрезультатны.

Шведы отлично понимали всю тяжесть своего положенія и изыскивали способъ спасти флотъ съ наименьшими потерями. Нерѣшительный и медлительный Чичаговъ ограничился только наблюденіемъ за противникомъ. Всѣ указанія его ближайшихъ помощниковъ на необходимость усилить оборону проходовъ батареями, чтобы какъ можно больше стѣснить шведовъ при прорывѣ, не привели ни къ чему.

Надѣясь только на силу своего флота, Чичаговъ распорядился закрыть всѣ проходы отрядами судовъ. У Питкопаса находился отрядъ капитана Кроуна изъ 8 фрегатовъ, восточнѣе его—отрядъ контръ-адмирала Ханыкова; рядомъ съ послѣднимъ, у мыса Крюсерортъ, заграждая сѣверный фарватеръ, находился отрядъ контръ-адмирала Повалишина изъ 5 кораблей, дальше съ главными силами стоялъ самъ Чичаговъ; юго-восточный выходъ занималъ отрядъ контръ-адмирала Лежнева, въ Біорк-э-зундѣ находился принцъ Нассау, Транзундъ оборонялъ Козляниновъ. Такимъ образомъ, силы флота были разбросаны.

Весь іюнь мѣсяцъ провели шведы, будучи запертыми и не принимая никакихъ попытокъ къ прорыву, изъ-за отстутствія нужнаго вѣтра.

Наконецъ, 22 іюня подулъ свѣжій восточный вѣтеръ и шведы, изучившіе расположеніе нашихъ отрядовъ, устремились къ выходу въ море] черезъ сѣверный фарватеръ, гдѣ находились наиболѣе слабые отряды Повалишина и Ханыкова.

Быстро минуя проходъ, шведы засыпали жестокими залпами наши суда, огонь которыхъ изъ-за заслонившаго дыма былъ весьма малодѣйствителенъ. Послѣ полуторачасового боя наши суда оказались сильно избитыми. Между тѣмъ, Чичаговъ, видѣвшій прорывъ фактомъ совершившимся, не только не думалъ оказывать помощь, но даже не пытался преградить шведамъ дальнѣйшій путь.

Одинъ за другимъ проскакивали шведскія суда. Наконецъ, когда больше половины ихъ прошло въ море, Чичаговъ рѣшился послать на поддержку отряда Повалишина отрядъ Мусина-Пушкина, но было уже поздно.

Насколько, тѣмъ не менѣе, трудно было положеніе шведовъ, показываетъ тотъ фактъ, что во время прорыва у нихъ стало на мель и было взято въ плѣнъ 3 корабля и 2 фрегата. Кромѣ того, отъ собственнаго брандера взорвались шведскіе корабль и фрегатъ.

Остальной флотъ спѣшно уходилъ въ Свеаборгъ, чтобы тамъ укрыться.

Пропустивъ моментъ, Чичаговъ могъ только броситься со всѣмъ флотомъ въ погоню. Во время преслѣдованія нами былъ взятъ въ плѣнъ контръ-адмиральскій корабль «Софія-Магдалина», а почти у самаго Свеаборга храбрый Кроунъ на своемъ фрегатѣ «Венусъ», при содѣйствіи корабля «Изяслава», взялъ корабль «Ретвизанъ».

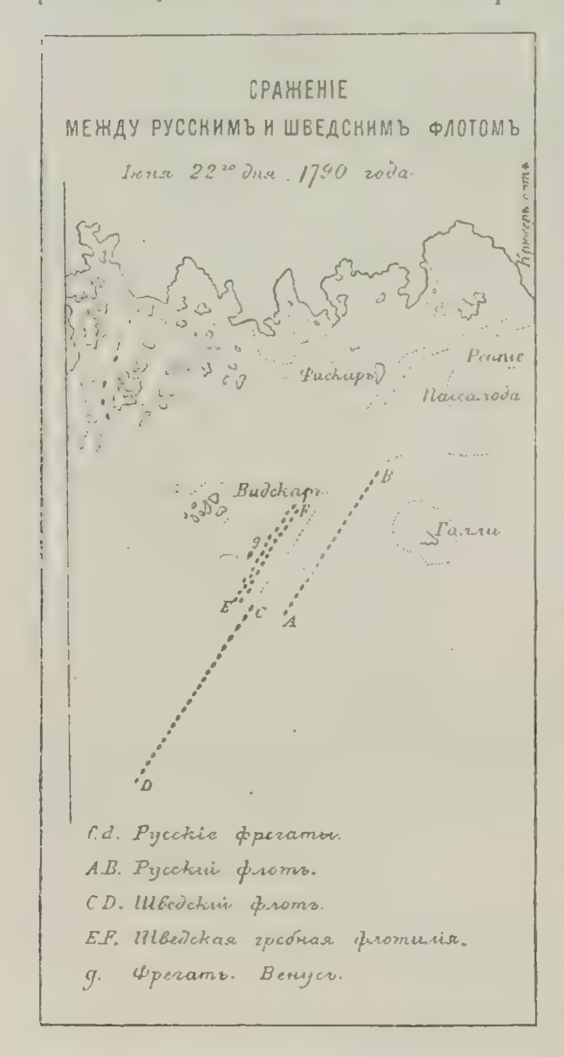
При погонѣ по необъяснимой причинѣ Чичаговъ упустилъ удобный случай уничтожить большой гребной флотъ шведовъ (около 200 судовъ съ 14.000 войскъ), прорвавшійся одновременно изъ Выборгскаго залива и сильно отставшій отъ корабельнаго во время погони.



ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ПЛАНУ.

A.B. Русская эскадра на якорѣ 26-го мая.
C.D. Русскій флотъ расположенъ 29-го мая, въ линію NWTN$^{1}/_{2}$ N и SOTS$^{1}/_{2}$ S.
E.F. Русскіе фрегаты у о-ва Фискара.
K. Шведскіе корабли у м. Крюсерортъ.
M.N. Шведскій флотъ.
T. Русская флотилія въ Транзундѣ.
s. Шведская гребная флотилія у о-ва Равица. Въ ночь на 22 іюня была выбита отсюда русской гребной флотиліей подъ начальствомъ Нассау-Зигена и принуждена была отступить къ своему корабельному флоту.
Q. Аріергардія.
v. Кордебаталія.
w. Авангардія.
a.b. Гребные фрегаты.
1. Репетичный фрегатъ.
2. Фрегатъ Гавріилъ.
3. „ Слава.
4. Коттеръ Нептунъ.
5. Фрегатъ Подражиславъ.
6. Гребной фрегатъ.
7. Коттеръ Меркурій.
8. Фрегатъ Венусъ.
9. „ Надежда Благополучія.
10. „ Помощный.
11. „ Брячиславъ.
12. 13. 14. Гребные фрегаты.
15. Фрегатъ Прямиславъ.

Сначала онъ отдѣлилъ противъ нея нѣсколько судовъ, которые и остановили шведовъ, начавшихъ спускать флаги при приближеніи русскихъ, но потомъ онъ отозвалъ свои суда, вслѣдствіе чего шведская гребная флотилія поспѣшила скрыться въ шхеры. Здѣсь опять особенно отличился тотъ же Кроунъ. Несмотря на сигналъ Чичагова, онъ, видя, что шведы вновь поднимаютъ шведскіе флаги и уходятъ въ шхеры, врѣзался въ самую середину шведскихъ гребныхъ судовъ и осыпалъ ихъ съ обоихъ бортовъ ядрами и картечью, вслѣдствіе чего попавшія подъ его обстрѣлъ шведскія гребныя суда становились на якорь и спускали паруса. Примѣру Кроуна послѣдовало еще нѣсколько судовъ, и въ результатѣ въ наши руки все-таки попало 21 гребное судно и 6 транспортовъ.



Итакъ, вторично шведскій флотъ избѣжалъ полнаго своего разгрома, благодаря нерѣшительности и непониманію боевой обстановки Чичаговымъ.

Сами шведы удивлялись поведенію Чичагова, и общественная молва того времени не могла иначе объяснить всего этого дѣла, какъ подкупомъ его со стороны шведовъ.

Остается только пожалѣть, что съ момента соединенія эскадръ начальство не было поручено Крузу, только что доказавшему, что можетъ сдѣлать энергичный и опытный флотоводецъ, когда имъ руководитъ единственная цѣль—побѣдить.

Единственной же цѣлью Чичагова, какъ это онъ доказалъ и въ Эландскомъ и Ревельскомъ сраженіяхъ, была «отстояться», нисколько не вѣря ни въ свои собственныя силы, ни въ вѣроятность побѣды.

Впрочемъ, это все не помѣшало Чичагову, опираясь на фактъ захвата въ плѣнъ судовъ, получить новыя знаки вниманія и благодарности Императрицы. Онъ былъ награжденъ орденомъ св. Георгія 1-й степени.

Д. 2-е Роченсальмское сраженіе.

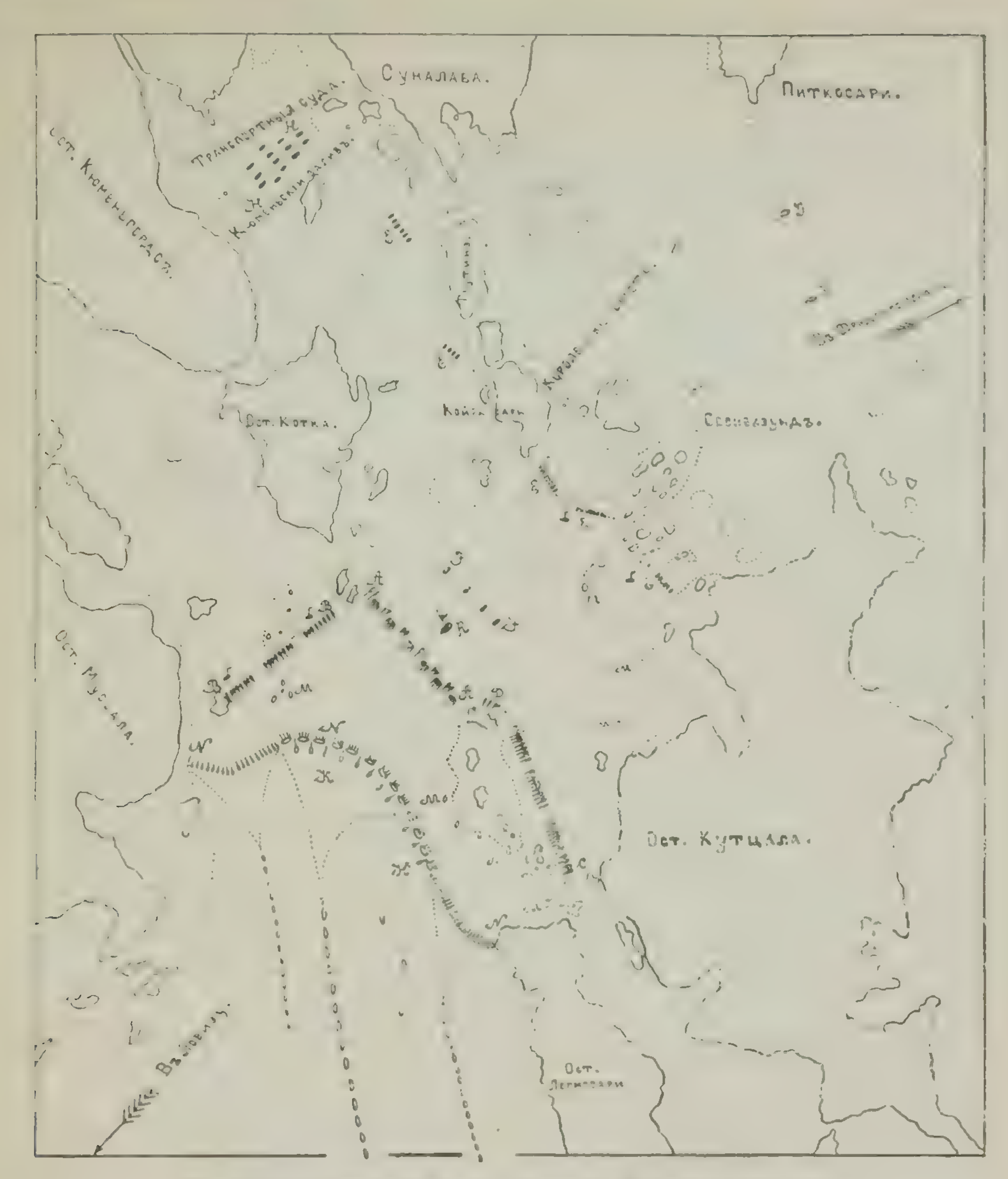
Нераспорядительность Чичагова, упустившаго шведскую гребную флотилію, имѣла серьезныя послѣдсвія. Флотилія эта добралась до Роченсальма и заняла тамъ крѣпкую позицію.



Выборгское сраженіе 22 іюня 1790 г.

Съ картины въ музеѣ Морского орпуса.

Къ стр. 144.



Планъ 2-го Роченсальмскаго сраженія 28 іюня 1790 года.

ОБЪЯСНЕНІЕ КЪ ПЛАНУ.

А А—Центръ шведскаго гребного флота—2 гемаммы, 2 удемы, 1 фрегатъ и 15 галеръ подъ начальствомъ полковника Стединга.

В В—Правое крыло шведскаго флота—60 канонерскихъ лодокъ и іоловъ подъ начальствомъ полковника Тернинга.

С С—Лѣвое крыло шведскаго флота—57 канонерскихъ лодокъ и іоловъ подъ начальствомъ полковника Гельмштіерна.

Д—6 шведскихъ мортирныхъ судовъ за островомъ Сандшеръ.

Е Е Е—Отряды шведскихъ судовъ (канонерскія лодки), охраняющіе проходы Свенскзунда отъ прорыва на рейдъ.

F F—Шведскіе мортирные барказы, охраняющіе королевскую яхту R.

G G—Шведскіе барказы на передовыхъ постахъ передъ Свенскзундомъ.

Н—Шведскія транспортныя суда въ Кюменьскомъ заливѣ.

N N—Линія русскаго гребного флота подъ начальствомъ принца Нассау-Зигенъ.

К К—Центръ русскаго гребного флота—20 фрегатовъ, шебекъ, плавучихъ батарей, 22 галеры, кутера и мелк. судовъ; на флангахъ 26 галеръ и 80 канонерскихъ лодокъ.

М М—Русскія суда на меляхъ къ концу боя.

Слѣдомъ за ней двинулся со своей флотиліей принцъ Нассау. Подойдя къ Фридрихсгамну, Нассау занялся приведеніемъ своихъ судовъ въ исправное состояніе и приготовленіемъ къ рѣшительному нападенію.

Было рѣшено разбить шхерный флотъ непріятеля и очистить отъ него побережье, чтобы дать возможность нашей арміи безпрепятственно продвинуться къ Свеаборгу и совмѣстными усиліями съ флотомъ взять крѣпость и находившіяся тамъ морскія силы шведовъ.

27 іюня принцъ Нассау получилъ отъ Императрицы рескриптъ, въ которомъ говорилось, что самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для «прочнаго на будущее время сохраненія покоя» Императрица считаетъ «совершенное морскихъ непріятельскихъ силъ истребленіе».

«Доброе тому начало,—говорилось далѣе,—уже положено. Къ совершенію сего потребны еще усиленныя дѣйствія не только обоихъ нашихъ флотовъ, но и сухопутной арміи. Итакъ, если представляется вамъ удобность по разбитіи гребнымъ флотомъ, вами предводимымъ, шведскаго таковаго же простерти дѣйствія ваши къ сторонѣ Свеаборга, вспомоществуемыя арміей нашей къ Гельсингфорсу, въ то самое время, когда корабельный нашъ флотъ будетъ имѣть въ виду, чтобы не выпустить непріятельскіе корабли, въ сей портъ зашедшіе, ища способовъ къ ихъ истребленію, то сіе мы почитаемъ дѣломъ самой верховной важности и для насъ выгоды».

Рескриптъ этотъ подѣйствовалъ на славолюбиваго и горячаго Нассау самымъ возбуждающимъ образомъ. Даже не успѣвъ еще сосредоточить всѣхъ своихъ судовъ, онъ въ тотъ же день спѣшилъ отвѣтить Императрицѣ: «Я не успѣлъ еще узнать, какія имѣются у шведовъ суда при Роченсальмѣ. Но это для меня ничего не значитъ. Если они будутъ меня ожидать, то я иду ихъ атаковать и разбить».

Силы флотиліи Нассау состояли изъ 31 крупнаго шхернаго судна и 170 меньшихъ. У шведовъ 12 крупныхъ и до 275 среднихъ и малыхъ.

Послѣдними командовалъ на этотъ разъ самъ король. Понимая всю опасность своего положенія и возможность быть отрѣзаннымъ, король помнилъ прошлогоднюю неудачу Эренсверда въ этомъ же мѣстѣ и принялъ всѣ мѣры, чтобы довести силу своей позиціи до максимума.

Онъ снова закрылъ Королевскія ворота затопленными судами, но уже въ значительно большей степени, а флотъ расположилъ между островами Кукуари и Варисари. Въ центрѣ были поставлены наиболѣе крупныя суда, дѣйствовавшія бортомъ, между ними въ интервалахъ были выдвинуты галеры и канонерскія лодки, артиллерія которыхъ дѣйствовала съ носу. На флангахъ, упираясь въ островки, находились бомбарды. Всѣ прилегающіе острова были обезпечены батареями. Остальныя суда іолы и канонерскія лодки длинными линіями тянулись по обѣимъ сторонамъ центра, также доходя до укрѣпленныхъ острововъ Муссало и Лехма.

Помня свой прошлогодній успѣхъ, Нассау не счелъ нужнымъ предпринимать какія-либо мѣры для вѣрнаго обезпеченія побѣды.

Надѣясь на свое искусство, на правильность своихъ боевыхъ разсчетовъ, Нассау не счелъ нужнымъ ни обезпечить себя батареями на островахъ, ни содѣйствіемъ линейнаго флота на случай прорыва шведовъ въ море.

Было рѣшено дать генеральное сраженіе, день былъ выбранъ 28 іюня—день восшествія на престолъ Императрицы.

Еще наканунѣ погода не обѣщала ничего хорошаго, дулъ порывистый вѣтеръ и между островами развело сильную зыбь, весьма неудобную для легкихъ гребныхъ судовъ.

Вся ночь на 28 прошла въ размѣщеніи судовъ. Къ 4 часамъ утра оно было закончено и суда флотиліи выстроены въ четыре линіи для одновременнаго нападенія.

Около 8 часовъ утра по сигналу Нассау началось общее наступленіе. Первыми шли на правый флангъ непріятеля отрядъ канонерскихъ лодокъ. За ними въ шахматномъ порядкѣ двигались въ центрѣ галеры.

Однако, сильное волненіе быстро стало оказывать свое вліяніе. Судамъ трудно было удерживать порядокъ строя, гребцы быстро утомлялись на веслахъ, выгребая на волнѣ.

Часовъ около 9½ наши суда приблизились на разстояніе выстрѣла, и сраженіе мало-по-малу начиналось по всей линіи.

На поддержку канонерскихъ лодокъ и галеръ были посланы немедленно наши парусныя суда—гребные фрегаты, шебеки, но не успѣли они подойти на выстрѣлъ, какъ уставшіе за ночь гребцы перестали справляться съ волной, а наши суда, закутанныя наносимымъ дымомъ, стали терять свои мѣста. Часть изъ лодокъ, сбитыхъ волной, были брошены на галеры и это послужило началомъ путаницы. Суда сбились въ кучу, сталкиваясь на волнѣ веслами. Замѣтивъ наше замѣшательство шведскія канонерскія лодки немедленно вышли изъ-за острововъ и, подойдя на близкій выстрѣлъ, открыли быстрый огонь по сбившимся въ кучу судамъ.

Съ большимъ трудомъ Нассау, Слизову и Литтѣ удалось возстановить порядокъ и растащить суда; около 2 часовъ порядокъ былъ возстановленъ, и сраженіе возстановилось по всей линіи.

Между тѣмъ, къ 3 часамъ вѣтеръ засвѣжѣлъ еще больше, гребцы окончательно выбились изъ силъ и падали отъ усталости. Строй и порядокъ маневрированія нарушился. Это было снова замѣчено шведами, гребцы коихъ были совершенно свѣжими. Усиливъ огонь, они тотчасъ послали свои канонерскія лодки въ обходъ нашего праваго фланга, въ тылъ изъ-за острова Лехма.

Едва обходъ былъ замѣченъ, какъ началась полная паника, истомленныя команды думали только о своемъ спасеніи. Часть лодокъ, несмотря на всѣ приказанія атаковать обходившихъ шведовъ, стала спѣшно ретироваться, ихъ примѣру послѣдовали остальныя. Аваріи судовъ отъ

непріятельскихъ выстрѣловъ усилили неудачу. Вѣтеръ дошелъ до такой степени, что срывалъ наши суда съ якорей и бросалъ ихъ на каменья ближайшихъ острововъ. Здѣсь суда разстрѣливались шведами и потому поспѣшно оставлялись командой, высаживавшейся на острова.

Всѣ попытки возстановить порядокъ и выстроить линію изъ уцѣлѣвшихъ судовъ для прикрытія отступавшихъ, избитыхъ галеръ и канонерокъ не приводили ни къ чему. Къ 9 часамъ вечера мы потеряли уже до 26 судовъ, изъ нихъ 9 крупныхъ. Бой представлялъ ужасную картину. Масса судовъ, сбившись въ кучу, бились о камни и другъ о друга. Груды судовыхъ обломковъ, веселъ, мачтъ, переплетенныхъ снастями, носились по волнамъ. Среди нихъ бились въ водѣ сотни людей, тщетно взывавшихъ о помощи.

Усилившійся штормъ и темнота довершили пораженіе.

Только теперь отдалъ принцъ Нассау приказъ объ отступленіи, и немногія суда, подъ веслами, парусами и на буксирѣ спѣшили выбраться изъ этого ада.

Канонада не смолкала. Шведы, насѣвъ вплотную, добивали суда Кое-гдѣ, отчаявшись въ спасеніи судна, команды зажигали ихъ и спасались на островахъ.

Около 11 часовъ вечера бой прекратился, но до трехъ часовъ утра еще гибли наши суда, не успѣвшія выйти изъ-за предательскихъ острововъ. Уронъ былъ ужасный: мы потеряли 52 судна, 7.370 человѣкъ, въ томъ числѣ 270 офицеровъ. Оставшіяся суда подъ прикрытіемъ ночи спѣшно отступили къ Фридрихсгаму.

Нэссау-Зигенъ былъ въ отчаяніи. Донося Императрицѣ объ уничтоженіи флотиліи, онъ просилъ объ отставкѣ, на что Государыня отвѣтила: «Вы служили мнѣ и будете служить впредь», однако это были только слова утѣшенія. Карьера его была кончена.

Рядъ ошибокъ, сдѣланныхъ Нассау, заключался въ слѣдующемъ:

1. Полная неосвѣдомленность о силахъ и положеніи противника.

2. Безпричинная увѣренность въ успѣхѣ при наличіи плохо обученныхъ и мало подготовленныхъ для боя командъ.

3. Упорное стремленіе дать генеральное сраженіе въ день восшествія на престолъ Императрицы, не считаясь ни съ погодой, ни съ утомленіемъ только что подошедшихъ отрядовъ.

Командованіе принялъ адмиралъ Козляниновъ. Къ нему спѣшно подходили подкрѣпленія изъ Кронштадта, и вскорѣ флотилія снова была доведена до 180 судовъ. Шведы продолжали оставаться на Роченсальмскомъ рейдѣ, почему теперь разрабатывался новый планъ уничтоженія ихъ шхернаго флота совмѣстными силами нашихъ корабельнаго и галернаго флота.

Однако, продолжавшіяся несогласія нашихъ главнокомандующихъ, нерѣшительность и непониманіе обстановки Чичаговымъ сдѣлали то, что среди военныхъ дѣятелей не было никакого единенія. Оно смѣни-

лось полнымъ равнодушіемъ. Ни Чичаговъ, ни Салтыковъ не были популярными начальниками, и личный составъ флота и арміи явно не довѣрялъ имъ.

Это знала Императрица и потому постепенно склонялась къ миру. Правда, Роченсальмскій погромъ сильно поднялъ духъ шведовъ, но оба ихъ флота были заперты, а средства для борьбы истощены.

Густавъ III также желалъ мира, который и былъ заключенъ въ Верелэ 3 августа 1790 года. Оба государства остались въ своихъ прежнихъ границахъ, не получивъ отъ войны ничего, кромѣ расходовъ.

Впрочемъ, теперь Россія могла сосредоточить свои силы на югѣ противъ Турціи, война съ которой, несмотря на всѣ успѣхи русскаго оружія, тянулась уже четвертый годъ.



Оглавленіе восьмого выпуска.



Списокъ иллюстрацій, помѣщенныхъ въ восьмомъ выпускѣ.

Кромѣ того въ текстѣ помѣщено 8 схемъ и плановъ.

---

*) Помѣщеніе нѣкоторыхъ изъ иллюстрацій не при тѣхъ страницахъ текста, къ которымъ онѣ дѣйствительно относятся, вызывается удобствомъ брошюровки при помѣщеніи ихъ между листовъ или полулистовъ.



ИСТОРІЯ РУССКОЙ
АРМІИ И ФЛОТА
КН-ИЗД.Т-ВО «ОБРАЗОВАНІЕ»
Т VIII

